

ЗВЕЗДА РУНЕТА

АННА ДЖЕЙН

БЕЛЫЕ ИСКРЫ СНЕГА

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги
книга-победитель конкурса «МОЛОДЕЖНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

Анна Джейн
Белые искры снега
Серия «Звезда Рунета»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17985901
Белые искры снега: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094669-3

Аннотация

Быть может, они были предназначены друг другу... И даже встречались в прошлой жизни. Но в этой они – полные противоположности и терпеть один другого не могут! Настя – самостоятельная, гордая и яркая девушка, привыкшая не опускать руки перед трудностями. Ярослав – утонченный эгоист, мальчик с комплексом принца, живущий комфортной жизнью. И между ними целая пропасть взаимной неприязни. Отчего они так часто встречаются? Сможет ли призрак загадочной девушки связать их судьбы? И что за таинственный Орден магов-адрианитов незримо играет с их жизнями? Магия ближе, чем думали эти двое. И искрится, как снег под светом фонаря морозной ночью...

Анна Джейн

Белые искры снега

© Анна Джейн, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Все герои и события вымышлены, совпадения – чистой воды случайность.

*Как бы ты ни бежал от меня, я все равно тебя найду.
Твоя судьба, с любовью*

Музыкой этого пространства была тишина.

Цветом – космический оттенок беспечного бежевого.

Запахом – пролитое кем-то на снег ванильное молоко мороза.

А границ... границ тут не было вовсе. Хотя, возможно, их просто не было видно. Только летала, рассекая замершее пространство, пьянящая свобода.

Огромное пространство без горизонта. Без времени. Без суеты. Тут было, где расправить крылья – бесконечная сверкающая даль так и манила опробовать ее, обещая захватывающий дух полет.

Только те, у кого трепетали крылья за спиной, тут не летали.

А те, кто ими не обладал, тем более не задерживались надолго. Да и что им было делать на осколках миллионов тонких зеркал, беспечно, словно облака, плывущих в разные стороны, одновременно и хаотично, и упорядоченно? Плыть вместе с ними в неизвестность? Играть с лучами потерянного слепящего солнца? Стать его бликом и затеряться среди отражений?

И все же на одном из осколков с потекшими краями стояли две неясные фигуры, скрытые витающим тут же туманом, какие бывают у водопадов. Казалось, силуэты их сами сотканы из застывшего тумана – только более плотного, ослепительно-белого.

Крыльев у них не было.

Они разговаривали – смиренно, с затаенной болью, но с нежностью и непонятной надеждой, и неясно было, то ли только они слышат друг друга, то ли все это зеркально-свободное пространство стало свидетелем их мучительно короткой беседы.

– Я найду тебя, чего бы мне это ни стоило. – Слова вырывались легкой дымкой, оседающей на соседних зеркальных осколках.

– А что если мы не узнаем друг друга?

– Не беспокойся. Я узнаю тебя.

– Страшно...

– Просто поверь. Ты ведь веришь мне?

– Я верю тебе. И обязательно узнаю.

– Да. Мы узнаем. Ну же, улыбнись. Я запомню эту улыбку.

Их пальцы соприкоснулись, и легкий болезненный ток пробежал по телам, а волосы взметнулись.

– Мне не хочется отпускать тебя. – Каждое слово им обоим давалось с трудом.

– Придется. Ты же знаешь...

Бескрылые приблизились друг ко другу, словно готовы были обняться, но не осмелились сделать этого. Где-то раздался молот грома приближающейся грозы, и оба они вздрогнули.

– Что ж, мне пора, я пойду чуть раньше.

– Иди... А я – за тобой.

– Приходи быстрее. Хорошо?

– Хорошо... Эй, дождись меня! Слышишь? Мы все сделаем по-другому!

– Я знаю. И я люблю тебя.

Сомкнутые ресницы, затаившиеся в уголках глаз с трудом сдерживаемые слезы отчаяния, шаг вперед, в пустоту, и сверкнула яркая искра – капля жидкого огня, устремившаяся вниз.

Никто не издал ни звука, но, казалось, зябкую тишину разорвал крик отчаяния.

На осколке зеркала осталась лишь одна фигура, обхватившая себя руками и склонившая голову вниз, съежившаяся на несуществующем ветру. И ответом ей была лишь гулкая тишина, переполненная пьянящим спокойствием. Гроза миновала. Лишь слышно было, как мягкие перья снега касаются вершин сияющих далеко внизу гор.

– Холодно без тебя, – тихий прерывистый шепот заставил зеркало покрыться рябящим инеем. – Пусть тебе будет тепло, ладно?

Оставшийся среди зеркально-облачного безмолвия обнял себя за плечи.

– И я тебя люблю. Раз, два, – вдруг начал медленно считать он, – три...

На счет «три» вниз устремилась еще одна искра – стремительная, быстрая, похожая на вспышку северного сияния.

«Я найду тебя».

«Я верю тебе».

Движением этого странного места была сломанная стрела времени.

Символом – круг с пустотой в середине.

Тайной – сама жизнь.

«Чего бы мне это ни стоило... не хочется отпускать... все сделаем по-другому...» – выводилось невидимым пальцем на запотевших зеркальных осколках, которых коснулся дым слов.

* * *

Я не знаю, почему это случилось с нами – наверное, так было кем-то задумано свыше. И этот «кто-то» наверняка большой хохмач и шутник. Безумный экспериментатор с извращенным чувством юмора. Гений, который вкусил сразу два запретных плода – злодейства и глумления.

До сих пор не верится, что это произошло.

Как, как подобное могло случиться с нами, детьми современной эпохи техники, электричества и всемогущего Интернета? Может быть, я сошла с ума и выдумала все это? Может быть, меня посещают изощренные галлюцинации? Может быть, я и правда ненормальная? Хотя, кажется, нет – тихое глубокое дыхание крепко спящего на кровати рядом со мной человека, эгоистично завернувшегося в одеяло, говорит о том, что происходящее – реальность. Наша общая с ним реальность.

Я, сидя на широком подоконнике около приоткрытого окна, за которым царила тихая ночь, подтянула к себе чуть заостренные колени длинных ног, обтянутых джинсовой тканью, и бессильно уронила на них бледные руки с выступающими венами. Осенью, весной, а зимой особенно кожа на этих руках была благородно белоснежная, как у аристократов

прошлых веков, а серебристый свет луны делал ее почти бескровной, как у мистического создания.

Пока никто не видит – можно позволить себе быть бессильной.

Подняв голову, я несколько раз осторожно провела кончиками пальцев по этой бледной руке, от широкого запястья до локтя и обратно, касаясь чуть выпирающих вен – их замысловатый естественный рисунок хорошо был виден под этой бледной кожей.

И это моя рука.

На лице появилась вдруг вымученная улыбка, скорее, думаю, больше похожая на гримасу отчаяния. И я уставилась в окно. Какая-то звезда подмигнула мне с неба.

Интересно, надолго ли это? Или – тут у меня замерло сердце – навсегда? Нет, этого не может быть. Навсегда – это не вариант. Навсегда – это как приговор, а я не согласна с ним! Я найду способ вернуть все на свои места.

Верну и точка.

Я нервно тряхнула головой, почувствовав вдруг непреодолимое желание закурить. Чертов дурак, это из-за него так хочется попортить легкие табаком! Раньше у меня никогда не возникало такого желания. Я вообще отношусь к людям, которые хоть и не ведут здоровый образ жизни, но не злоупотребляют сигаретами и алкоголем, не говоря уж о куда более вредных веществах. А он...

Я перевела взгляд на человека, лежащего на кровати – в это время он перевернулся с правого бока на спину, еще больше закутавшись в одеяло – и мое сердце наполнилось нежностью, такой, что я даже на время забыла о том, что хочу курить. Правда, вместе с нежностью ко мне пришли злость, обида, раздражение и еще много других не самых приятных чувств.

Все случилось из-за него, того, кто даже в такой ситуации умудряется спокойно спать, тогда как я мучаюсь от бессонницы, не зная, что делать.

Мои глаза уже со злостью глянули на длинные золотисто-русые прямые волосы, разметавшиеся по подушке – лицо наполовину было скрыто одеялом. Разлегся тут, спит, как будто бы все хорошо.

Он вновь перевернулся на бок, уже на левый, запутавшись в одеяле, как бабочка в сетях паука. При этом одеяло умудрилось сползти с ног, сбившись в районе груди, и я точно отчего-то знала, что в ту же секунду на икрах появились мурашки.

А так ли спокойно этот человек спит, как я думаю, вдруг возникла у меня в голове неожиданная мысль. Я с неохотой слезла с облюбованного мною подоконника, неслышно подошла к кровати, замерла и стала слушать дыхание. Вроде бы спокойное, мерное. Значит, не снятся очередные кошмары. И слава богу.

Я поправила одеяло, осторожно прикрыла обнаженные изящные ноги и устроилась рядом, на краешке кровати, глядя на того, с кем так крепко была повязана – куда там узам брака или даже родственным связям!

Можно смело сказать, что мы были одним целым.

Он что-то пробормотал во сне, дернулся, и я взяла его руку в свою, чтобы успокоить.

Этот благословенный незнамо кем отрок ночи родился в тот же день, что и я – пятого декабря, только вот ровно на три года позже. Представляете мое искреннее удивление, когда я узнала об этом? Ведь, несмотря на то, что родились мы в один день, мы – совершенно непохожие, я бы даже сказала, диаметрально противоположные люди с совершенно разными системами ценностей. Знаете, как свет и тьма. Я, конечно же, в роли света, а он – в роли тьмы. Нет, естественно, я не могу назвать себя воплощением вселенской добродетели, но по сравнению с ним, мистером Я-само совершенство преклоните предо мной свои ничемные колени, я – воистину ангел. Может быть, поэтому мы так крепко невзлюбили друг друга при первой встрече?

Нет, серьезно, он скверный парень. Есть в нем что-то непролазно темное, колдовское. И даже его обаяние больше похоже не на приятное очарование, когда тихо и незаметно влюбляешься, чувствуя теплоту в груди, а на хлесткий удар плетью прямо по сердцу – когда тебя заставляют чувствовать симпатию против своей воли, даже если ты совсем этого не хочешь. Он отлично умеет манипулировать людьми, но даже, кажется, не осознает это.

Почему он такой? Не знаю.

То ли год, в котором он имел честь появиться на свет, был плохим, то ли переданные от родителей гены подкачали, то ли акушеры умудрились повредить ему и без того стукнутую головушку, то ли это было связано с какими-то другими факторами, но характером этот человек не вышел совершенно. Самоуверенность, надменность, коварство, стремление быть самым главным, лучшим и всех нагибать причудливо сочетались с... Думаете, я перечислю какие-то хорошие качества вроде смелости, дерзости, остроты ума и всего остального, что часто имеет место быть в людях с лидерскими наклонностями? Увы, этот парень не обладал ничем из вышеперечисленного. Он всегда только притворялся хорошим, и люди ему верили. Все считали его ангелом, а он делал все возможное, чтобы поддержать свой ангельский имидж.

С уверенностью могу сказать, что он не дружит с головой, а голова, будучи такой же мстительной, как и он сам, отвечает ему тем же – с гордостью отказывается работать и устраивает многодневные забастовки, перекладывая всю ответственность за мыслительную деятельность на спинной мозг. Тот, не слишком работоспособный, простоватый, но расчетливый и хитрющий, как последняя лиса, отдает бразды правления этой, безусловно, важной частью жизнедеятельности, мозгу костному, настолько аморфному и ко всему безразличному, что вы сами понимаете, насколько в конечном итоге умен был этот несчастный человек. Хотя почему же несчастный? Таковым он никогда не был, и никто бы не возжелал назвать его несчастным – если только за глаза, шепотом и в полутьме, ибо говорить, что он несчастный – грех.

Жизнь дала ему все. Нет, не все, конечно, но очень многое: крепкое здоровье и эффектную внешность, любящих родных и верных друзей, достаточно высокий интеллект (не путайте его умственные способности с дурью, засевшей в голове) и творческие успехи, хорошее материальное обеспечение и возможность без особых хлопот получать желаемое, интерес противоположного пола и уважение окружающих, поддавшихся его обаянию и считающих его, как я говорила, ангелом.

Ведь он даже внешне чем-то похож на ангела. Издали кажется кем-то вроде без пяти минут совершенства: аки модель, он достаточно высок и пропорционален – разве только ноги несколько длиннее, чем нужно, от чего его внешность только выигрывает. Довольно гибок, строен, но не кажется худым – спорт наш мальчик не любит, хотя заставляет им себя заниматься. Он подтянут и крепок в плечах, имеет вполне себе развитую мускулатуру, хотя иногда кажется неприлично хрупким – когда захочет, естественно. Этот парень вообще хороший актер, и каждый видит его совершенно по-разному, как захочется ему самому. Я бы обязательно купилась на его актерскую игру в ангела с одуванчиком в волосах, если бы волею случая не поняла, какой он монстр на самом деле. Может быть, поэтому он меня и невзлюбил? Играть передо мной не было смысла, я видела его с самой плохой стороны, которую он так отчаянно, почти героически, но надо признать, удачно скрывал.

Что ж, продолжим разговор о внешности – об одном из немногих его неоспоримых плюсов. Говорят, глаза – зеркала души, и поэтому пару слов нужно сказать о них. Глаза его воистину ведьмовские – зеленые. Не то чтобы особенно яркие, но выделяющиеся на лице. Скорее, светлые, чем темные, с каким-то мятным оттенком, слегка смешанные с серебром у зрачка и с темной тонкой каемкой вокруг больших радужек. Его взгляд покажется вам воздушным и нежным, с едва заметной грустинкой, но вы не должны верить его глазам,

потому что никакие они у него не зеркала души. Зеленые глаза этого клоуна лишь инструмент его манипуляций над окружающими – то добрые, то хитрые, то печальные, то смеющиеся. Выражают полный спектр эмоций.

Если разобрались с глазами, перейдем к чертам лица. Наверное, вы уже догадываетесь, что его личико почти без изъянов – правильное, чуть продолговатое и несколько сужающееся книзу, с едва заметной ямочкой на подбородке, яркими губами, нижняя из которых полнее верхней, благородными ровными скулами, высоким чистым лбом и нервным, чуть выпирающим кадыком на шее. Из отличительных знаков – тонкий, в несколько сантиметров длинной шрам на вершине правой скулы. Шрам небольшой, но заметный, однако не портящий внешность, а, напротив, придающий ей некий мужественный шарм.

И волосы у него – любая девочка позавидует: здоровые, блестящие, неломкие и чуть-чуть волнистые. Наверное, поэтому прическа у этого гуся удлиненная – выполнена слоями. Верхние пряди заканчиваются на уровне ушей, нижние почти касаются плеч. Его только из-за причесочки можно принять за мажора. А впрочем, он и есть мажор. Голос, кстати, у мальчика тоже под стать – не слишком громкий, плавный, уверенный, чуть-чуть иронический и очень приятный, даже когда он нашептывает гадости.

И никакой печати порока в его внешности – может быть, только самые искушенные в человеческих характерах увидят его на дне светло-зеленых глаз.

С внешностью мы немного разобрались, поэтому можно перейти к характеру. О нем, впрочем, я уже говорила. Этот парень несносен: он капризный, очень нервный, хитрый, наглый, самоуверенный, гордый дурак, который всегда хочет быть во всем первым. Однако он почти всегда притворяется – и вполне успешно! – милым, самоотверженным человеком с золотым, невероятно большим сердцем, которое того и гляди сейчас начнет выпирать из груди. Его считают творческой личностью, хорошо разбирающимся в искусстве (ведь он еще и художник!), и неформальным лидером, который может вести к победе. И они за ним идут, да. На него надеются и доверяют. Считают, что он умен и интересен.

Мало кто знает, какой этот зеленоглазый парень настоящий. Лишь самый близкий круг общения. И, к сожалению, я вхожу в этот круг – против своей же воли. Увы мне, бедной.

Что же касается его семьи и материального положения – и здесь жизнь его не обделила. Довольно успешные родители, два старших брата, друзья, прекрасный дом, материальные блага, хорошая и стильная одежда, возможность путешествовать и покупать почти все, что захочет юноша в его возрасте – все это тоже у него было.

Ну как, можно ли назвать этого человека несчастным? Конечно же, нет. Возможно, вы даже позавидуете ему и захотите жить его же собственной жизнью.

И будьте уверены, если вы скажете нашему мальчику, что он несчастен, он рассмеется вам прямо в лицо. Негромко рассмеется, даже мягко, но со вкусом, как смеются над плохой шуткой те, кто знает толк в юморе, не желая обидеть весельчака-дурака, или же одними уголками тонких губ улыбнется – мягко, успокаивающе, как сумасшедшему, а в душе обзовет парой-тройкой непристойных слов и пошлет по матушке в самые глухие дали планеты.

Наверное, у вас возникает вполне логичный вопрос – зачем же я столько говорю о таком нехорошем и во многом смысле недостойном человеке? Ведь если он мне так сильно не нравится, не нужно обращать на него столько внимания. Да, вы будете правы, но есть кое-что, что заставляет меня постоянно думать и говорить об этой малявке – я все-таки на три года старше, что меня жутко радует! И это «кое-что» мне сильно не нравится – ведь избавиться я от этого не могу, сколько бы ни пыталась.

Вы хотите знать, что это? Даже если не хотите, я все равно скажу вам об этом.

Он заставил меня кое-что сделать. Кое-что, о чем я жалею. Очень жалею. До боли в груди.

Он заставил меня влюбиться. Влюбиться в того, кто тебя раздражает, бесит и вообще вызывает один лишь негатив. Только подумайте – влю-бить-ся! Даже звучит отвратительно.

Он заставил меня влюбиться *в себя*.

И я люблю и ненавижу одновременно. И эти чувства так сильны, что порой мне кажется, что меня разрывает на части. Знаете, как это тяжело? Нет, вы даже не догадываетесь. Ведь перед тем, как прийти к такому ошеломительному выводу – к тому, что я влюблена, мои душа и тело пострадали от него очень сильно. Да-да, вы не ослышались: тело – тоже пострадало. Нет, он не бил меня, даже пальцем не прикоснулся – девушек он не трогает, играет в благородство. И не приставал – в этом плане он тоже весьма щепетилен.

Этот лже-ангел сделал кое-что другое.

Едва я подумала об этом, курить резко захотелось еще сильнее – даже легкие болезненно сжались. Я все так же неслышно встала с кровати и направилась к двери, чтобы оказаться на кухне – но не затем, чтобы найти сигареты (их я благополучно выбросила, от греха подальше), а чтобы попить холодной воды и хоть как-то успокоиться. Не доходя до двери, я вдруг, сама не зная почему, остановилась около огромного, во весь рост, зеркала. Лунного света, проникающего сквозь окно, и ночного сияния спящего города мне хватило для того, чтобы разглядеть свое отражение. Холодная внешность, высокий рост, длинные ноги, стройная фигура с подтянутым животом и уверенным разворотом плеч, всегда привыкших быть прямыми и расправленными, русые волосы с пепельным холодным оттенком – удлиненные и растрепанные, светло-зеленые глаза с темной каемочкой по краю радужек, правильное холеное лицо почти без изъянов – красивое и аккуратное, шрам на скуле, который никогда и никем не считался недостатком...

Из зеркала на меня смотрел тот самый человек, которого я только что так ругала, которого любила и одновременно терпеть не могла.

Я вымученно улыбнулась сухими губами – улыбка вышла какой-то изломанной, ненастоящей, и коснулась указательным пальцем ямочки на подбородке – черт возьми, все-таки это лицо очень красиво. И даже начавшая пробиваться щетина не портит его. Его... не мое лицо.

Не выдержав, я вдруг закрыла лицо ладонями – большими, с выпирающими костяшками и длинными пальцами, которыми можно было охватить куда больше клавиш на фортепиано, чем это удавалось мне раньше. Правда, почти тут же я отняла руки от лица – в тот миг мне показалось, что я прикоснулась к его лицу своими ладонями. Я никогда бы не дотронулась до его лица.

В прошлой жизни не дотронулась бы – так вернее.

Я тяжело вздохнула, и в светло-зеленых глазах появились слезы.

Да, этот парень сделал кое-что другое.

То, что мы оба храним в тайне, иначе нам обоим не поздоровится.

Он просто случайно оказался в моем теле. А я – в его.

Наверное, не зря мы родились в один и тот же день – только с разницей в три года. И не случайно мы так часто сталкивались на протяжении последних лет. Ведь случайностей не бывает, верно?

Я еще раз глянула на него – или на себя? – в зеркало и, опустив голову, ушла на кухню. А там, устроившись за столом с кружкой холодной воды, незаметно уснула.

Ночью мне снилось, что я курю, облачившись в свое любимое платье.

Я так крепко спала, что даже не заметила, как меня укрыли пледом, чтобы я не мерзла.

Два года назад.

Я всегда, сколько себя помню, а помню я себя лет с трех или четырех, очень любила свой день рождения, и ждала пятое декабря, на которое он пришелся, с нетерпением и замиранием сердца.

В детстве и в раннем подростковом возрасте мне казалось, что этот праздник не просто принесет в мою жизнь, не самую, если честно, простую, нотку радости и тепла, но и подарит чудо – как в романтическом фильме про современную Золушку. И тогда в моей жизни что-то обязательно изменится, что-то важное и безумно мне нужное. Что-то, что сделает меня другой.

Я, правда, никогда не подозревала, насколько другой. А если бы подозревала, сразу уехала бы жить в горы, в гордое отшельничество, дав пару-тройку обетов. Например, никогда не разговаривать с зеленоглазыми красавчиками и кидаться в них солью всякий раз, когда вижу. Или поливать святой водой. Из шланга. А потом бежать и бежать... Впрочем, обо всем по порядку.

Когда я перешагнула отметку тринадцатилетия, мои взгляды на мир стали взрослее, наивность пропала, и я уже больше не мечтала о чудесах, вернее, мечтала, но уже не верила, что они могут реально произойти. Глупость же ведь, правда? Однако день рождения я любить не переставала и все равно с нетерпением ждала его – как, впрочем, и Новый год, и Рождество, и дни рождения нескольких близких мне людей. Не знаю почему, но мне всегда очень нравились праздники. Я, с виду часто не очень-то уж эмоциональная, но всегда горящая внутри, буквально заряжалась энергетикой и суетливой взбалмошной радостью праздновавших что-либо людей.

А уж как мне нравилось смотреть на свадьбы, в глубине души сожалея, что пока я не побывала ни на одной из них. Глядя на радостные смеющиеся лица людей – не только на праздниках, конечно, я сама немного становилась увереннее в себе, почему-то четко понимая: раз они смогли стать счастливыми, то и у меня это тоже получится. Раз они чего-то добились, то и я ничем не хуже – добьюсь тоже. Личный пример других становился моим стимулом.

Однако за время учебы в университете я, видимо, повзрослела еще сильнее – и хотя свой персональный праздник я ждала все с таким же оптимизмом, нет-нет, но появлялись в моей голове неконтролируемые мысли о том, что часы идут за часами, дни за днями, года за годами, люди меняются, чего-то добиваются, путешествуют, находят вторых половинок и даже обзаводятся детьми, а я словно топчусь на одном месте. Вместо того, чтобы оказаться на середине пути, я сделала лишь пару несмелых шагов по дороге, ведущей к замку моих самых главных жизненных целей, которых было не так-то много: стать отличным журналистом-профессионалом и найти того самого человека, от которого свеча в душе будет уверенно гореть всем ветрам назло.

Иногда я все так же изредка мечтала о чуде, но уже точно, на сто процентов, знала, что его со мной не случится. Лишь я – кузнец своей собственной жизни и никто более. А чудес не бывает, к сожалению. Бывают удачи и неудачи, слабость и сила, упрямство и опущенные руки.

Но я зря так думала, чудеса – и добрые, и злые, и необычные, и дурные бывают – жизнь сама мне доказала это. Она прямо-таки поставила меня перед фактом, ухмыляясь в накладные усы. «Хотела – получи и распишись, детка», – как будто бы говорила она мне.

В детстве я так искренне грезила о чуде, чуде, которое изменит мою жизнь, что оно возьми да и приди ко мне. Нежданно-негаданно, уверенно, вразвалочку, как будто местный крутой гопник к сжавшемуся ботанику-старшекласснику с просьбой позвонить по новенькому айфону. Я не знаю, что это было – чье-то безумное волшебство, феерия сумасшедшей магии, в которую я никогда не верила и о которой только с удовольствием читала в книгах, промыслы высших сил... Но я знаю, что это дурацкое чудо стало моим персональным подар-

ком. Ошеломляющим подарком. Я бы даже сказала, очень злым ошеломляющим подарком на день рождения.

Да, все началось именно в тот день, когда я родилась – пятого декабря, в субботу, когда мне, студентке последнего курса филфака, исполнилось ровно двадцать один год. Можно даже сказать, что это был первый, подготовительный этап событий, которым суждено было случиться еще через два года.

Почему все началось в тот день? Да потому что я впервые встретила нашего прелестного мальчика с замашками принца и комплексом переполненности себя – ну, знаете комплекс неполноценности? У него был такой же, только с точностью до наоборот. В общем, именно пятого декабря, в наш общий праздник, мы и имели честь познакомиться друг с другом. Это было что-то вроде неофициальной встречи, вроде той, когда президенты встречаются «без галстуков», за чашечкой кофе, потому что официально мы с ним познакомились несколько позже. И я скажу, достаточно эффектно. По крайней мере, для меня.

Правда, потом оказалось, это была далеко не первая наша встреча, но прошлых я совершенно не помнила, как, впрочем, и он.

Утро моего личного праздника началось очень даже хорошо: я проснулась в отличном настроении, и хотя спала всего несколько часов, полночи просидев в Интернете и занимаясь всякой ерундой, чувствовала себя бодрой. Сложнейшая сессия осталась позади – я закрыла ее на «отлично», и теперь у меня был интеллектуальный отходняк, когда хотелось заниматься всяческими глупостями. Разбудил меня, конечно же, телефон – лучшая подруга решила поздравить меня одной из первых, и больше я не заснула, отвечая на звонки друзей и сообщения знакомых на своей страничке в самой популярной социальной сети. Настроение было легкое и волшебное.

А на кухне меня дожидался подарок от моего друга и соседа, вместе с которым мы уже два года снимаем эту квартиру вместе. На столе стояла стройная хрупкая ваза с букетом белых роз без обертки, а под ними горделиво возвышалась большая тщательно запакованная круглая коробка с огромным красным бантом. Я не без труда распаковала подарок и обнаружила в коробке кучу всяких классных фирменных штучек для тела с ароматом моей любимой ванили – гель, скраб, несколько видов здорово пахнущего мыла, пену для ванны, крема. Рядом лежала и записка, сложенная в четыре раза, которую я тут же схватила, не переставая улыбаться.

«Ваниль – это совсем не модно, терпеть ее не могу, но что не сделаешь ради тебя, дорогая? С днем рождения, Наська!» – было написано черной гелевой ручкой в записке. Мелкий, с острым росчерком и угловатыми формами почерк Даниила я всегда узнаю. Он все-таки молодец! Как же круто, что я однажды познакомилась с этим парнем, и так совпало, что мы одновременно искали съемную квартиру.

Не подумайте, у нас ничего нет – я и Даня просто друзья и соседи по квартире, не более. А если вы до сих пор продолжаете не верить мне и усмехаться, говоря скептически, что дружбы между мужчинами и женщинами не бывает, то мне придется открыть его тайну, хотя все, кто близко общаются с ним, эту тайну знают. Даниил – гей, и именно поэтому мы с ним просто хорошие друзья. Не думаю, что я решилась бы снимать квартиру вместе с обычным парнем.

В личную жизнь Дана я не лезу, а его пессию – хрупкого милого юношу с белокурыми волосами и огромными голубыми глазами, как у ангела, я видела всего лишь несколько раз, и то, случайно. И, если честно, уже давно воспринимаю ориентацию и вкусы Даниила как данное. Ну, нравятся ему мужчины, и пусть нравятся, его дело. Не спорю, мне хотелось бы, чтобы у Дани была девушка, а когда-нибудь – хорошая крепкая семья с парочкой детей – я видела, каким этот парень становится заботливым, когда общается с ними, но, думаю, сам Даниил к этому не стремится. Если он не может изменить себя сам, ни я, ни его

родители, ни друзья его изменить будут не в силах. Мы можем только надеяться на то, что все будет хорошо, и поддерживать его. Даниил – хороший человек, и это главное.

– Дан, ты прелесть, – пересмотрев косметику, позвонила я другу, который в это время находился на учебе, скорее всего, на какой-нибудь скучной паре по менеджменту, но он сразу же взял трубку.

– С днем рождения, малышка! Желаю тебя любви и море позитива, и пусть все в твоей жизни будет так, как ты сама хочешь, – услышав мой голос, начал поздравлять меня друг. Мягкий приятных баритон Даниила нравится многим девушкам, которые даже и не подозревали о его ориентации. Когда я узнала о том, что Дан предпочитает парней, очень удивилась – с виду он совершенно обыкновенный парень, всегда со вкусом и аккуратно одетый и улыбочивый.

– Как тебе мой подарок? – поинтересовался Дан.

– Отличный подарок, – рассмеялась я. – Спасибо, чувак. Круто! Действительно, здорово.

– Опять эти жаргонизмы, – притворно вздохнул Даниил, тот еще поборник нравственности. – Учись быть настоящей леди, Настя. Иначе тебя никто замуж не возьмет.

– А я и не хочу, – весело отозвалась я.

– О, Господи! Это ты сейчас не хочешь! А через десять лет ты вдруг очнешься и мы, – он явно имел в виду себя и наших общих друзей, – будем вынуждены бегать и искать тебе муженька, не зная, кому спихнуть.

– Это будет моя проблема, если я пожелаю этого, – возразила я веселым голосом. Даня, как кудахтающая мамочка-курочка, озабочен тем, чтобы спихнуть меня хоть кому-нибудь в девушки или жены. Он знает, что подобные разговоры мне не очень нравятся, поэтому подтрунивает надо мной.

– Это будет твоя проблема, а пострадаем мы все, – возразил он. – Ты наверняка начнешь прессовать нас еще больше, когда станешь старой девой.

Я только хмыкнула. То, что Даня называет прессом – для меня всего лишь проявление заботы. Кто еще позаботится об этих дураках, кроме меня? Да они без меня ничего не могут. Серьезно!

– Ладно, малышка, мне на пару пора, у нас семинар, встретимся вечером? – уточнил Дан, имея в виду клуб, в котором я хотела отметить свой день рождения.

– Конечно. Пока!

– Пока, Настена. – Он отключился первым.

С первого курса я всегда отмечала свой день рождения скромно и дома, либо в одиночестве, либо в кругу друзей, и это был первый раз, когда я решила отпраздновать свой личный праздник с каким-никаким, но шиком. Конечно, по-хорошему, надо было потратить деньги с умом – например, купить новый пуховик или мобильник, но мне хотелось настоящего праздника. Для друзей и для себя. Все рассчитав, я получила скидку от приятеля Дана, работающего в известном во всем городе ночном клубе «Горячая сковорода», и забронировала там заранее столик. Вернее сказать, отдельную комнату с караоке, удобными диванчиками и звукоизоляцией от шумной дискотечной толпы. Я рассудила, что мы сможем и потанцевать, если захочется, на общем танцполе, и уютно посидеть вместе в тихом местечке, где не будет ни сигаретного дыма, ни пьяных рож, ни вечно желающих познакомиться донжуанов местного разлива.

Я и мои друзья, в том числе Дан, должны были приехать в клуб к восьми вечера, чтобы вместе пройти на забронированные места мимо суровых охранников, устраивающих строгий фейсконтроль.

– А если секьюрити не пропустят одного из моих гостей? – спросила я у приятеля Даниила, вспомнив ребят из нашей маленькой компании, которые многим могут показаться весьма странными людьми.

– Если забронирована комната или столик – пропустят, – ничуть не сомневался парень. – Так что все в порядке будет! Отлично проведете время в нашей клеовой «Сковородке». У нас тусовка – о-го-го! А диджей-сеты – офигенственны!

И я ему поверила. Впрочем, не зря.

После позднего завтрака и традиционной проверки рабочей почты во время него, я, попивая горячий кофе без молока и сахара, за пару часов дописала начатую вчера статью в одну из газет, не самую интересную и популярную, зато с большим тиражом, часть из которого бесплатно распространялась городской администрацией среди населения. Тема статьи тоже была уныла и скучна – я писала о масштабной реконструкции одной из улиц и изменениях схемы проезда.

Уже второй год я подрабатывала в этой газете и не только в ней внештатным сотрудником, потому что стипендия, как всем известно, не очень высокая, в противовес растущим ценам. Если честно, денег у меня не так много – с первого курса мне приходится обеспечивать себя самой, и, наверное, я бы сломалась и не выдержала, если бы у меня не было крестной феи. Вы, наверное, подумали о той самой доброй волшебнице, которая помогала своей ненаглядной Золушке собираться на бал. Но моя крестная фея не умеет превращать тыкву в карету, а мышей – в слуг, зато она помогает мне материально.

Началось все с первого курса. Когда мне становилось совсем фигово в денежном плане, кто-то невероятно добрый переводил на мою банковскую карту определенную сумму денег – не слишком, конечно, большую, но для меня вполне значимую. Когда я впервые обнаружила эти деньги у себя на счету, я даже испугалась – откуда они взялись?! Их кто-то перевел по ошибке? Их теперь заберут обратно? Несколько раз проверив в банкомате свой счет, я обратилась к сотрудникам банка, чтобы они разобрались во всей этой ситуации. Но все оказалось в порядке. Эта сумма предназначалась именно мне. А вот кто перевел ее, я так и не смогла узнать, сколько ни пыталась. Последующие неожиданные переводы денег меня уже даже не пугали – лишь настораживали, но я вынуждена была принимать их, хотя прекрасно знала, что просто так, бесплатно, ничего не бывает. Если кто-то дает мне деньги, значит, я должна дать этому человеку что-то взамен. А быть обязанной кому-то мне совершенно не хотелось.

Со временем я привыкла к своему таинственному спонсору и, наверное, была благодарна ему, но каждый раз снимая чужие деньги, все больше чувствовала себя обязанной и злилась из-за этого, но отказаться от них так и не могла, и осознание этого мучило меня еще сильнее. Отказаться не могла не из-за жадности, а из-за того, что стипендии и денег от подработок не хватало, а устроиться на полный рабочий день не было возможности – я должна была учиться, и учиться хорошо, потому что учеба могла быть залогом моего дальнейшего более менее достойного существования в будущем.

На третьем курсе я наконец-то узнала, кто был моим таинственным Длинноногим дядюшкой, моей персональной крестной феей. К моему удивлению, ею оказалась моя настоящая крестная, женщина в городе достаточно влиятельная и занимающая не самое последнее место в администрации губернатора. Она встретила со мной в непримечательном, тихом кафе, расположенном на пятнадцатом этаже бизнесцентра, с ценником, раза в два, а то и в три превышающим ценники тех заведений, в которые я изредка ходила с друзьями и однокурсниками, и, устроившись напротив, чтобы лучше видеть меня, рассказала, наконец, правду.

– Я – лучшая подруга твоей покойной матери, которая тебя крестила, – говорила крестная, глядя мне прямо в глаза через тоненькие стекла стильных деловых очков в серебристой

оправе. Звали ее очень звучно и поэтично – Матильда. Хотя эта женщина и разменяла пятый десяток, выглядела она хорошо и очень ухоженно: удлиненное каре идеально прямых белых волос, тонкие черты лица с четким контуром, минимум морщин, подтянутая фигура. Лицо у нее было беспристрастным, голос – уверенным и негромким, взгляд – твердым, и мне было даже как-то страшновато сидеть так запросто с ней в кафе. Я хоть и сохраняла спокойное лицо и вроде бы не подавала виду, как сильно ошеломлена, но очень нервничала – сжала на коленях пальцы в замок до боли, так, что они некрасиво покраснели.

– Мы никогда не виделись – думаю, ты догадываешься, по каким причинам, – продолжала Матильда, которая не разрешила называть себя по отчеству – сказала величать ее только по имени и никак иначе. Голос у нее был холодный, а сама она выглядела Снежной королевой в деловом костюме цвета зеленого чая. – И, думаю, ты никогда не слышала обо мне.

Я медленно кивнула в ответ. Я не просто догадывалась, я точно знала эти причины! И от этого даже разозлилась – теперь до боли я сжала не только пальцы, но и зубы.

– Но после того, как я узнала, что ты *сделала*, – она интонационно выделила последнее слово, – решила стать тебе немного ближе. – Новоявленная крестная едва слышно вздохнула, и что-то странное отразилось в ее глазах за стеклами очков, однако она быстро взяла себя в руки и продолжила беспристрастным тоном: – Ты можешь задать мне вполне резонный вопрос, девочка, почему я сразу не пришла к тебе, не сказала, кем прихожусь и прочее.

Я настороженно кивнула – это вопрос меня действительно очень интересовал. Меня вообще терзала уйма вопросов, да и свойственное мне недоверие не отпускало моей руки, но от изумления я молчала и просто смотрела на Матильду, внимая каждому ее слову.

– Я, как ты заметила, уже взрослый человек с большим жизненным опытом, и во многом разбираюсь, – женщина позволила себе покровительственную полуулыбку, – скажем так, достаточно хорошо. А также живу согласно определенным принципам. Один из них – если хочешь помочь человеку, помоги делом, а не словом. На слова я скупа. Когда я узнала про тебя, я, естественно, как твоя крестная, – слова «мать» Матильда избегала, – решила помочь. Поскольку мы не виделись ни разу в жизни, было бы странно, если бы я приехала с объятиями, поцелуями и подарками. Неестественно, – при этом она даже поморщилась. – Я не знала, примешь ли ты меня или нет. Все-таки, – она взглянула мне прямо в глаза, взглянула насмешливо, но почти по-доброму, – ты очень характерная девочка. Да и воля, как я вижу, у тебя есть. И свое собственное мнение.

Так она впервые похвалила меня – в своей особенной манере, как бы между делом, и мне это понравилось. Я, не привыкшая к тому, что родственники хвалят меня, испытывая одновременно какое-то детское внутреннее смущение, смешанное с удовольствием, отхлебнула свой кофе из чашки и чуть не подавилась – таким большим был глоток.

– Поэтому я решила какое-то время помогать тебе материально, – продолжала крестная. – И лишь потом, когда ты привыкнешь и поймешь мои добрые намерения, рассказать тебе правду.

Наверное, она сделала правильно. Кто знает, что бы я учудила на первом курсе? Это сейчас я стала более взрослой и более взвешенной. А так я действительно чувствую ее поддержку. Без помощи Матильды мне пришлось бы туго, и кто знает, может быть, я изменила бы свое решение, и вернулась туда, откуда ушла. Хотя нет, я бы не вернулась – ни за что. Я мечтала стать журналистом, чтобы писать о том, что по-настоящему волнует людей, о том, что может хоть как-то им помогать. И я пообещала сама себе, что стану им. И пусть я поступила не на факультет журналистики, а на филфак, от своей цели я не откажусь.

– Вот как, – сказала я, отрывая взгляд от жемчужной нитки на ее шее и поднимая его к ее светлым глазам-хамелеонам, умело накрашенным и спокойным. – Здорово, что вы так поступили. Но...

– Но?

– Не поймите неправильно. Но как я могу точно знать, что вы говорите правду? – спросила я, выпуская мучающее меня недоверие наружу. Один голос в моей голове – звонкий, чистый счастливо кричал о том, как здорово, что у меня теперь есть настоящая крестная, а другой – похожий на шорох гравия, тихо, но настойчиво, с паузами и лукавой интонацией говорил: «Ты не должна доверять незнакомым людям. Кто она такая и что она от тебя хочет? А если это ловушка?» И я не знала, какой из голосов прав.

– Мне нравится то, что ты осмотрительна, – отозвалась Матильда, которая словно ждала этого вопроса. Она совершенно не обиделась, чего я, кстати, боялась. – Простодушие и доверчивость – первая ступень на пути к большим проблемам. – Она отпила из чашки. – Тебя успокоили бы доказательства?

Я непонимающе взглянула на нее и медленно кивнула.

– Когда ты попала в дом отца, у тебя была женская серебряная подвеска с гранатом, кажется.

Я с изумлением взглянула на женщину. Она была. Няне сказали выкинуть ее, но она оставила ее – для меня, чтобы спустя несколько лет вручить. А еще несколько лет спустя ее забрали.

– Она принадлежала твоей матери. Помнишь? Должна помнить.

– Помню, – сказала я. В душе все кричало и смеялось.

– Я принесу тебе ее фотографии. Надеюсь, они еще больше убедят тебя в том, что мои слова – не ложь, и я действительно прихожусь тебе крестной.

В щеки впилась сотни крохотных иголочек волнения.

– Я никогда не видела ее фотографий, – я кинула злой взгляд в стену. – Они не показывали мне их.

Все, что я знала – имя и то, что ее не стало почти сразу после моего рождения, из-за аварии.

– Даже так? – удивилась Матильда. – Значит, увидишь впервые.

– А почему... почему вы не принесли их сегодня?

– Чтобы ты пришла ко мне во второй раз, – было мне ответом.

– И вы расскажете мне про маму? – почти потребовала я, понимая, что наглею. Но наглость появлялась из-за страха. – Они ненавидели Екатерину, ничего никогда не говорили про нее.

– Екатерину? – переспросила крестная.

– Ну, маму, – пояснила я с непонятым учащенным дыханием. Почему она переспрашивает? Что-то не так?

– А, да. Екатерина. Я так давно не слышала ее имени, – отозвалась Матильда и вздохнула. – Ее нет с нами чуть больше двадцати лет. А я привыкла называть ее просто Катя... Настя, кто бы мог подумать, что ее будут звать Екатериной. Мы жили в соседних домах, общались с подросткового возраста, – пояснила она мне. – И называли друг друга по фамилии. – Она улыбнулась какому-то воспоминанию.

– И какая у нее была фамилия? У нее остались родственники? А что она любила, чем занималась, какая она вообще? – не выдержала я, и вопросы из меня полетели, как очередь из пулемета.

– Сергеева. Екатерина Сергеева, – ответила мне крестная, чуть подумав – нужно ли мне сообщать эту информацию или нет. – К сожалению, близких родственников у нее не осталось. Иначе тебя не отдали бы отцу. Я расскажу тебе, какой она была, девочка, но в следующий раз.

– Хорошо, – даже как-то поникла я, проговаривая про себя фамилию матери. Сергеева. Простая и красивая фамилия.

– А где... она похоронена? – с некоторым трудом вымолвила я. Этого мне тоже не говорили.

– Не здесь. В нашем родном городе, – нехотя сказала Матильда. – Я иногда езжу к ней. Я возьму тебя с собой. Позже. Надеюсь, мы поладим.

Почти минуту мы молчали. Первый голос во мне победил второй, и я, решив довериться, вдруг сказала:

– Вы... Вы очень помогли мне, правда. Очень. У меня тоже есть принципы, как у вас. И один из них совпадает с тем, о котором вы сейчас говорили. Я тоже помогаю не словом, а делом. Когда у меня будет возможность, я отвечу взаимностью.

Я говорила искренне, и я чувствовала, что это будет именно так.

– Т-с-с-с, – приложила к губам указательный палец с аккуратным ногтем Матильда. Я тоже бы не отказалась от белого френча, но, увы, пока что довольствовалась простым прозрачным лаком. – Не говори так, – крестная почти предостерегала меня. – Это уже слова. Слова – это лишнее. Только дело. Дело.

Я тут же с готовностью кивнула ей. На тот момент, да и сейчас тоже, мне казалось, что она не просто крестная, но и мой учитель, который вдалбливает мне в голову простые истины.

– Какие пирожные вы любите? – спросила я, сама себе удивляясь. Хоть внутри все у меня дрожало, голос мой был спокойным.

– Тирамису, – несколько удивленно отозвалась Матильда. Я кивнула и позвала проходящего мимо официанта с таким благородным выражением лица, словно он был князем, обходящим не зал в дорогом кафе не для всех, а собственные владения.

– Да, я слушаю вас, – почтительно застыл официант около нашего столика, примостившегося около большого французского окна на пятнадцатом этаже бизнес-центра, открытого в прошлом году. Вид отсюда был наишикарнейшим. Взгляд охватывал если ли не половину города, по крайней мере, весь его центр – переполненные машинами строго перпендикулярно-параллельные друг другу улицы, главную площадь с фонтанами, в которых искрилась разноцветная вода, величественные Кремль, старинные храмы, здание администрации, больше похожее на современный дворец из бетона и стекла, парк с выходом к идеально круглому озеру, в котором крохотными точками были видны плавающие на прогулочных лодках и катамаранах люди. Была видна и кажущаяся тонкой серо-голубой нитью река, на левом, холмистом берегу которой расположился наш большой город.

– Два шоколадных тирамису, пожалуйста, – сказала я почти уверенно.

– Два тирамису, – повторил официант, запоминая заказ – в этом заведении работники каким-то волшебным образом обходились без блокнотов и ручек, полагаясь лишь на свою память. – Это все?

– Да, все.

Официант почтительно нам улыбнулся, сообщил, когда десерт будет готов, и в мгновение ока исчез.

– Я тоже люблю тирамису, – сказала я, хотя совершенно не знала, сколько эти пирожные стоят в этом пафосном заведении – когда мы сюда пришли, Матильда предложила мне заказать что-нибудь, но я ограничилась лишь кофе, и она последовала моему примеру, кажется, отметив для себя то, что я заказала простой эспрессо. Однако со мной была стипендия – повышенная, между прочим, потому что я умничка и отличница, и я надеялась, что уж на два тирамису-то этих денег хватит. Пусть хоть так, но я докажу ей, что благодарить умею тоже делом.

Крестная почему-то рассмеялась, и хотя ее смех был достаточно тихим и непродолжительным, он не показался мне таким холодным, как ее речь. И определенно, в ней было что-то такое, за что она мне нравилась.

– Схватываешь на лету, Настя. Думаю, у тебя должны быть еще вопросы, – сказала мне женщина, и ничуть не ошиблась. Их у меня было великое множество.

– Расскажите мне о моей маме? – первым делом спросила я и вновь сцепила руки на коленях в замок. О моей маме мне никто и никогда не рассказывал. Как будто бы ее не было. Хотя пару раз о ней все же говорили – когда ругали меня. «Ты такая же, как твоя мать», – однажды жестко сказали мне еще в той, прошлой, полузабытой жизни, подернутой туманом времени. И хотя в голосе человека, который произносил эти слова, было отвращение, сердце у меня учащенно забилося – я похожа на свою мать?! Да это же прекрасно! Главное, что не на отца!

– Как я и предполагала, ты задала этот вопрос, – утвердительно кивнула Матильда. – Возможно, вы похожи.

– Похожи? – жадно подалась я вперед. Фото своей покойной матери я не видела ни разу в жизни.

– Не внешне. Внешне ты почти полная копия отца. Тот же нос, глаза, волосы, черты лица. Думаю, ты пошла в его породу.

Я знала, что похожа на родственников папочки, отлично знала, но меня это всегда лишь раздражало. Я хотела, чтобы во мне было хоть что-то от моей мамы. И, если честно, я, наивная душа, ждала, что Матильда, увидев меня, воскликнет что-то вроде: «О, Настя, ты – копия матери!» или хотя бы: «Настенька, твои глаза – словно глаза Кати!» Я, все такая же мечтательница в душе, думала, что мне обязательно скажут, что хотя бы фигуры, рост, походка у нас одинаковые, но Матильда не увидела сходства, а я в который раз поняла, что все, о чем я мечтаю – это глупость. Все, кроме журналистики и личной жизни, потому что это не мечты, это мои цели. А думать о чуде – это только зря растрачивать свою жизненную энергию.

– А как тогда мы похожи? – растерялась я.

– Думаю, характером, – отозвалась крестная, помешивая ложечкой кофе в фарфоровой белоснежной чашечке. – Она... была стойкой и уверенной женщиной. Знающей себе цену и смелой.

Внутри меня вдруг разлилось тепло – никогда никто не говорил о моей маме хорошо. И каждое слово Матильды я готова была впитывать, как губка воду.

– А она была доброй? – спросила я вдруг с непонятно откуда взявшейся нежностью. Значит, мы все-таки похожи! Хоть не внешне, но внутренне!

Матильда едва заметно сглотнула и тут же сделала глоток кофе.

– Мы все добрые, – сказала она и скользнула взглядом вправо. – О, тирамису.

И правда, в этот момент к нам подплыл официант с подносом и аккуратно поставил перед каждой из нас тарелочки с итальянскими многослойными пирожными, припудренными какао-порошком.

Когда мы ели его, то обе молчали, хотя я все ждала, что Матильда продолжит разговор о маме – у меня было множество вопросов. Она, словно не понимая этого, медленно, с наслаждением, отламывая кусочек за кусочком, аккуратно жевала пирожное, тогда как я уничтожила его чуть ли не за две минуты. Если честно, такого вкусного тирамису я давно не ела. Все-таки есть плюс в дорогих местечках – хорошая кухня.

Когда Матильда отложила в сторону ложечку, она мельком глянула на часы на правом запястье – большие, круглые, красивые и явно дорогие.

– Мне уже пора, через час у меня совещание с губернатором, – произнесла она. – Думаю, мы еще встретимся. Ты не против?

Естественно, я была не против, только обеими руками за! Эта женщина, которая объявила меня своей крестной, знала мою мать! Естественно, я должна была встретиться с ней еще – и много раз! Я хотела все знать о своей матери!

– Я очень хочу с вами встретиться, – твердо сказала я.

– Хорошо, когда у меня будет свободное время, я позвоню. У тебя теперь есть номер моего мобильного телефона. Если что-то случится – набери меня. Со мной порой бывает сложно связаться, поэтому звони мне несколько раз или пиши сообщения.

– Хорошо. Мы точно встретимся? – вдруг спросила я на всякий случай. На миг во мне появилось чувство, которое бывает у испуганных маленьких девочек и мальчиков, когда их мамы оставляют их и куда-то уходят, обещая вернуться. Я боялась, что мы больше не увидимся.

– Точно, – пообещала Матильда и напомнила: – В следующий раз я покажу тебе ее фотографию. Двадцатилетней давности, разумеется.

Я внутренне встрепелась, а на лице моем появилась улыбка и снова откуда-то взялась эта щемящая сердце нежность. У меня никогда не было мамы, и я всегда хотела увидеть ее, увидеть хотя бы одним глазком. Поговорить с ней, послушать ее голос, почувствовать запах духов – а она ими наверняка пользуется, я ведь очень люблю духи! Мне хотелось знать, какая она и что любит, какие вещи ее раздражают, а какие – успокаивают. Любимая музыка, еда, вид спорта, кино – я все это хотела узнать. Я хотела ее обнять – раз в жизни. И об этом я мечтала в детстве. Но, как я уже говорила, чудес не бывает, и мама не воскреснет, но она всегда жива в моей памяти, хотя я ничего не знаю о ней, кроме имени. И уже фамилии.

– Да, кстати, – вдруг сдержанно улыбнулась Матильда. – Катя тоже хотела стать журналистом. Так понимаю, от этой профессии ты не отступишься?

– Нет. Это мой выбор. Цель моей жизни, – честно отвечала я.

– И о чем бы ты хотела писать? О знаменитостях, садоводстве, политике?

– Я бы хотела писать о справедливости. И о людях, – ответила я честно и весьма размыто, но меня поняли. Женщина улыбнулась краешком уголков тонких губ благородного бордового цвета – помада у Матильды была хорошая, несмотря на то, что она пила кофе, на чашечке не осталось и следа от косметики, и цвет губ не померк.

Наверное, думает, что я – глупая молодая дуручка с завышенными идеалами, потому я поспешила добавить:

– Сейчас я еще только учусь, пишу о всякой ерунде по большей части. Но думаю, что все еще впереди. Мои примеры для подражания – Анна Политковская и Инесса Дейберт.

Анна Политковская – известный по всей стране журналист и правозащитник, трагически убитая в 2006 году. Инесса Дейберт – наш местный журналист. Она и писала в газете убийственные и разгромные статьи, и вела собственную авторскую программу «Вечер с Инессой Дейберт», в которой проводила журналистские расследования, и вообще занимала позицию активного общественного деятеля и много помогала людям, попавшим в трудные жизненные ситуации. Я про нее даже сочинение в школе писала, после того, как посмотрела ее репортаж о совершенно диком случае. Одна женщина, весьма неравнодушно дышащая к алкоголю и, видимо, страдающая какими-то психическими заболеваниями, родила ребенка. За ребенком она совершенно не следила. Кормила и одевала его, как в таких неблагополучных семьях обычно и бывает, бабушка. А после ее смерти мальчик остался совсем один. Его ненормальная мать, не желая слушать плач голодного сына, додумалась посадить его на цепь, прикованную к батарее, чтобы он не мешал ей и ее друзьям-алкашам. С мальчиком обращались, как с собакой. Даже миску на пол рядом поставили. Если бы не бдительные соседи и мгновенно отреагировавшая на их звонок Инесса, с этим несчастным ребенком явно случилось бы что-то жуткое. Но после ее репортажа, который многие называли сенсационным, этим ужасным случаем наконец-то заинтересовались правоохранительные органы, а ребенка, слава богу, забрали из этого омерзительного места и отдали на воспитание в хорошую семью. Потом, через пару лет, все из той же передачи, я узнала, что мальчик адаптировался и стал совершенно обыкновенным. Приемных родителей его не показывали – те не хотели огласки, но видно было, что это хорошие люди. Лица

мальчика не показывали тоже – оно было закрыто, но когда я услышала его счастливый голос, вдруг поняла, что такое торжество справедливости.

– Ого, да ты выбираешь в свои примеры для подражания сильных людей. Высокого полета. – Крестная почти усмехнулась, но мне показалось, она одобряет мой выбор. – Да, лучше равняться на тех, кто добился многого. Это помогает добиться того, что хочешь ты. Окрыляет.

– Вы знакомы с ней? – спросила я, подумав, что они вполне могут быть знакомы с Дейберт.

Матильда чуть повернула голову набок и как-то странно посмотрела на меня. Я, если честно, не слишком хороший знаток душ человеческих, и психолог из меня аховый, но мне показалось, что во внимательно-встревоженном взгляде моей новоприобретенной крестной появилось какое-то необычное выражение, которое я никак не могла разобрать.

– Да, я знакома с Инессой, ты права, девочка, – отвечала, глядя мне в лицо, Матильда. Мне казалось, что она вдруг заинтересовалась мной.

Мне не особо нравилось, что она называет меня девочкой, а не по имени, но в тот момент я этого не осознала – осознала только спустя пару лет, когда поняла, что Матильда всегда обращается ко мне именно так.

Ее телефон, лежащий, видимо, в сумке, зазвонил. Раздалась знакомая мне мелодия – ария Каварадосси из оперы Джакомо Пуччини «Тоска» в исполнении Андреа Бочелли. Интересно, крестная любит оперную музыку? Я тоже люблю. У меня на звонке стоит «Песня половецких девушек» из балетного фрагмента второго действия оперы «Князь Игорь», написанной великим композитором Бородиным, в исполнении известного хора, но в современной обработке.

– Нам пора прощаться. Иди первой, – решила Матильда, вытаскивая из сумки телефон, – я пока отвечу на телефонный звонок.

Я торопливо кивнула и положила на стол деньги за тирамису.

– До свидания. И спасибо, – сказала я искренне, встала и, заставив себя не оглядываться, ушла.

Пальцы болели от напряжения – так сильно я их сжимала.

– Деньги возьми, – послышалось в спину.

– Нет, – отозвалась я упрямо и почти бегом направилась к выходу.

Я не знала, что после моего ухода два года назад, у нее состоялся один очень интересный разговор, иначе бы, наверное, заподозрила Матильду в чем-то. Но я не слышала, а потому осталась в священном неведении.

* * *

– Я с ней поговорила. Она только что ушла, – сообщила равнодушным голосом Матильда по телефону, когда Настя покинула кафе. – Да, я все сделала так, как ты сказал, Леша. Ты знаешь, она угостила меня тирамису. Интересная девочка.

Женщина, словно забыв о том, что ей нужно попасть на совещание к губернатору, вытащила из кожаной сумки пачку сигарет и, поставив оба локтя на стол, закурила, глядя куда-то вверх и что-то обдумывая и глядя то в потолок, расписанный весенними узорами, то на свои аккуратные ногти с белым френчем. Скулив тонкую белую сигарету до половины и небрежно, но тщательно затушив ее в пепельнице, выполненной в виде прозрачной полусферы, Матильда вновь взялась за телефон, который с трудом умещался в ее небольшой, но крепкой ладони. Касаясь экрана кончиком указательного пальца, она открыла папку с фотографиями, сделанными, кажется, на каком-то торжественном официальном мероприятии, где было много мужчин в строгих костюмах и женщины с высокими прическами

и в вечерних платьях, между которыми сновали официанты в форме, напоминающей мундиры позапрошлого столетия.

– Тебе судьба сделала подарок, – вдруг сама себе тихо, но очень жестко, даже зло, сказала крестная Анастасии, с отвращением глядя в большой экран, на фотографию, где были запечатлены двое мужчин и две женщины, в том числе и сама Матильда. – А ты так бездарно отказалась от него. Глупая идиотка. Дура. А мне такого подарка не сделали.

Еще раз глянув на светловолосую статную женщину лет сорока, одетую в черное, с открытыми плечами, платье в пол, Матильда кинула телефон в сумку, подозвала официанта, попросила чек, быстро расплатилась и ушла прочь из этого освещенного невероятно ярким и ласковым для декабря солнцем места.

Деньги, которые были оставлены за тирамису, она так и не тронула – после ухода Матильды официант посчитал их чаевыми.

* * *

Да, я ничего не знала о разговоре Матильды с неизвестным человеком и продолжала радоваться тому, что у меня появился родной человек. Ну, или почти родной – с крестной я так и не стала близка. Думаю, с этой железной женщиной, которую я очень уважала, невозможно в принципе было сблизиться – она держала дистанцию, и делала это отменно. По жизни Матильда была одиночкой и сама всего всегда достигала – это я поняла по ее биографии, которую изучила вдоль и поперек, а также по ее редким оговоркам. Мужа и детей у Матильды не было, подруг, как я понимала, – тоже, лишь приятельницы и коллеги по работе, родители ее уже давно отправились в мир иной. Получается, у нее была лишь я, и мне, если честно, это нравилось, хотя я понимала, включая здравый смысл и логику, что, скорее всего, помогает мне крестная не из-за сильной любви, а из-за чувства долга перед своей умершей лучшей подругой. Раньше она не могла этого делать, а теперь у нее появилась возможность и она помогала мне так, как считала нужным. А я пыталась научиться быть похожей на нее. Я тоже хотела стать успешной женщиной, стальной леди, которая в свои сорок пять лет выглядит куда круче, чем большинство моих ровесниц, при этом даже не скрывая свой возраст. Наверное, с моей стороны тоже не было любви – но присутствовало искреннее уважение.

Отправив статью редактору газеты и немного пообщавшись с ней по скайпу, чтобы обсудить кое-какие рабочие моменты, я вытащила диктофон, на который было записано интервью с деканом физмата, и принялась за вторую статью – уже для университетской газеты, в которой числилась на хорошем счету. И только потом, усталая, потирающая глаза, но довольная потащила в душ и провела там не меньше часа – сначала приняла ванну, нечаянно заснув минут на двадцать, хотя и не люблю там долго «разлагаться в воде», как говорит моя подруга Алена, а потом опробовала подарки Даниила, оставшись ими очень довольна. Подозреваю, что после душа я и мои волосы пахли ванилью за версту.

Сделав еще кое-какие дела по дому и еще раз почитав поздравления на своей страничке, я долго крутилась около зеркала, решая, что лучше надеть в клуб. И остановилась на черных прямых брюках из плотной ткани, облегающих ноги чуть ли не как вторая кожа, белой простой майке и черном же приталенном пиджаке с короткими рукавами и манжетами в черно-белую полоску. Сверху надела длинные бусы, критично оглядела себя и, чуть подумав, нацепила на запястья крупные белые браслеты из пластика. Вышло вроде бы даже ничего. Я даже подмигнула своему отражению.

Не скажу, что гардероб у меня большой, но из всего имеющегося я пыталась выбрать то, что лучше всего подойдет для празднования дня рождения в хорошем местечке, да и перед одним парнем хочется выглядеть красивой. Ну и чтобы еще и удобно было

и при этом не очень холодно. Глядишь, может быть, познакомлюсь с каким-нибудь красавчиком.

Ну, я, конечно, познакомилась, но только не с красавчиком, а с отпетым негодяем и лицемером, правда, я об этом еще не знала.

Выбрав одежду, я, подпевая американской певице, чей клип крутили по музыкальному малоизвестному, однако мною очень любимому каналу, накрасила ногти в алый цвет. Подождав, пока лак высохнет, привела волосы в порядок – расчесала и завила плойкой в крупные локоны, которые тут же залила профессиональным сухим лаком, позаимствованным у Дана, чтобы прическа не распалась. Волосы-то у меня хоть и прямые от природы, но своевольные. Даже краска их плохо берет.

Затем, все так же напевая вслед за очередным музыкантом на ТВ, принялась за мей-кап. Вb-крем вместо тонального, немного пудры, чтобы сделать цвет кожи ровным, корректор для скул, придающий лицу несколько более четкие контуры, карандаш-подводка, тушь, темно-серые и белые тени – глаза должны быть выразительными, а взгляд – загадочным. Последний штрих – нежно-розовый блеск для губ.

Всему этому меня научил не кто иной, как Дан, который одновременно учился в университете на менеджера и посещал курсы парикмахерского дела и визажа. У него очень даже неплохо получалось делать людей красивыми, а самое главное, он испытывал от этого удовольствие, и потому планировал связать свою жизнь с индустрией моды. Он постоянно, правда, в ущерб учебе, участвовал во всевозможных фотосессиях, где красил как профессиональных моделей, так и самых обычных людей, преимущественно девушек до тридцати лет, оплативших профессиональный сет у фотографа, с которым Дания частенько работал в паре.

Руки у меня хоть и не были золотыми, но слава богу, росли не из того места, на котором принято сидеть. Поэтому Даниил быстро научил меня разного рода хитростям в визаже и прическе и даже сказал как-то, что я смогла бы работать в этой области, если бы пошла учиться, но я лишь отмахнулась. У меня была совершенно другая цель – журналистика. Люди, правда, меня постоянно спрашивали, почему я учусь в таком случае на филологическом факультете, а не на журфаке, на что я всегда неизменно отвечала, что это мое личное дело. Филология – это классическое гуманитарное образование, а журналистами становятся люди с совершенно разным образованием, даже технари и инженеры. Говорить о том, что я не поступила на журналистику, мне как-то не очень хотелось, а со временем я поняла даже, что в учебе на филфаке есть свои плюсы. Взять хотя бы тот, что с двумя моими подругами, которые стали семьей, я познакомилась именно на учебе.

Не знаю почему – может быть, включилась моя интуиция, почувствовавшая неладное, но чем ближе был вечер, тем хуже у меня становилось настроение. Оно у меня вообще сумасшедшее, скачет туда-сюда без видимых причин. Добрый Данечка, строящий из себя ханжу, но вопреки этому любящий скабрзные шутки, конечно, находит этому объяснение, но я, пожалуй, не буду о нем говорить – слишком уж оно неприличное и связано с моим непосредственным общением с мужчинами.

Обзвонив всех друзей, которые должны были приехать в клуб, я при полном параде выкатилась из дома, цокая по припорошенному снегом тротуару высокими каблучками ботинок, купленных мною недавно на одной очень классной распродаже. Правда, идти было неудобно, и я сто раз обругала себя за то, что не купила нормальную удобную обувь. Интересно, как я всю ночь на ногах проведу в клубе? Чем ближе я подходила к остановке, тем почему-то хуже становилось мое настроение. А еще раздражал снег, плавно лежащий на мои волосы – я прямо-таки чувствовала, как он разрушает мне прическу! Я же ведь была без шапки, подумав, что она, как всегда, помнет локоны. Чем больше я злилась, тем больше шел снег, и вскоре вообще началась едва ли не пурга.

Перед самой остановкой я умудрилась поскользнуться и на беду себе упасть, поцарапав колено и едва не порвав брюки. Естественно, от этого настроение у меня понизилось еще на градус. А вот температура на улице – на градусов пять как минимум.

Нужного автобуса, который, когда не надо, ходит каждые пять минут, не было чуть ли не час, и когда он наконец приехал, я казалась похожей на окоченевшую сосиску с негнушися пальцами – даже через перчатки они сильно замерзли. Вместе с парой сотней людей, также ожидавших этого маршрута, я не без труда залезла в автобус. Несмотря на отсутствие пробок, до нужного места мы ехали еще минут сорок, едва-едва плетясь около обочины и останавливаясь с поводом и без. Я все это время стояла, а не сидела, с трудом дотягиваясь до высокого поручня, а потому стала еще злее – ноги, непривычные к высоким каблукам, успели устать.

А еще все время толкалась кондуктор – веселая тетенька лет пятидесяти, с яркими голубыми тенями на веках, громким голосом и с золотым передним зубом. На широкой груди ее сверкала большая нежно-розовая брошка с каким-то цветком, который я, впрочем, плохо рассмотрела.

– Пассажиры, – командовала женщина, активно пробивая себе дорогу через тела людей своим собственным, видя, что в салон с трудом впихивается новая сотня пассажиров с остановки, – входите-входите, делайте мне план! Давайте, активнее! Женщина, поднимитесь на ступеньку! Мужчина, да-да, вы, в кроличьей шапке, пролезьте вперед!

– Куда я пролезу? – пропыхтел обладатель кроличьей пушистой шапки. – Тут люди. Я сквозь них еще не научился просачиваться.

– Тут везде люди, давайте! – отозвалась бойкая кондуктор. – Вот видите, получилось, а вы боялись.

– Я и сейчас боюсь, – отозвался мужчина. – Мне держаться не за что.

– Сейчас я вам помогу, – как-то угрожающе пообещала хозяйка автобуса и каким-то невероятным образом пропихнула его поближе к поручню.

– Пассажиры, проходите и рассчитывайтесь! А кто не рассчитается, тот огребет, – добавила она радостным тоном и стала пробивать себе путь дальше. Узрев меня, она вдруг подмигнула мне, вежливо отодвинула в сторону какую-то дородную женщину, протиснулась мимо двух парней и остановилась напротив меня, болтающейся на поручнях. Пока я рассчитывалась, боясь не удержаться и упасть, она вдруг сказала:

– Веселая жизнь у тебя начнется, девочка.

– Что? – не поняла я. Кондуктор пытливо оглядела меня и заявила, что я, дескать, скоро узнаю. Я, в свою очередь, подумала, что она много пьет, и скоро узнает о последствиях, но благоразумно промолчала.

Всю дорогу я, зажатая со всех сторон собратьями по несчастью, точнее, по поездке, нервничала, потому как из-за дурацкого автобуса опаздывала на встречу с друзьями и боялась, что они будут стоять на морозе и ждать меня, ведь комната забронирована на мое имя, и без меня ребята не попадут внутрь. Они, правда, мне пока не звонили и не писали, и это обнадеживало.

К клубу с наиглупейшим названием «Горячая сковорода», который к этому времени уже открылся и радовал округу ярким светом неоновых огней, я подошла крайне злая. И на фирменный логотип ночного заведения – огромную якобы раскаленную сковородку, из которой вырывались малиново-красные лучи света, я посмотрела чуть ли не с отвращением.

В голове я уже сочиняла слова извинения друзьям, которые, должно быть, замерзли, но пришла в самое настоящее изумление, поняв, что никого из них еще нет. Вот поэтому-то они не названивали мне – сами еще не приехали!

Это открытие меня не обрадовало, и я сама принялась набирать их номера телефонов. Оказалось, они все сейчас были вместе и почти что подъезжали к клубу на машине.

– Что значит почти что? – подозрительно осведомилась я у Дани, с которым, собственно, и разговаривала. Сквозь смех и вопли «С днем рождения!» я с трудом услышала его ответ:

– Ну, вот так, почти, – как-то уклончиво отвечал Даня, и я нахмурилась – не зря он юлит. – Да заткнитесь вы, Наську не слышно! – заорал он шумной компании. – Дорогая, мы скоро, минут через десять. У Ранджи просто все время Танк глохнет!

Танк – большой старый, но вполне себе бодрый внедорожник «Ленд Крузер» моей подруги Ранджи, доставшийся ей от отца, в котором могло поместиться семь человек, а при большом желании и не менее большой нужде – даже десять. Мы как-то раз пробовали. Было тесно, но весело. Однако иногда Танк вел себя плохо и почему-то глох в самое неподходящее время, хотя специалисты никаких неисправностей в нем не находили.

– Даю вам десять минут, – строго сказала я, ежась на ветру и ненавидя снег еще больше. – Не приезжаете – ухожу, делаете, что хотите.

Им всегда нужно грозить – ребята, как на подбор, странные люди, за которыми нужен глаз да глаз, а еще им нужны инструкции, что да как делать.

– Хорошо-хорошо, не злись, Насть, мы приедем, – пообещал сквозь новую порцию поздравляющих криков Дан. Я улыбнулась и отключилась. Все-таки что бы я делала без своих друзей? Они для меня – самые близкие люди, и я всегда благодарна высшим силам за то, что они у меня есть. Хотя, конечно, их выкрутасы меня иногда раздражают. Ну, меня на самом деле многое раздражает, но я стараюсь держать свои эмоции в себе и делиться ими только с самыми близкими людьми.

Я задумчиво посмотрела на трехэтажное здание клуба, около которого собралось много народа. Сегодня суббота, день законного отдыха. И поэтому сюда многие хотели бы попасть. Однако строгий фейсконтроль половину просто-напросто разворачивал обратно. Конечно, если тебя куда-то не пускает охрана, к тому же без объяснения причин, это неприятно, но политику руководства клуба я поддерживала – заведению нужно держать марку, чтобы в него не валили толпы гопников со всех районов с их некультурными подружками. Часто ведь бывает – открывается какое-нибудь новое пафосное заведение, куда с удовольствием ходит богема, а через пару-тройку лет становится нерентабельным, потому как контингент в нем становится, мягко говоря, не очень. Клуб «Горячая сковорода» был заведением несколько иного уровня, и меня это в нем, если честно, и привлекало. Привычка выбирать все самое лучшее уходит с трудом.

Я пристально всматривалась на дорогу, ожидая увидеть старый, но верный внедорожник Ранджи, но его все не было и не было. Да уж, у нас все как обычно – друзья опаздывают. Они всегда так дружно опаздывают, что это выглядит так, словно я раньше приезжаю, хотя всегда прихожу к назначенному сроку.

Пока я хмуро вглядывалась в дорогу, заполненную потоком медленно движущихся автомобилей и автобусов, подмигивающих городу фарами и отблесками зеркал, ко мне прицепился какой-то тип в кожаной куртке, сидящий за рулем дорогой машины, кажется, новенького белоснежного «БМВ» с высоченной подвеской. Он наполовину открыл окно и, жуя жвачку, разглядывал меня. Я одарила его равнодушным взглядом и отвернулась, открыв свою раскладушку и принявшись писать гневное сообщение Алене, которая вместе со всеми сейчас ехала в Танке. Спину какое-то время мне настойчиво прожигали, а затем, наконец, водитель «БМВ» покинул свою тачку, чтобы подойти ко мне.

– Привет, – услышала я и невольно обернулась. – Я хочу с тобой пообщаться. Ты можешь сейчас? – Голос у парня был приятный, неторопливый, но слишком уж развязный, словно мы сто лет знакомы. Наверное, поэтому он мне и не понравился, впрочем,

его владелец тоже не очень-то пришелся мне по вкусу, хотя выглядел вполне ничего: чуть выше среднего роста, довольно спортивный, скорее всего, сильный и, почему-то мне показалось, смелый, с довольно правильными чертами лица, находящимися на тонкой грани между грубыми и мужественными. А наличие кожаной крутой куртки, серьги в ухе и длинных темных волос, собранных в низкий короткий хвост, делало его похожим на какого-то обманчиво милого мафиози из итальянского фильма про бандитов. Он довольно близко приблизился ко мне, неотрывно и приветливо глядя в глаза.

– Я жду, – отозвалась я скучным голосом.

– Молодого человека? – предположил он.

– Друзей, – не стала скрывать я.

– И когда они придут? Скоро? – его улыбка была искренней, и если бы не моя природная подозрительность и плохое нервное настроение, я, может быть, даже повелась и была бы милой, хотя сразу же заподозрила в нем человека, как говорится, состоящего в одной престлестной теме.

– Скоро.

– Значит, две минуты мы можем пообщаться. Ты красивая, мне прямо захотелось с тобой поговорить. И голос под стать – плавный, с симпатичным тембром. Ты, случайно, не оперная певица?

– А что, похожа? – поинтересовалась я с некоторым недоумением.

– Ага, наверное, партии с басом – твои. А я драматическим тенором пою. – Это звучало очень весело, и я чуть было не позволила себе улыбнуться, но в это время он в шутку коснулся моего локтя и задал неожиданный вопрос: – Ты любишь огни ночного города?

Я посмотрела на него долгим взглядом, все больше и больше понимая свою правоту, и отрицательно покачала головой. Чего еще за огни? Я люблю людей, которые не опаздывают и не пристают к другим людям.

– Дрезден, Лондон, Рим, Берлин, Нью-Йорк, Амстердам – огни какого города тебе больше по вкусу? – продолжал он мне все тем же развязным тоном. За этим тоном чувствовалась уверенность в себе и в своих силах.

Я промолчала, отправляя сообщение подруге.

– Эй, – явно обиделся обладатель хвостика, видя, что я не проявляю к нему никакого интереса, – ты чего меня игноришь так откровенно? А если я буду плакать?

Я с любопытством взглянула на него.

– А ты не назвал город, огни которого мне больше всего по вкусу. Что я должна сказать?

– Даже так? И какой же твой любимый город?

– Прага.

– А те, которые я перечислил, тебе не нравятся? – прищурившись, спросил парень.

– Города как города. Хорошие, – пожала я плечами.

– О, то есть ты типа была во всех этих городах? – насмешливо поинтересовался он, явно намекая, что я вруша. Я чуть не закатила глаза к темному небу. – Да хорош гнать, не была ты нигде.

– Не была так не была, – не стала спорить я. Да когда же они, наконец, придут?

– Любишь приврать? Видимо, ты плохая девушка? – парень подошел еще ближе – так, что я недовольно уставилась на него. – А я люблю плохих девочек. Ты знала, что у нас волшебный город? – без перехода спросил он, касаясь ладонью моего локтя – я тут же сделала шаг назад.

– Бери выше – у нас волшебная страна.

– Волшебная страна – это Нарния, – отозвался он.

– Значит, мы в Нарнии.

– Тогда я ее принц. – Парень озорно улыбнулся.

– Поздравляю.

– Ты должна поздравить себя – я могу показать тебе волшебство города. Что ты делаешь сегодня вечером? – поинтересовался он как бы между прочим.

– Общаюсь с друзьями.

– В этом местечке? – он кивнул на «Горячую сковороду».

– А ты видишь какой-то другой клуб? – раздраженно спросила я. Достал.

– У тебя есть возможность увидеть волшебство ночного города. – Его голос буквально источал равнодушие. И парень начал с силой напирать на меня, буквально вынуждая согласиться прокатиться с ним ночью на тачке, блестящей под светом фонаря.

– Ты должна согласиться, – настаивал он.

– Я же сказала, что не хочу, – произнесла я, злясь – больше даже не на него, а на своих сумасшедших друзей, застрявших непонятно где.

– Не хочешь? – поднял темные брови парень. – Ты хочешь. Ты просто не знаешь, чего ты на самом деле хочешь.

Я тоже вопросительно приподняла бровь.

– А ты знаешь, чего я хочу?

– Конечно, – самодовольно откликнулся тот, а я даже поморщилась. – Я экстрасенс. Ты веришь в магию?

– Ага, в экзорцистов, которые изгоняют из людей принцев Нарнии. – Я хмыкнула. Меня достал весь этот фарс. Мальчик и забавлял, и напрягал одновременно.

– Будешь моим экзорцистом ночью? Хотя нет, ты на ведьму похожа, – вдруг выдал он. Если он мне еще про то, что у меня волосы приятно пахнут, скажет, значит точно пикапер. Как-то раз я общалась с одним из них – нас познакомил один из моих друзей, и этот бравый парень, глотнув лишнего, весь вечер рассказывал нам о том, как он мастерски клеит девушек, используя метод трехсвиданки, когда в течение трех дней, используя определенные приемы, слязненные из НЛП, мальчики пытаются развести девочек на физическую близость. И этот принц Нарнии кучу таких приемчиков уже незаметно использовал: и с забавной «открывашки» начал диалог, не забыв поймать взгляд, и кино включил, то есть кинестетику – прикосновения, и пытался «якорить» и ввести в типа трансовое состояние с помощью крышесносящих или как там они называются, фраз, ну и просто личное обаяние не забыл, которое при знакомстве всегда играет важную роль.

– А я и есть ведьма, – отозвалась я лениво, поправляя длинные и тяжелые от лака локоны, которые еще держали форму, несмотря на снег и ветер. – И если ты сейчас отсюда не сделаешь ноги, я тебя прокляну.

Он весело рассмеялся.

Не знаю, куда бы завел нас наш диалог, но в это время неподалеку припарковалась еще одна машина, из которой вылезло трое парней и одна девушка. Один из них, достаточно высокий, стройный и утонченно красивый, облаченный в грифельного цвета двубортное пальто с воротником-стойкой, достигающее чуть выше колен, подошел к нам. Выглядел он холодно, стильно, но не вычурно – ни дать ни взять представитель местной молодой богемы. Модное приталенное пальто подчеркивало силуэт молодого человека и с тонкими светлыми перчатками смотрелось еще более стильно и даже как-то аристократически. Как будто бы не просто очередной пижон вышел из крутой машинки, а самый настоящий английский пэр, какой-нибудь младший сын графа, двадцать третий претендент на священный престол Великобритании. Казалось, его образ был продуман до конца – даже грубоватые ботинки на шнуровке в стиле милитари, в которые были заправлены темные джинсы, казались абсолютно в тему. Они как будто бы контрастировали с общим достаточно нежным образом, говоря, что в этом парне есть и мужественная сторона, а сам он уверенно стоит на ногах.

Почти утихомирившиеся снег и ветер тут же усилились, и на его русые волосы, самые длинные кончики которых касались плеч, беззвучно стали падать огромные полупрозрачные хлопья снега.

Со мной это было впервые в жизни. Как только я увидела этого человека, шум города на мгновение затих, и все мое внимание, против моей же воли, сфокусировалось на нем.

Луна, только что отогнавшая от себя обрывки облаков, казалось, треснула – я отчетливо услышала этот звук и вздрогнула. Гирлянды звезд на небе дружно зазвенели и стали одна за другой падать с оглушительным равномерным звуком: тук-тук-тук. Я не сразу поняла, что я просто слышала биение своего сердца сквозь натянутую, как струна, тишину.

Снежные хлопья падали на незнакомца нежно, аккуратно, с любовью, и еще какое-то мгновение мне казалось, что они, отталкиваясь от его волос, плеч, спины, рук, превращаются в искры. Белые холодные искры снега отлетали от этого человека, как бенгальские огни от стальной свечи, на которую был нанесен пиротехнический состав.

Мне показалось, что этот парень тоже что-то почувствовал, но виду он, как, впрочем, и я, не подал.

А еще – честное слово, я не шучу! – я услышала отдаленные голоса, мужской и женский, которые обещали найти друг друга. Эти голоса словно бы передавали по плохой радиации, вставленной в мою голову. Стало невыносимо грустно – глубокая печаль, словно прорвавшаяся плотина холма и поля, затопила меня.

Что со мной? Схожу с ума? Крыша медленно, но верно, машет мне обеими лапками?

Щеки у меня загорелись непонятым жаром, ладони закололи тысячи стеклянных иголок, и секундное наваждение исчезло, оставив меня в недоумении. Я что, уже замерзаю, моя температура тела близка к тридцати пяти градусам, и у меня начались галлюцинации?

Почему его друг, уже минут пять распинающийся передо мной, не смог так сильно завладеть моим вниманием, как тот, кто просто подошел к нам из ниоткуда?

Я еще раз взглянула на русоволосого молодого человека, пытаюсь разглядеть, какого цвета его глаза, как вдруг он испортил это непонятное чудесное мгновение. Он открыл рот, и понеслось. Волшебство рассеялось, растаяло, как снег на теплой ладони.

Короче, я поняла, что терпеть его не могу, именно тогда, когда он заговорил.

– Ты что тут делаешь, пошли, – раздраженно бросил этот парень своему другу-пикаперу.

– С девушкой знакомлюсь, – ответил тот, продолжая смотреть на меня, как голодный папуас на добычу.

– С девушкой? – глаза, цвет которых я пока еще не рассмотрела в темноте, изучали меня не более трех секунд, после чего их обладатель потерял ко мне всяческий интерес. – Не теряй на это время, двигаем в клуб.

Вроде бы ничего особенного не сказал, а у меня сами собой сдвинулись брови. На «это»? Он так обо мне? Парень смеется или как? Или неприятностей ищет?

– А она ничего так. – Принц Нарнии, чуть склонив голову набок, вновь обратился ко мне: – Твои волосы вкусно пахнут.

– Ты токсикоман, что ли? – спросила я. Дождалась-таки этой фразы.

– В смысле? – удивленно взглянул он на меня.

– Они лаком пахнут, – пояснила я мрачно, точно уже для себя решив, что мальчик – пикапер. Телесный контакт он уже пробовал установить – касался меня, и сейчас, скорее всего, попробует это еще раз.

Как по заказу, парень с хвостиком пожал плечами, развязно улыбнулся мне и вдруг, когда его надменный дружок, на ходу снимая перчатки, уже развернулся по направлению ко входу в клуб, поймал меня за руку и вложил в пальцы черный прямоугольник, который

оказался не чем иным, как его визиткой. На черном элегантном фоне белыми ровными буквами были выведены имя и номер мобильного телефона.

– Я дал тебе свой номерочек, теперь твоя очередь, – сказал он мне, улыбнувшись, не отпуская моей руки. – Давай запишем его в твой телефон? Ты не думай, мне от тебя ничего не нужно. Я просто хочу пообщаться с тобой. Показать огни города. Ты мне очень понравилась. Кстати, знаешь, с кем я знаком?

– О боже, с кем? – я попыталась вырвать руку, но у меня этого не получилось.

– С тобой. Меня зовут Николай. А тебя? Давай запишем мое имя тебе в телефон?

Ту же руку, которую он держал в своих пальцах, парень внезапно положил себе на грудь – его кожаная куртка была на треть расстегнута, и я ладонью коснулась свитера, почувствовав тепло его тела. Второй рукой он выхватил мой мобильник и открыл его без моего разрешения.

– Запомнила? Я – Николай, – весело прокричал он, принимая ярость в моих глазах за удивление. – А это, – он кивнул на мою руку, лежащую на его груди, – чтобы ты точно запомнила, как меня зовут!

– Слушай, Николай, у меня сейчас плохое настроение, и я не очень хочу общаться, – произнесла я, говоря чистую правду.

– Да сдалась она тебе, в клубе хорошенькую девочку найдешь, – недовольно прогундосил дятел в пальто, явно давая понять, что он обо мне весьма низкого мнения.

– Я не могу оставить эту ведьмочку, – возразил его друг и вдруг подмигнул мне, не понимая, что провоцирует меня. – Красотка. – Он вновь делал вид, что меня тут нет.

– Где красотка? – недоумок в пальто, который жалкую минуту назад ввел меня в самый настоящий ступор, приложил ладонь ко лбу, как капитан дальнего плавания, смотрящий в самое сердце моря, надеясь отыскать там землю, и картинно поглазел в разные стороны. – Очнись, – вынес он свой вердикт, – тут нет красоток.

Парень мигом растерял для меня всю свою волшебную привлекательность и аристократизм, которого в нем не было и в помине, и теперь мне хотелось залепить ему пару-другую пощечин за грубые слова и пренебрежительный тон. И его другу хотелось отвесить пару пинков. Нет, я понимаю, есть такие люди, как пикаперы, и я много о них наслышана, но если девушка не настроена на общение, можно понять и чисто по-человечески отвалить?

– Верно. Тут одни только уроды. Моральные, – очень тихо, ни к кому не обращаясь, проговорила я. Русоволосый дружок пикапера, изображающий капитана, это услышал и хмыкнул, но лично мне ничего не сказал.

– Все, пошли уже, черт побери, – поторопил Николая он с великим нетерпением в голосе. – Нашел на кого время тратить.

Тот как-то обиженно и немного злобно посмотрел на друга и опять улыбнулся мне – обворожительно и мило. Если бы я была в хорошем расположении духа, возможно, я бы с ним побеседовала – мне всегда интересно, смогут ли пикаперы заморозить меня или нет. Искусство общения всегда было мне интересно. Но сейчас я просто хотела отвязаться от этого идиота. И злилась уже конкретно. Лицо мое оставалось непроницаемо-спокойным, а вот внутри все дрожало.

– В полночь жду на этом самом месте, – улыбнулся мне Николай и попытался в который раз коснуться обеими ладонями моих предплечий.

– Не трогай меня, – предупредила я его, а он, хрипловато рассмеявшись, полез обниматься. Контакт физический хотел, наверное, закрепить.

Голову накрыло воздушной волной недобрых чувств.

– Я предупреждаю, не прикасайся ко мне.

– Хорошо, хорошо, я только обниму тебя, конфета – у тебя волосы конфетами пахнут, я говорил? В общем, в полночь прихо... – начал, было Николай новую песню, но закончить предложение не успел.

Я, оттолкнув его от себя, от всей души врезала парню с хвостиком под дых – наша сильная Ранджи в свое время научила, спасибо ей. И хотя ему было не сильно больно, он явно опешил. Даже его дятлообразный дружок удивился.

– О-го-го, – сказал он. – А девочка с характером. Что за дракона ты пытаешься снять?

– Да она казалась милой, – отозвался делано беспечно Николай, потирая грудь. – Горячая штучка, – сообщил он мне.

– Или отстань от меня, или я еще тебе добавлю, – прошипела я. Думаю, взгляд у меня был не самым добрым.

– Да все, парни, идем в клуб, – раздался веселый громкий голос, принадлежащий одному из парней, с которыми приехал дурень, назвавший меня драконом. – Шейк, ты проиграл! Ты так и не смог снять ее! Явный провал! Не надо так прессовать! Так жать на нее не надо было!

Николай, он же Шейк, беспомощно мне улыбнулся, пожал плечами и послал воздушный поцелуй, заставив руки затрястись от ярости. Да они что себе позволяют, недоумки?! По ходу даже ноздри у меня раздувались от переполнявших эмоций, а такое со мной редко бывает – обычно мои негативные эмоции выдает только холодный огонь в глазах.

Люди, проходившие мимо, с интересом смотрели на нас, но не вмешивались.

Парень в пальто, поглаживая правой рукой кожу тонких светлых перчаток, зажатых в левой руке, глядя мне в лицо, засмеялся – весело, громко, задорно. Издевательски. Глаза у меня остекленели. Ненавижу, когда надо мной издеваются. Все оскорбления я принимаю близко к сердцу. И стоять просто так не буду – сейчас пижон у меня поплачет. Я засунула одну руку в сумку и нашарила маркер – у меня всегда с собой есть черный, на всякий случай, мало ли, в универе понадобится. Или в таких вот ситуациях.

Оба парня – и Николай, и его друг, не переставая ржать, отправились в сторону клуба, догоняя своих друзей, а я быстрым шагом нагнала их и дотронулась резким движением до плеча главного хохотуна.

– Чего тебе? – развернулся он так же резко, явно не понимая, что я сейчас сделаю. Пока он хлопал ушами, я молниеносно нарисовала над его верхней тонкой губой довольно-таки миленькие гитлеровские усы, а после успела прочертить длинную полосу на носу, как у енота. Все это я сделала быстро, буквально за две секунды, пока он стоял совершенно ошарашенный – эффект неожиданности сыграл свое дело, подарив мне драгоценное временное преимущество. После этого, правда, новоиспеченный Адольфик пришел в себя. Заорав, он схватил меня за локти и с силой отпихнул от себя, так, что я чуть не упала. Маркер выскользнул из моих пальцев и остался черной непонятной палочкой лежать на белом снегу.

– Ты что, с ума сошла?! – кричал русоволосый парень, безуспешно пытаясь оттереть маркер, прочно въевшийся в его бледную чистую, как у девочки, кожу. – Ты психованная? Идиотка!

– Я же сказала, что экзорцист. Это я так из тебя дурь изгоняю. Тайными знаками, – парировала я ледяным тоном, понимая, что он мне за эту выходку и врезать может.

– Я сейчас тебя сам изгоню, – проговорил он вдруг тихо и злобно, схватил со снега маркер, а после попытался меня поймать в свои объятия. Наверное, чтобы задушить. А потом запихать маркер в нос. Шучу – на самом деле наш Адольфушка решил отомстить мне тем же способом – начертить мне что-нибудь на лице. Однако я этого совершенно не хотела, и мы забавным волчком закружились под падающим снегом на виду его совершенно обалдевших товарищей.

– Отстань от нее, она невменяемая! – заорал его друг Николай-Шейк, – пошли уже!

– Яр! Оставь ее в покое! Ты что делаешь? – другие друзья тоже попытались воззвать к разуму дятла, чья рожа от бешенства теперь была похожа на гусиную. Однако тщетно – разума у этого парня отключился. Этот Яр все же поймал меня одной рукой и с силой притянул к себе, словно хотел заключить в пламенные объятия – я едва не стукнулась лбом о его подбородок. Другой рукой, в который был зажат мой маркер, парень попытался дотянуться до моего лица, но я ловко вывернулась и даже умудрилась укусить его за оголенное запястье. Испугались мы оба – и он, и я. Он, видимо, подумывал, а не заразился ли бешенством, а я – не вызвать ли мне бригаду «Скорой помощи». Для себя. Раньше я людей не кусала. Мне даже противно стало – а вдруг он заразный? И я принялась усердно тереть рот обратной стороной ладони. Яр тоже, видимо, думал, что я заразная, с ужасом глядя на слабенький укус. Глаза у него были ошарашенные.

– Зачем ты это сделала?! – через пару секунд рассерженным котом зашипел парень, видимо, более менее придя в себя. – Ты неприятностей хочешь? Я тебя сейчас прикончу! Больная, что ли?

И он схватил меня за плечи и принялся трясти, как яблоню, словно пытаюсь стрясти плоды. Было не больно, а обидно.

– Это тебе возмездие, чтобы не смеялся над девушками, – наставительно заметила я, пытаюсь отцепиться от него. Хотя я тоже была в ярости, не орала, а говорила холодным тоном. И только потом я поняла, что, как бы странно это ни прозвучало, мне нравились прикосновения этого чокнутого. Но это я поняла много позже. Много-много позже.

– Ты не девушка, ты психопатка! Зачем ты меня укусила?! – требовал парень ответа.

Тут к нам все-таки подбежали его друзья и отцепили от меня идиота в пальто. Единственная девочка в этой компании: высокая, худенькая и симпатичная, с лицом эльфа, случайно заблудившегося в мире урбанистической культуры, тут же принялась извиняться передо мной, а парни, пытавшиеся утихомирить этого самого Яра, глядя на его усато-полосатое теперь лицо, начали хмыкать, с трудом сдерживая смех. Они суеились вокруг него, что-то возмущенно вопящего, аки придворные вокруг принца-наследника.

– Ты и правда того, – покачал головой Шейк, обратившись ко мне. Темные глаза его весело блестели. – Зачем маркером-то его изрисовала?

– Детка, зачем ты его укусила? – спросил одновременно тот, который на всю округу орал про то, что этот самый Шейк пытался меня снять. Скверное слово – снять. Обычно снимают, ну вы сами понимаете кого.

– Он у нас теперь как енот, – заржал кто-то.

– Пометила. Все, идите, гуси, – царственно отпустила их я. И в этот момент, наконец, появились мои друзья. Они только что припарковались на месте отъехавшего «Ниссана» и, увидев меня в компании незнакомых орущих людей, сразу же поскакали на помощь.

– Что случилось? Наська, что произошло? Это кто? – вопрошали ребята, а Ранджи, девочка боевая, первой сделала шаг вперед, взглядом профессионального бойца окидывая чужаков. Мальчишки тоже вышли вперед, агрессивно поглядывали на друзей Енота. Я почувствовала себя увереннее.

– У вас подружка – чокнутая, – сказал Шейк. – То дерется, то кусается. Сейчас поедем челу уколы от бешенства ставить.

– Ты за свои слова отвечаешь? – смело спросил один из моих друзей, Женька, взяв меня за руку и слегка сжав ее, словно бы говоря, что все хорошо. На мгновение чуть левее солнечного сплетения стало тепло. Честно говоря, к нему я относилась не совсем по-дружески. Этот парень нравился мне.

– Отвечаю, – усмехнулся тот.

– Может быть, сейчас ответишь? Прямо тут? – включился еще один мой друг – Олег с весьма специфической кличкой Темные Силы. Что такое драки, он знал не понаслышке. Да и человеком был вспыльчивым.

– Без проблем. Ты, главное, мой ответ выдержи, – усмехнулся Шейк. Пара друзей поддерживали его одобрительными возгласами. Услышав это, Темные Силы картинно запрыгал на месте, как боксер, явно давая понять, что готов к разного рода разговорам.

Наверное, парни бы стали нарываться друг на друга, а после бы приступили куда к более активным действиям, если бы не один из друзей Шейка и Адольфика, самый, видимо, благоразумный, который просто заставил своих ребят покинуть место действия.

– Хватит цирка, уходим. Уходим! – решил крепкий загорелый парень в черной шапке, держащий своего усатого ругающегося друга за предплечья, и почти силой потащил его прочь. Остальные потянулись за ними, изредка оглядываясь в мою сторону. Я подняла маркер со снега и вздохнула – кажется, он больше непригоден, весь промок в снегу, да и наступил на него кто-то лошадиной ногой.

– Что тут произошло? – первым нарушил молчание изумленный Дан. – Ты это... в порядке?

– Они тебе ничего не сделали? – проводила сердитым взглядом толпу Алсу.

– Хочешь, мы этих уродов выследим и накастыляем? – от всей души предложил Темные Силы, хищно поглядывая в ту же сторону.

– Если вы бы еще подольше ехали, меня бы тут вообще убили, – проворчала я. Алена молча стала стряхивать с меня снег. Глаза у нее были большими от удивления. Кажется, подруга испугалась за меня больше меня самой.

– Да у нас Танк тормозил, – отвечала Ранджи глухим голосом – он у нее как визитная карточка, потому что для девушки достаточно низкий, но без сексуальной игривой хрипотцы, а твердый и волевой. – Опять в сервис ехать надо.

– А не надо было его Танком называть, – тут же встрял Дан. Они с Ранджи часто спорили и подтрунивали друг над другом, а сначала вообще слегка друг друга недолюбливали. Это потому что знакомство этих двоих началось с того, что моя подруга случайно ударила его локтем в нос, а он долго орал и вопил. – Как корабль назовешь, так он и поплывет. Надо было машинку Отто наречь, как я предлагал. Или Михаэль. Или Кими.

Танком внедорожник мы прозвали из-за того, что когда впервые увидели автомобиль, удивились, какой он грязный, а Ранджи невозмутимо сказала, что танки грязи не боятся, и повезла его на мойку.

– Почему Михаэль и Кими, я понял – в честь Шумахера и Райкконена, – назвал двух известных гонщиков Женька. – А почему Отто-то?

– Поэтично. Ассоциируется с ветром и легким полетом, – отозвался Даниил, не без основания считающий себя человеком творческим.

– Сам себе тачку купи и нарекай ее хоть Отто, хоть Михаэль, хоть Ариэль, хоть Колбаса Петровна, – спокойно отозвалась Ранджи, которая свои решения не меняла. Танк – значит, Танк. И точка.

– Так, все быстро в клуб, – велела я.

– Так что с тобой случилось? – внимательно посмотрела на меня Алена. – У тебя же сегодня день рождения...

– Похоронный праздник, – перебила я подругу. Настроение было омерзительным.

– Кого хоронить будем? – ухмыльнулась Алсу. – Двадцатый год?

– Точно, его, – вздохнула я.

– Так что приключилось? – вновь требовательно подал голос Дан. – Ты так и не ответила?

Остальные его поддержали. Ребята тут же загомонили, наперебой требуя рассказать, что произошло, но я сказала, что сначала мы должны оказаться в клубе, в нашей отдельной комнате с диванчиками и караоке-системой. Им пришлось подчиниться – они чувствовали себя виноватыми, потому что так задержались.

– С тобой точно все в порядке? – спрашивали меня они всю короткую дорогу до дверей, ведущих в клуб.

– Все нормально! Это недоразумение.

– Что-то у тебя волосы всклокоченные, – заметил эстет Даня и попытался пригладить выбившуюся прядку, но у него ничего не получилось.

Если честно, я боялась, что охрана нас реально завернет, даже увидев, что у нас есть бронь на комнату. И страхи у меня появились не на пустом месте. Как я уже говорила, в «Горячую сковороду» не пускают всяческий сброд, подозрительных личностей и просто людей, чья внешность нестандартна. Там могут только за джинсы отправить восвояси! И сейчас со мной было несколько человек, которые совершенно точно не прошли бы фейс-контроль, приди они в это местечко просто так.

Думаю, пора представить своих друзей. Про Даниила, шагающего справа от меня, я уже говорила – парень он обаятельный, симпатичный, подвижный, одетый с иголочки и подчеркнуто стильно. Как-никак он визажист и парикмахер, у которого классный вкус. Он знает, какие цвета сочетаются с его типом кожи, каштановыми волосами и карими глазами, какая одежда лучше подчеркнет фигуру и какие аксессуары нужно надеть, чтобы выглядеть уместно.

Мы так привыкли друг ко другу за последние два года совместного съема квартиры, что иногда мне кажется, будто мы – супруги. Но неправильные супруги. В роли жены – Данька, отлично умеющий готовить, любящий наводить чистоту и с каким-то непонятным мне удовольствием глядящий белье. А в роли мужа – я, носящаяся всюду, как савраска, с ноутбуком в обнимку, учащаяся, работающая, занимающаяся организационными вопросами разного рода в университете. Часто я приходила домой, и Даня, улыбаясь, предлагал мне заботливо ужин – если, конечно, сам не был занят, а я нахваливала его кулинарные таланты. В общем, жили мы гармонично, не ругались, и в квартире у нас было хорошо и чисто – мы оба были любителями порядка. Я, правда, убиралась не так часто, как сосед, но и никогда ничего не позволяла себе раскидывать, поэтому могли мирно сосуществовать.

С Даней проблем на фейсконтроле никогда не бывает, как, впрочем, и с Аленой, моей очень хорошей подругой, которая шагала с левой стороны от меня и держала под локоть. С ней мы общались с сентября первого курса, а теперь вместе домучивали филфак. Алена – наша гордость, умница и настоящая красавица, которая даже участвовала в конкурсе «Мисс город», правда, к нашему сожалению, несправедливо заняла лишь третье место, тогда как первое заняла девица, которую я очень не люблю – впрочем, это взаимно. Отбоя от поклонников у Алены нет – она действительно эффектна и похожа на девицу-красу из народных преданий. Мягкая и в то же время выразительная славянская внешность, подчеркнутая шикарной светлой улыбкой, женственная изящная фигура и длинная толстая светло-русая коса до самого пояса, которую подруга, правда, делает редко, предпочитая распущенные волосы или же собранные в незамысловатую прическу. И имя ей прямо под стать – такое же плавное и симпатичное. Правда, несмотря на популярность среди мужчин всех возрастов, Алена девушка одинокая и отношений предпочитает не иметь, говоря, что хочет быть только с тем единственным, кого полюбит, а такого человека пока не нашла.

За этих двоих я не боялась. Но за остальных...

Прямо за Аленой бодро шагал невысокий, очень стройный, я бы даже сказала худой, но очень проворный и подвижный парень с темными хитрыми, чуть прищуренными глазами, черными крашеными волосами, небрежно касающимися плеч, хотя правый висок у него

был полностью выбритым. Его часто считали остряком или же императором дурных шуточек – смотря у кого какое было чувство юмора. Кстати, слово «острый» как нельзя кстати подходило к нему. Этот парень с тату древнего магического символа, которое красовалось у него под сердцем, и с какими-то диковинными знаками, украшающими его левое запястье, не только мог сказать что-нибудь острое и едкое, но и сам был какой-то острый: заостренные нос, острые кончики тонких пальцев и ушей, резко вычерченные скулы и линия подбородка, даже взгляд у него был пронизывающим, проникающим прямо в душу – по крайней мере, так казалось при первом знакомстве, на втором же и на третьем к специфическому взгляду этого парня все привыкали и считали его презабавным. Хотя некоторые продолжали считать дурным и странным.

Звали его Олег, но по имени к нему обращались крайне редко, используя, как я уже говорила, донельзя оригинальную кличку Темные Силы – наш Олежка верил в магию и прочую чепуху и мог целыми сутками рассказывать про призраков, неупокоенных духов, монстров всех мастей и прелести мира загробного. А еще он умел гадать – на картах Таро. Обмолвился как-то, что его этому научила бабушка. И хотя я не слишком люблю все эти околумистические штучки, иногда наш Олег говорил очень странные вещи, которые даже иногда сбывались, заставляя меня, девушку-реалистку, изумленно поднимать брови вверх. В общем, Темные Силы у нас был слегка не в себе и, наверное, поэтому его подружкой была Алсу – тоже весьма необычная девушка, учащаяся вместе со мной и Аленой на любимом филфаке. Так получилось, что это именно я познакомила Алсу и Темные Силы, после чего они счастливо образовали прочную пару, грозящую вот-вот перерасти в ячейку общества, то есть в семью. Темные Силы, сейчас беспечно обнимающий Алсу за плечи, серьезно пообещал, что на их свадьбе я буду свидетельницей.

Алсу была ему под стать. Она, знаете ли, у нас немного гот, поэтому слушает мрачный готический тяжеляк, одевается в темные одежды, частенько с заклепками и шипами, часто молчит, погруженная в свои мысли, но если начинает говорить, многие ее слова пропитаны сарказмом и иронией, поэтому с ней, как бы парадоксально это ни звучало, всегда весело.

Внешность у нее примечательная – черные, абсолютно прямые длинные волосы до лопаток, бледное лицо, на котором двумя небольшими аккуратными безднами выделяются густо, но умело подведенные глаза яркого, из-за линз, цвета – от лилового до изумрудного, многочисленные проколы в обоих ушах и на лице. Чего только стоит бридж – пирсинг переносицы на уровне глаз!

Именно из-за экстремалки Алсу, которая подрабатывала в тату-салоне, делая пирсинг, я когда-то проколола себе нос, вернее, она мне сама проколола. Дело было на далеком третьем курсе, и с тех пор так и хожу с аккуратной серебряной серьгой в левом крыле носа, называемой нострил.

Почти нога в ногу с Даном шагала Ранджи, девочка тоже весьма неординарная. Ранджи с детства занимается единоборствами и вольной борьбой и достигла в этом определенных успехов – время от времени она ездила на соревнования самого разного уровня и привозила оттуда, на радость тренерам и собственному отцу-боксеру, награды и медали. Да и на родном факультете физического воспитания на нее не могли нарадоваться. Ранджи невысокая, крепко сбитая, и кажется, что руки и пресс у нее сделаны из железа. Она всегда таскает длинную прямую челку, едва ли не закрывающую темные пронизательные и спокойные глаза, на соревнованиях закалывая не тронутые какой-либо краской темно-каштановые волосы невидимками. Может быть, многим внешность Ранджи, одевающейся в какие-то балахоны и простые джинсы, покажется ничем не примечательной и даже грубоватой из-за резких черт лица с довольно тяжелым волевым подбородком, но на самом деле она классная – и внутри и снаружи. А уж как она дерется... Парни боятся ее с раннего подросткового возраста. И, кажется, до сих пор.

Чуть впереди меня шел последний член нашей команды, двоюродный брат Дана, Евгений, – парень с биохимического факультета, учащийся в нашем же университете. С виду он выглядел в меру покладистым студентом – доброжелательный взгляд без претензий, короткие жесткие волосы, черный напульсник, джинсы, простые футболки с забавными принтами, кеды, рюкзак за спиной, однако на самом деле и его частенько переключивало – Женька играл в местной дэзметал группе, имел кличку Хирург и неплохо лабал на басу, раскрашенный, как последний демон. Сцена что-то делала с ним, и из задорного и веселого парня он превращался в какого-то зверя. Раньше он как-то редко общался с нами, куда большее внимание уделяя парням из группы, но теперь очень часто проводит время с нашей сборной компанией, заставляя меня все пристальнее к себе присматриваться. Как я уже сказала, Женька мне нравился – совсем недавно я вдруг почувствовала к нему странную для меня тягу, и об этом знали только девчонки и Даниил. Первые говорили, что мы классно смотримся, а второй давал ценнейшие советы истинного профессионала в любовном деле, видя, как мы с Женькой переписываемся в социальной сети, порой разговаривая о чем-то важном, а порой просто перекидывая друг другу смешные картинки или даже просто прикольные смайлики. С этим парнем я чувствовала себя комфортно, удобно и как-то на удивление тепло. Было только одно но – никто из нас не решался пока на более активные шаги, словно мы оба чего-то выжидали. Поскольку я человек не без некоторого количества принципов (Дан называет их просто завихрениями мозга), один из которых гласит, что парень должен первым проявить инициативу, а Женька пока с этим как-то тух, то наши отношения все еще продолжали раскачиваться, никак не переходя на новый уровень. Впрочем, я не слишком страдала, надеясь, что все будет как надо. Да и вообще, я умею ждать.

Перед входом в клуб я оглянулась и внимательно оглядела друзей. Если кого-то из них не пустят, будет печально и придется искать новое место встречи моего дня рождения.

Однако боялась я зря. Охрана без проблем пропустила нас всех, как только поняла, что у нас резерв. Полностью оплаченный, между прочим.

Только оказавшись в полутемной комнате с окном, из которого открывался вид на один из танцполов, усевшись на возделенный мягкий диванчик, я смогла расслабиться и кратко, но более-менее связано пересказать случившееся. Это заняло у меня меньше минуты. Друзья охали и сочувственно ахали.

– Ну а теперь вы кайтесь, почему я вас так долго ждала? – хищно посмотрела я на них, но отвечать они мне не стали.

– Настена-сластена, – вскочив на ноги, улыбнулся мне во все зубы Темные Силы, который не хотел говорить на эту тему. – Мы поздравляем тебя с твоим личным праздником! Давайте-давайте, – помахал он рукой остальным. – Присоединяемся!

Друзья-заговорщицки переглянулись, кое-кто прокашлялся, и ребята, став передо мной и достав кто губную гармошку, кто колокольчик, а кто старинные, чуть ли не дореволюционные на вид бубенцы, все вместе, хором, под непосредственным руководством Темных Сил, нашим непревзойденным массовиком-затейником, спели «С днем рождения тебя!». Получилось это у них громко и эпично, и если учесть, что слух в нашей компании есть только у Женьки и у меня, то еще и не очень музыкально. Однако все это было так трогательно, что у меня даже подозрительно зашипало в носу. Все накопившееся за сегодняшний день недовольство сползло с моего лица, не оставив и следа, и я стала невольно улыбаться.

А потом они стали все тем же прикольным нестройным хором стали орать «С днем рождения!» чуть ли не на всех языках мира – даже на каких-то африканских наречиях, правда, я сначала думала, что это они просто так бессвязно вопят, а оказалось, со смыслом – поздравляют. От их воплей я так расхохоталась, что не могла успокоиться еще минут пять, и пока ребята по очереди меня обнимали, желая, кажется, всего самого хорошего на свете,

я совсем растаяла, искренне обнимая их в ответ. Надо же, еще пару лет назад я терпеть не могла прикосновения – это казалось мне глупостями и слюнями.

Вскоре мое настроение кардинально изменилось – из плохого и сумрачного стало веселым и праздничным, каким и должно было быть последние пару часов. На оплаченный мною заранее депозит мы сделали нехилый заказ, и весело посидели за столом, а Олег с Даном толкали тост за тостом. Я, как ребенок, радовалась подаркам. Поскольку друзья знали, что я – девушка практичная, то и подарки мне нужны нужные и полезные. В основном это были сертификаты: в магазин косметики, нижнего белья и даже в творческий супермаркет, в который я давным-давно хотела сходить, да все не было возможности. А еще – сертификат на фотосессию.

После мы всей компанией двинулись на танцпол, освещаемый всеми цветами неоновой радуги, наорались в караоке, изображая из себя великих певцов. Все, кроме Ранджи, которая была за рулем, успели попробовать алкоголь – я от всей души широкой закала шампанское, вино и бутылку виски, не зная, что сейчас в клубе проходит спецакция и при покупке одной бутылки вторая дается в подарок, поэтому алкоголя у нас было достаточно. Мальчишки разводили виски с колой, явно задавшись целью напиться самим и спотить девчонок. Я, в принципе равнодушная к алкоголю, пила мало, а вот Алена с Алсу не устояли перед напором парней и были, честно говоря, навеселе. Темные Силы, как всегда,пил больше всех – он вообще по жизни вододуй, а как дело касается спиртного, так в нем и вовсе просыпается какая-то водонапорная башня. Олежек больше всех веселился и орал то один тост, то другой:

– Эй! А давайте выпьем за Наськино желание! Давайте-давайте! Поднимайте свои бокалы, народ! Эй, Хирург, проследи, чтобы у всех налито было, у Аленки, смотрю, пусто в бокале!

– Не пусто! – возмутилась подруга, сидевшая рядом со мной. Аккуратным наманикюренным пальчиком она указала на свой бокал, в котором виднелось еще немного виски. – Там еще много!

– Ничего не вижу, – заявил Женька и тут же проворно заполнил ее бокал почти до самого края. Алена только недовольно поморщилась, а я ей подмигнула.

– Так, у всех теперь бокалы полные? – зорким взглядом осмотрел стол Темные Силы. – Тогда пьем за Наськино желание! Эй, именинница наша любимая! Загадывай желание!

– Вслух? – дотошно уточнила я.

– Ну, если оно не пошлое, то вслух, – великодушно разрешил Олег.

«Пусть мои мечты сбудутся», – подумала я про себя. Мечты – успех в журналистике и счастье в личной жизни. Все просто. Хотя есть еще и третье желание. Совсем простое.

– Тогда я промолчу.

– Что ж, народ, поднимем бокалы за Настино молчание, – возвестил всем Темные Силы. – Пусть все, о чем она сейчас молчит, сбудется!

Женька мне улыбнулся. Алена заметила это и аккуратно пихнула локтем в бок.

– Эй, – обратил внимание Олег на свою девушку Алсу, которая, как обычно, мало разговаривала. Сейчас она сидела и задумчиво грызла яблоко с общей фруктовой тарелки. – Эй, чертик, – он часто так называет любимую, а она, впрочем, была не против, – ты чего мне яблок не оставила?

Алсу подняла на него из-под прямой длинной челки большие серо-голубые глаза, контрастирующие с черными тяжелыми прямыми волосами. Яблоки она любила и только что доела последнее.

– Ты же не ешь их.

– Теперь, конечно, не ем, – подтвердил Темные Силы, обнимая ее и целуя в щеку, – ты ведь их съела!

Алсу что-то прошипела, но я не расслышала, зато Дан умилился. Он всегда умилялся, наблюдая за милыми парочками.

После Темные Силы отправился на импровизированную сцену вместе с Даном, чтобы ради прикола, как он сказал, спеть одну из заунывных старых рок-баллад. Песня и сама по себе была не особо позитивной, а в их ужасном гнусаво-безголосом исполнении она казалась вообще ужасно тоскливой. Женька, у которого и слух, и голос были отличными – не зря же он играл в группе, сидел, морщился и пил, изредка поглядывая на меня как-то весьма странно.

Мы расположились на одном диванчике, рядом, касаясь изредка друг друга руками. Все-таки он мне нравится. И безумно хотелось положить ему голову на плечо или потереться щекой о щеку. Я с трудом сдерживала себя, чтобы вдруг не коснуться его лица кончиками пальцев, поддавшись смелости, которую дарит алкоголь. Эх, если бы он сейчас взял и поцеловал бы меня – я бы совсем не была против, но Женья просто сидел, смотрел, молчал и загадочно улыбался. Как будто б ждал чего-то.

Дан и Темные Силы выбрали в караоке новый шедевр – на этот раз из отечественного панка, и недружным хором заорали текст песни. К ним присоединилась Ранджи, услышавшая свою любимую группу, и их хор стал еще более громким.

– Когда же они заткнутся, – выдохнул Евгений, хмуро покосившись на импровизированную сцену с орущими в микрофон друзьями. – У меня уши скоро отвалятся.

– Это так забавно – наблюдать за страданиями других людей, – заметила я, украдкой улыбнувшись ему, зная, что парень терпеть не может подобного насилия над своим слухом, но мужественно терпит.

– Может, тебе в школу учителем устроиться? – задумчиво спросила Алсу, болтая в руке бокал с недопитым шампанским. – Насмотришься там на страдания. Ну, или в детскую поликлинику, кровь брать.

– Нет, спасибо, не хочется, – отказалась я, а Алена, увидевшая, что мы с Женей переглядываемся, вдруг шепнула мне заговорщицки:

– Сегодня тебя ожидает сюрприз.

– Какой? – во мне тут же поселилось радостное удивление и предвкушение чего-то прекрасного и нежного. Мне еще с большей силой захотелось, чтобы Женька меня обнял.

– Увидишь, – улыбнулась мне подруга, и я с умилением подумала, какая же она классная. Добрая, умная и красивая. Умело накрашенная, с распущенными прямыми светлорусыми волосами, одетая в вечернее мини платье темно-синего цвета и длинные, до колен, сапожки на шпильке, она была очень и очень привлекательна. На танц-поле Алена умудрилась познакомиться сразу с несколькими парнями, вернее, они познакомились с ней и стали оказывать знаки внимания, которые Алене очень не понравились. В результате Дане пришлось уводить нашу подругу в комнату, сообщив ее навязчивым поклонникам, что он – ее парень. Для них обоих это была обычная отмазка.

А сюрприз я действительно увидела, только он оказался совсем не таким, как предполагала Алена.

В полночь к нам в очередной раз зашел один из двух официантов, обслуживающих нашу комнату, – молоденький веснушчатый парнишка с носом-морковкой. В руках он, белозубо улыбаясь, тащил большую темно-бордовую подарочную коробку, перевязанную желтым ярким бантом.

– Для именинника, – объявил официант, оглядывая нас взглядом, желая понять, кто же тут именинник.

Друзья удивленно посмотрели на него, но ничего не сказали. Как позже объяснил Дан, они подумали, что это, может быть, какой-то сюрприз от заведения, а не их сюрприз, а потому и промолчали.

– Я именинница, – весело помахала я рукой, сгорая от любопытства: а что же внутри? Сомнений не было – это и есть тот самый сюрприз, о котором шепнула мне Алена.

– С днем рождения! – поздравил меня от души официант, вручая подарочную коробку, в которой лежало что-то интригующее. – В честь этого дня от нашего заведения фирменный коктейль «Снежный барс» каждому гостю – в подарок!

Друзья под вопли Темных Сил, весьма уже накушавшегося, заплодировали – так им понравились слова официанта, тут же удалившегося – видимо, за коктейлями. А что, халява для студентов всегда ценна!

Мои пальцы заскользили по прохладной шероховатой поверхности коробки. Интересно, что же там, что? И как это связано с Женей? Это подарок от него?

Я даже не предполагала, что лежит внутри коробки.

– Давай, открывай! – подзадорил меня Дан, и остальные тут же согласно загудели, явно так же сильно, как и я, желая узнать, что же внутри. Только лишь Женя, запустив пятерню в короткие волосы, в недоумении глядел на коробку, единственный заподозрив неладное. Я не без труда распаковала ее и увидела открытку и что-то весьма странное, похожее на сложенную надувную лодку из тонкого материала телесного цвета. Взяв открытку, я открыла ее и вслух прочитала:

– *«Развлекись, как следует. Не стесняйся в желаниях! Твои любимые друзья! с днюхой!»* Что ж. Попробую развлечься, – пробормотала я, ничего не понимая и доставая еще одну бумажку, оказавшуюся инструкцией к подарку. Судя по ней, в коробке лежала не лодка, а резиновая кукла, думаю, понимаете, для каких целей предназначенная и в каких магазинах продающаяся. В инструкции она была даже нарисована во всей красе – белокурая девушка с огромными голубыми глазами и довольно пышными формами.

Такого подарка я точно не ожидала.

– Это что? – медленно переводила я взгляд с одного ничего не понимающего лица на другое. Парни пожимали плечами, девчонки спрашивали наперебой, что же внутри.

– Вы надо мной издеваетесь, что ли? – спросила я хмуро, разглядывая содержимое коробки с долей брезгливости. Отличное настроение вновь куда-то пропало. Нежность к Женьке испарилась. Ожидание чуда исчезло, словно его и не было. Может быть, это Темные Силы во всем виноваты? Он ведь известный приколист. Одному другу в качестве подарка вручил альбом с распечатанными фотографиями самых разных помоек. Другому – чучело крысы. А Алсу как-то преподнес на Новый год документ, подтверждающий, что он находится в ее собственности. А как Олежка ей в любви признавался... По балконам залез к ней на четвертый этаж без какой-либо страховки, и постучал в балконную дверь, перепугав маму Алсу до полубоморока.

– Так зачем вы это мне подарили? – сердито спросила я.

– Мы-ы-ы? – изумленно протянула Алсу, с удивлением вглядываясь в подарок. – Это не наш подарок. Это глупое издевательство. А издеваться надо уметь красиво, – добавила она. Из-за того, что однажды Олег отказался романтично провести с ней День всех влюбленных, она сообщила ему, что бросает его – ради шутки. Как тогда Олег озверел... Впрочем, сейчас это неважно.

– А что там? – любопытные Дан и Ранджи, не выдержав, одновременно с двух сторон потянули инструкцию и чуть ее не порвали ее, однако, лишь глянув в нее, сразу все поняли. Глаза у них стали большие, как блюдечки. Ранджи закашлялась.

– Оп-па, – только и сказал Даниил потрясенно. – Это откуда?

– Вы такие няши, – сказала я милым тоном. – Мне будет вас не хватать.

– Где? Когда? – всполошились друзья.

– Когда я вас убью, – отозвалась я. Приколисты несчастные. Хоть бы что дельное подарили, а не резиновую тетку! Зачем она мне нужна? Этот вопрос я и озвучила, желая услышать внятные ответы. Потратить столько денег на чушь!

– Или это намек на то, чтобы я пол поменяла? – поинтересовалась я.

– Из тебя бы вышел классный парень, – кивнул серьезно Даниил.

– Знаешь, как я жалею, что ты – девчонка? – добавила Алена с улыбкой.

Я кинула в Дана скомканной красной салфеткой, он засмеялся, после ловко завладел коробкой и стал рассматривать подарок с иронично поднятыми бровями. Между прочим, в детстве я всегда жалела, что не мальчишка. По мне, так им жилось куда проще, чем девчонкам.

– Спасибо, добрые друзья, – покачала головой я. Я не то чтобы обиделась – больше обалдела от такого впечатляющего презента и разозлилась чужой глупости. – Я перед вашими дняхами тоже секс-шопы посещу, будьте покойны, господа. Ну, кто надует эту леди? – почему-то уставилась я на Темные Силы.

– А чего сразу я-то? – замахал тот руками. – На фига мне эта резина, у меня девушка есть!

Алсу, сидевшая у друга на коленях, только закатила глаза. Олег как что брякнет иногда, так хоть стой, хоть падай, хоть вдаль лети без крыльев.

– Э-э-э, чего-то мне нехорошо, друзья, – не без труда встал Темные Силы на ноги. – Пойду-ка, проветрюсь.

Язык у него слегка заплетался – алкоголь сделал свое дело.

– И не смотри на меня так, Настенька, – погрозил мне пальцем друг. – Я тебе ничего такого не присылал!

И он покинул комнату.

– Хирург, а ты же хотел подарок сделать Настасье? – повернулась вдруг Ранджи к Женьке, взгляд которого тревожно скользил по всему столу от коробки до двери, как будто бы он что-то ждал. Парень сердито хмыкнул и, скрестив руки на груди, отрицательно покачал головой.

– Считаете меня за дурака? Я Настю уважаю, – зло бросил он.

– Он один дарить бы это не стал. Вы вместе решили надо мной приколнуться, – объявила я. Первый шок уже прошел.

– Да это не мы! Мы такого не дарили! – попытались оправдаться ребята в разные голоса, и я услышала в них искренность, однако убедить меня в своей невиновности они не успели. Дверь неожиданно распахнулась, как будто бы ее открыли пинком, и в комнату залетел разъяренный дурачок, которого я изрисовала маркером, правда, уже без черных следов на лице – видать, оттерся. В помещении я смогла разглядеть его лучше, чем на улице, и тут же отметила, как же все-таки он привлекателен – от прямого лба до милой ямочки на подбородке. И очень воздушный, как поэт или художник. Жаль только, совсем не в моем вкусе. И тупой, как пробка. Без манер и самодовольный.

И тупой, добавил мой внутренний злой голос. А это хуже всего. Волосы можно нарастить, а ай-кью – нет.

Оглядевшись и увидев меня, русоволосый парень, из которого, казалось, сейчас пойдет сизый дым, чуть ли не посинел от злости.

– Ты! – гневно ткнул он в мою сторону длинным указательным пальцем, забыв, что так делать некрасиво, еще и потыкал им в воздухе несколько раз, словно хотел проткнуть невидимую тонкую преграду. Простой, без наворотов, перстень из серебра или белого золота, надетый на соседний, средний палец, заискрился в свете, и я опять вспомнила снежные искры, которые в моем наваждении окружали этого чудака.

– Что? – посмотрела я на него так, как обычно глядят на перебравших выпивки или обкурившихся товарищей.

– Опять ты! – не унимался парень, даже не слыша меня. – Ты специально это задумала? Решила меня с лучшим другом поссорить?

– Ты о чем? – опешила я. Глаза моих друзей тоже стали круглыми от удивления.

– О чем? Да так, ни о чем. Подставить меня решила, девочка-припевочка? – он, угрожающе сдвинув брови к тонкой высокой переносице, направился ко мне. Я лишь мрачно смотрела на него снизу вверх, не понимая, что происходит. Алсу, Алена и Ранджи тоже озадаченно взглянули на парня. Дан, со смешком в глазах глядя на гостя, шепнул, что у него не все дома. А вот Женька напрягся.

– В смысле, мальчик-с-пальчик? – так же в рифму и таким же тоном назвала его я. Да что же это такое?! Сколько он мне может кровь портить, зараза? – У тебя мозг незабудками, что ли, порос? Ты что несешь? Давай-ка, выйди из этой комнаты, здесь частная вечеринка, – велела я ему.

– Частная вечеринка? – захохотал он и окинул всех присутствующих ядовитым взглядом. – Собрание идиотов!

– Эй, ты поосторожнее, – расправил плечи Женька, и его прищуренный взгляд и сдвинутые к высокой переносице брови говорили о том, что он взбесился.

– О-о-о, помолчи, а? – глянул на него, как на шута горохового, гусь-мажор, засовывая руки в карманы джинсов. – Я не с тобой диалог веду.

– Эй, повтори-ка? – вскочил Хирург, парень нервный и легко загорающийся, оказавшись напротив непрошеного гостя. Не знаю, как русоволосый дурашка, а Женька был слегка нетрезв, а потому, как следствие, несколько более агрессивен, чем обычно. Спина у него была напряжена, глаза сощурены, а широкие ладони с грубыми от игры на гитаре пальцами сами собой сжимались в кулаки.

– Заткнись, – коротко велел умник, не понимая, что сейчас ему здорово прилетит. Нет, у него точно комплекс принца! Хочет, чтобы все ему подчинялись! Может, в ноженьки ему упасть и полобызать пяточки?

– Тебя вежливости не учили? – спросил я устало.

– Я тебе заткну, – сурово посмотрел на Енота Женька, глядя ему прямо в глаза. Роста парни были одинакового, но я точно знала, что Хирург в драках не промах, есть у него такой опыт, а этот русоволосый мажор, наверное, если спортом и занимается, то какой-нибудь верховой ездой или стреляет из лука – боец из него никакой.

Пока все хлопали глазами, парни перекинулись парой недобрых фраз, и Женька вдруг ударил недруга. Вернее, попытался ударить – мажор с легкостью увернулся и каким-то образом дал сопернику обидный пинок под зад – ноги у него были длинные, гибкие и легко поднимались чуть ли не на два метра от пола. Хирург разъярился – на щеках его появились красные пятна, а Адольфу Енотовичу было хоть бы хны – только выражение на лице стало ехидным, а улыбка – вызывающей.

– Ты, *запрещено цензурой*, – темные глаза Хирурга блеснули опасным блеском. – Я тебя сейчас урою. – И дальше он добавил парочку нелицеприятных эпитетов, сделавших бы честь любому словарному запасу какого-нибудь бывалого гопника. Женька умел круто выражаться, и часто в его песнях проскальзывали нецензурные словечки и выражения.

– На, – протянул вдруг ему несколько аккуратно сложенных купюр наш непрошенный гость, которого мне хотелось задушить, утопить, потом выловить из воды и закинуть куда-нибудь на Марс. – Возьми денег, мальчик, купи себе мыла. Антибактериального лучше всего. Чтобы рот поганый вымыть. И не произносить более таких фраз.

– О-оу, – нараспев произнес Дан, чувствуя, что красавчик перегнул палку. – Лихо, черт возьми!

Женька схватил деньги и бросил их в лицо тому, кто посмел их предложить.

– Перестаньте! – нашла в себе силы закричать я – иначе бы просто-напросто не услышали. – Эй, ты, выйди из нашей комнаты!

– Ты себе смертный приговор подписал, – одновременно со мной прорычал Женька и вновь занес кулак, но в это время в комнате появились новые действующие лица – дружки мажора-гуся во главе с Шейком, позади которых я разглядела тонкую фигуру той самой девчонки, похожей на эльфа. Один из них, увидев, что сейчас начнется драка, совершенно не вовремя встал между парнями, видимо, желая сгладить конфликт, и Женька заехал по его лицу. Не хило так вмазал, скажу я вам.

– Упс, – несколько опомнился Женька, узрев, что ударил не того. – Сорри, чел.

– Я тебе сейчас покажу сорри! – взревел парень, у которого на разбитой скуле показалась кровь, и попытался взять Хирурга на таран, боднув головой в живот.

Началась развеселая драка, правда, без участия мажора, который спокойно стоял в сторонке, как ни в чем не бывало, только губы поджал, как будто бы все это вызывало в нем отвращение. Двое его друзей и Дан с Ранджи попытались растащить дерущихся, и у них это не получилось – так крепко сцепились парни. Миг – и Женька завалил своего врага на стол, забыв, что на столе, вообще-то, стоит наша еда и алкоголь. Тарелки полетели вниз. Бутылка недопитого виски хорошей марки упала на пол, и напиток растекся безобразной серо-янтарной лужей, в которой тут же заискрился свет.

– Перестаньте! – заорала я, видя это бесчинство. – Хватит!

– Вы чего творите? – подал свой недовольный голос и мажор Адольфушка Енотович из своего угла. – Народ, их все же разнять надо. Разнимайте их!

Вот сам бы шел да разнимал! Об этом парню никто не сказал, однако его слова словно стали лозунгом, и ребята снова попытались уговорить дерущихся, но опять безуспешно, я бы даже сказала, с плохим результатом – Николай вдруг стал огрызаться, как цепной пес, на Даниила – тот то ли его толкнул, то ли обозвал. Шейк тоже решил ударить Дана, но тот ловко отскочил в сторону и обидно захохотал, и парню, довольно длинные волосы которого больше не стягивала резинка и которые обрамляли теперь его лицо, пришлось, как дураку, бегать за моим другом, дабы все-таки вломить. Выглядело это потешно. Они носились по всей комнате, то перепрыгивая стол, то распахивая людей, то отталкивая и кидая стулья. Даня был проворным, а потому соперник поймать его не мог и злился еще больше.

Но мне в тот момент смешно не было – представьте, у вас день рождения, вы заказали комнату в клубе, чтобы спокойно оттянуться с друзьями, а тут к вам заламываются какие-то клинические придурки и ни из-за чего начинают драку! Двойную драку. А вы ничего не можете сделать, и охраны нет, она не слышит – комнаты-то звукоизолированы для удобства гостей, и камеры отсутствуют по той же причине. И позвать охранников нет возможности – чтобы выбежать за дверь, надо миновать махающихся самцов, решивших размять косточки.

– Господи Иисусе, это просто что-то невероятное, – с непроницаемым лицом «покер фейс» произнес тот, из-за кого все началось – этот смазливый русоволосый гад, косящий под аристократа. Он вдруг потянул носом, вдыхая слабый сладковатый аромат молочно-арбузного кальяна. – Понятно, да тут, наверное, травку курили. В воздухе дурь стоит.

– Это у тебя в голове дурь. Во всем ты виноват! – выдала я, услышав эти бесстыжие слова. Да он меня сегодня до белого каления доведет, демоненок! Парень, коротко взглянув на меня, только лишь небрежно махнул изящной кистью, мол, помолчи, женщина. Виноватой во всем он явно считал меня. Почему – убейте, не знаю. И вообще, с какого перепуга он завалился ко мне с какими-то обвинениями, чудило несчастное? Может, это он с травкой балуется?

– Ну, давай же, – в это время поманил пальцем разозленный и скалящийся Шейк Даниила, который драться явно не собирался – слишком уж он берег свои пальцы, основной свой инструмент труда. Даже если у него кровь из подушечки берут, для него это уже трагедия – пальцы не так чувствуют волосы!

– Что же ты бегаешь от меня, как девочка? – продолжал Николай нехорошим тоном, надвигаясь на соперника, расставив руки, словно хотел поймать загнанного в угол зверя.

– Не трогай его, – встала между ними смелая Ранджи. Шейк явно такого не ожидал, хотел отодвинуть ее в сторону, но подруга оттолкнула парня так, что тот врезался в стену.

– О! Темные Силы! Темные Силы пришел! – радостно заорал вдруг Дан, напомнив сумасшедшего фанатика, и гусь с друзьями испуганно оглянулись, не поняв, что там еще за темные силы явились в эту скромную обитель дурости.

– Опа, – обрадовался перебравший Олег, он же Темные Силы, окидывая вновь прибывших веселым взглядом, держась за косяки. Драки он любил. – У нас эти... как их там... гости! Эй, – обратился он развязно к Ярославу, стоявшему рядом. – Ты чего такой странный? Это что за выражение лица у тебя? «Привет, я маленький дурачок»?

Тот, по-моему, едва не заскрипел зубами, а Темные Силы захохотал. Смех у него противный, как говорит Алсу, «гиенистый», заразительный. Мне тоже стало смешно.

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты, – произнес нараспев Ярослав, глядя не на слегка покачивающегося из стороны в сторону Темные Силы, а на меня, и старательно завил на палец прядь волос у виска – явно со значением. Я презрительно на него глянула, но промолчала, тревожно глядя на дерущихся парней.

– А тут у нас маха-а-алово, – с интересом уставился Олег на беспорядок вокруг и на два барахтающихся на полу тела прямо перед ним, которые медленно откатывались в противоположную сторону. – Клево! Хирург! Мочи его! Мочи!

– Ты с ума сошел, друг мой небесный, – сердито взглянула на него Алсу, – разними их!

– Ага, сейчас, – тот обнял девушку, и она с возмущением его отпихнула. – Давайте делать ставки! Три к одному, что Хирург выйдет победителем! Делаем ставки, господа! Став...

Алсу моментально закрыла Темным Силам рот, чтобы он не выступал.

– Что тут такое? – вбежал в это время к нам в комнату официант, не тот, который приносил подарок, а другой, постарше и посolidнее. В руках у него был поднос с графином, в котором булькала какая-то кроваво-красная жидкость, и бокалы – видимо, тащил кому-то заказ. Как потом оказалось, это была не просто жидкость, а дорогое вино, заказанное каким-то ценителем хорошего алкоголя. За его спиной стоял, испуганно глаза на весь этот балаган, парень с веснушками, тоже тащивший поднос, но с фирменными ярко-оранжевыми коктейлями для нашей компании. Видимо, он и позвал старшего коллегу.

– Дорогие гости, пожалуйста, успокойтесь! – завопил официант, сдуру кидаясь к нам прямо с подносом и не заметив, как проклятый мажор сделал ему подножку – совершенно незаметно, как будто бы случайно вытянув вперед на миг длинную ногу в ботинке в стиле милитари. Официант с воплями грохнулся на пол, графин, соответственно, тоже, не орал, правда, а просто печально звякнул, рассыпаясь на множество осколков... Естественно, он разбился, а вино веселой лужицей растеклось на полу. Я на мгновение прикрыла глаза, а когда открыла, увидела, что засранец, как ни в чем не бывало, помогает официанту подняться. Двудликий подлец!

Тут же, наконец-то, появились и господа охранники – видимо, официант все же успел вызвать охрану перед тем, как сунуться в пекло. Дерущихся, а так же возмущающегося нетрезвого Олега и в довершок, просто так, Даниила, утащила охрана, а официант недвусмысленно намекнул, что пора бы и нам честь знать. Только нам намекнул – Ярославу и его оставшейся компашке ничего не было. Перед ними даже извинились, лебезя!

– Глупенькая стерва, – нагло заявил мне мажор перед тем, как уйти с видом триумфатора. – Ты ответишь!

– За что? – я еще никогда не испытывала такого чувства ненависти. Она обволакивала меня, словно вторая кожа, тонкая, невесомая и черная. Мой голос был тих и спокоен, но Алена, Алсу и Ранджи удивленно на меня взглянули. Поняли, что я больше не могу.

– За все, – очень расплывчато объявил молодой человек.

– Уходите, – спокойно, но твердо сказала Ранджи. Она девушка солидная. На нее всегда обращают внимание. Парень взглянул на нее, как на протухшую курицу, и замолчал, позволив себя только презрительно хмыкнуть.

– Ярослав, пожалуйста, давай уйдем, – взмолилась девочка-эльф, беря его за локоть. Глаза у нее были на мокром месте. Алена, увидев ее, вдруг закусил губу – мне показалось, что она узнала девушку и потому кивнула ей. Та тоже кивнула в ответ и отвела взгляд. Им обоим явно стало некомфортно.

– Уйдем, – волком глянул в это время Адольф Енотыч на меня. – Но ты все равно помни, овечка, – он воинственно откинул прядь волос назад, – что я тебя найду, и тебе будет худо.

– Собрался геноцид мне устроить? – мой голос был чуть хриловатым.

– Ага, – подтвердил он.

– Не зря я тебе усы-то нарисовала, как знала, – отозвалась я тут же, явственно проводя параллель между одной печально известной исторической личностью и этим парнем.

– Дура, – бросил он мне, пристально всматриваясь в мое лицо, как будто бы запоминая. Даже не моргал.

– Молчать, бояться, идти на выход, – довольно грубо отозвалась я, одарив волной своего презрения. Он хмыкнул, явно не приняв мои слова за приказ.

Пока Ярослав смотрел на меня, я тоже почему-то внимательно всматривалась в его высокомерное лицо современного принца. И поймала себя на мысли, что я все-таки разглядела цвет его глаз. Они оказались светло-зелеными, словно нежная мята, с темной каемочкой на краю радужки. А еще я поняла, что на вершине его скулы есть шрам – длинный, тонкий, совершенно не портящий лицо.

И на миг меня вновь окутала темной пеленой непроходимая веками глубокая тоска. Но только на миг.

Когда Ярослав повернулся, чтобы уйти вслед за девочкой-феей, еще раз с извиняющимся видом обернувшейся на Алену, его расправленные плечи чуть дрогнули, а ладони сжались в кулаки, но никто этого не видел, кроме меня.

А потом официант принес нам дополнительный счет, в котором необходимо было заплатить за разбитую посуду и пролитое вино. Едва увидев чек, я забыла всю прелесть Ярослава, обругав его самыми нехорошими словами.

* * *

Ярослав сегодня тоже праздновал день рождения. Только если Насте – девушке, с которой он имел несчастье познакомиться сегодня, исполнялось двадцать один год, то он отмечал свое совершеннолетие. Настя, скорее всего, удивилась бы, узнав, что это, как она с усмешкой говорила, ходячее воплощение комплекса принца, младше ее на три года – слишком уж взросло он выглядел и слишком уверенно себя вел. А еще, конечно, Анастасия удивилась бы, узнав, что у этого парня со светло-мятными хитрыми глазами, в самой глубине которых, под ложным слоем самоуверенности затаилась печаль, день рождения, как и у нее самой, приходится на пятое декабря. И хотя и Настя, и Ярослав в один голос утверждали бы, что они совершенно не похожи, их настроение в этот день менялось одинаково часто и с одинаковой амплитудой.

У Яра день тоже начался отлично: поздравление от любимой большой семьи, долгожданный подарок – собственная машина, осталось лишь только сдать на права, звонки от друзей, одноклассников и девушек, которые ему просто проходу не давали. Все было хорошо. Однако ближе к вечеру настроение его стало хуже – из-за бытовых неурядиц, которые Яр ненавидел. Вместо любимого клуба «Водопад» он и его близкие друзья, с которыми парень хотел провести вместе свою праздничную ночь, пришлось топтать в клуб с тупым, как он, истинный эстет, считал, названием «Горячая сковорода». Планы празднования поменялись мгновенно. Видите ли, в «Водопаде» днем произошло короткое замыкание, и даже начался пожар, который тут же удалось ликвидировать собственными силами, но для того, чтобы разобраться с проводкой и не рисковать жизнями и здоровьем гостей, руководство этого пафосного заведения не для всех приняло решение закрыть клуб на пару дней. Узнав это, Ярослав, который терпеть не мог, когда что-либо шло не по его плану, пришел в кратковременную ярость – он вообще был натурой довольно эмоциональной, артистичной и непосредственной, но поделаться уже ничего не мог. Пришлось ехать в эту самую «Сковородку», около которой незнакомая воинственная девица с длинными локонами, прямой, как у королевны, осанкой и, видимо, с такими же прямыми извилинами, да еще и с пирсингом в носу разрисовала его подо что-то общее между Адольфом Гитлером и енотом-полоскуном. Еще и укусила. Нет, вы видели, чтобы порядочные девушки кусались?! И вроде бы сама ничего: яркая, статная, с женственной фигуркой, симпатичным личиком и длинными натуральными медово-русыми волосами – а Яр очень ценил в девушках красивые волосы – но просто совершенно безумная! По десятибалльной шкале безумия Ярослав оценил Настю на все пятнадцать.

После ее выходов друзья долго ржали над гордым Ярославом, а этого парень вынести не мог и рассердился так, что чуть не уехал обратно домой. Кое-как оттершись при помощи духов Жени – единственной представительницы женского пола в компании, которую он хотел видеть на своем празднике, Яр пришел в более-менее приличное расположение духа. Танцпол, алкоголь, кальян, знакомство с парой красивых девушек, которые сами оставили ему номера телефонов, на зависть Шейку-пикаперу, подняли парню настроение. Особенно помогло почувствовать себя человеком последнее, то есть симпатия со стороны прекрасного женского пола.

– Видишь вон ту, в темно-синем платье, – прищурился Николай, он же Шейк и указал куда-то на танцпол, который, казалось, горел сине-зеленым пламенем из-за мощных осветительных приборов. – Я сейчас попытаюсь снять.

– Ты уже одну попытался снять, – скривился Ярослав, с содроганием вспомнив сумасшедшую с черным маркером в руках. Зря его друзья увели, зря! Он бы ей на лбу написал все, что он о ней думает! И это «все» свелось бы к одному короткому, но емкому слову «дура».

– Не зря она тебя разрисовала, – заржал обладатель хвостика, подмигивая какой-то засмотревшейся на него девушке, которая, правда, была не в его вкусе. – Если бы не ты со своими тупыми комментариями, что эта конфета не очень, у меня бы все получилось. – Он расправил широкие плечи.

Ярослав глотнул коктейль и пожал плечами. В светло-голубой рубашке с закатанными рукавами и в темных джинсах он выглядел отлично, как все тот же по-демократически одетый английский пэр, вышедший в свет к простым людям в глубинке.

– И ты ведь не первый раз портишь мне малину, – продолжал Николай. – Так ведь?

– Так, – вынужден был признать Яр. Глаза его блеснули в свете прожектора.

– Специально?

– Специально, – согласился русоволосый.

– На фига?

– А ты не знаешь? Не уважаю съём девушек, – голос Ярослава стал холодным, а после он, поняв, что не должен был это говорить, засмеялся. – Лучше, когда девчонки сами подходят и знакомятся. Так что я, – тут он ткнул кулаком себе в грудь, – лучше тебя, чел.

– Чем это лучше? – удивился Шейк, который считал себя неплохо подкованным в пикапе и этим гордился.

– Я никого не снимаю. Они сами ко мне липнут, – торжественно объявил Яр. – Я крут и все такое.

– Да пошел ты, – усмехнулся его длинноволосый друг, продолжая разглядывать танцующую девушку в обтягивающем точеную фигурку в темно-синем мини-платье. Внешность у нее была интересная – надень на эту девочку кокошник и сарафан, из нее получилась бы настоящая Василиса Прекрасная. Ярослав тоже уставился на нее. На миг молодому человеку показалось, что рядом с девушкой он увидел ту самую идиотку, которая «пометила» его лицо, но, кажется, ему показалось – это не та овечка. Овечкой он, естественно, называл Настю.

Николай так и не пообщался с понравившейся ему девушкой – она куда-то загадочным образом исчезла, зато успел взять обаять другую эффектную девушку, которая с легкостью поддалась его чарам.

В тот момент, когда Настя увидела в подарочной коробке надувную куклу, испытал при этом не самые лучшие чувства, Ярославу тоже досталось. Он и его друзья вновь вместе сидели в их комнате, наслаждаясь кальяном. К парням присоединилось несколько девушек, и только именинник был одинок, что, впрочем, его не смущало.

– Скоро подарок принесут? – глянул на наручные часы коротко стриженный крепко сбитый парень по имени Иван – чаще всего его называли просто Ван. Скорее всего, он часто бывал в тренажерном зале или же занимался каким-то силовым видом спорта, а потому выглядел эффектно, особенно когда надевал обтягивающие в меру рельефные мышцы майки и футболки.

– Скоро, – негромким голосом ответил ему друг. Парни дружно заухмылялись. Они приготовили для Яра подарок-прикол – надувную резиновую женщину – просто хотели поржать над его реакцией, и с нетерпением ожидали, когда официант принесет коробку с подарком, на которой со смехом завязали огромный невинный желтый бант. Однако когда официант – молодой парнишка с веснушками и длинным острым носом вошел, парни слегка удивились – в руке он нес пышный букет роз.

Официант с любезной улыбкой поставил цветы на стол и объявил:

– Для именинника! с днем рождения! В честь праздника – каждому гостю по бокалу нашего фирменного коктейля! – после чего чинно удалился.

– Кто это тебе цветочки дарит? – пробасил один из друзей.

– Сейчас узнаем. Тут есть открытка, – весело отозвался виновник торжества.

Заинтригованный Ярослав, который, в общем-то, цветы любил, взял их в руки и понюхал – хорошие запахи, в том числе и аромат роз, он обожал. А после, под недоумевающие взгляды друзей, достал из цветов небольшую изящную открытку, в которой было напечатано послание. Это послание Яр, вставший из-за стола и засунувший одну руку в карман, словно поэт, неосмотрительно, но с выражением прочитал вслух, после пожалев сто раз, что это сделал.

Записка лаконично гласила:

«Я люблю тебя. Давай встречаться. Жень».

Один из его друзей – тот самый коротко стриженный парень с хорошо развитой мускулатурой поднял на Ярослава не самый добрый взгляд темных прищуренных глаз, в которых волны ярости бились о берега предательства, а после перевел его на слегка опешившую рыжеволосую девушку. Ее как раз звали Женей, и она была любимой Вана, который все не так понял. Все все не так поняли.

– Это чего такое? – с обалдевшим видом посмотрел на Женю именинник. Он не знал, плакать ему или смеяться. Евгения была девушкой его лучшего друга, с которым – Яр был уверен – его не разлучит ничто, слишком уж многое их связывало. Но Женя действительно ему нравилась, тайно ото всех. Она вообще ему понравилась с первого взгляда, как только они познакомились, но он благородно уступил ее другу, поняв, что тот по-настоящему влюблен в высокую и тоненькую, как тростинка, девушку-модель с лицом мечтающего о чем-то высоком эльфа. Ярослав очень сильно ценил Вана и готов был ради него поступиться своими желаниями – естественно, в тайне ото всех.

– Я этого не писала! – заверещала Женя. Вид у нее был потрясенный. – Ван, ты не подумай!

– Я уже подумал. И сделал выводы, – бросил молодой человек. – Счастливо быть вместе.

Иван, стукнув тяжелым кулаком по столу, вдруг просто схватил с вешалки свою куртку и покинул комнату, громко хлопнув дверью.

– Чувак, ты куда? Вернись! – обалдели молодые люди, а девушки, с которыми они сегодня познакомились, захихикали – подумали, что стали свидетельницами любовной драмы.

– Ван! – закричал другу вслед и Ярослав, рванулся было за ним, но все же следом не побежал, остался с другими гостями, зная, что другу нужно время, чтобы он успокоился. Время и полное одиночество. А потом они все выяснят. – Зачем? – устало спросил он у Жени, на глазах которой появились слезы.

– А? – на лице рыжеволосой Евгении застыло испуганное, даже несколько затравленное выражение. Большие, редкого василькового цвета глаза с длинными натуральными ресницами, чуть закрученными вверх, впились в лицо молодого человека взглядом, который бывает у тонущего человека, случайно упавшего за борт и отданного на растерзание стихии. От этого взгляда у Ярослава чуть не подкосились ноги. А может быть, во всем была виновата выпивка.

– Зачем, Жень? – повторил он, понижая голос. – Зачем при Ване? Мы могли бы поговорить об этом наедине...

– Ярик, это не я, – девушка сложила руки на груди. – Правда, не я. Это не я. Не я, понимаешь?!

– Да не она это, – поддержал возмущенно Шейк девушку. Он был однокурсником Жени, который, собственно, и познакомил ее с этими ребятами, в том числе и с Ваном, на вечеринке у общих знакомых.

– Яр, это не я писала... Веришь?

– Верю. Кто? – обвел друзей грозным взглядом именинник. – Кто это сделал?

– Да мы-то откуда знаем, кто? – пожал плечами Шейк. – И вообще фигня ситуация! Разберемся! Щас я Ванычу позвоню и все утрясем! Чего он, как истеричка, убегает?

Позвонить Николай не успел – в это время в комнату зашел официант с подносом со стоявшими на нем бокалами с фирменным коктейлем, которым заведение угощало именинника и его гостей в честь праздника.

– Эй, – поманил его пальцем злой-презлой Ярослав. – Это ведь ты принес цветы. Ты?

– Ну, я, – несколько удивился официант, почувствовав, что атмосфера в комнате изменилась.

– Кто тебе дал этот подарок? – сквозь зубы спросил Яр. Женя размазывала слезы по лицу и одновременно пыталась дозвониться до Вана.

– Это... из соседней комнаты, четвертой, – невнятно пролепетал официант, поняв свою чудовищную ошибку. Ему стало очень страшно – что-то подсказывало ему, что клиенты очень недовольны. – Там тоже... День рождения...

Из его слов переполненный эмоциями Ярослав ясно понял для себя, что букет велел передать кто-то из соседней комнаты, и, будучи человеком импульсивным, часто живущим чувствами, а не разумом, он, не дослушав официанта, бросился в четвертую комнату. Его друзья, переглянувшись, поспешили за ним. Ну а там, собственно, и произошло то, что произошло.

Лицо сумасшедшей он запомнил так хорошо, что, наверное, смог бы нарисовать. Но не стал. Ярослав не изводил краску на глупости.

* * *

Во всем этом был виноват официант Петя. Даже, вернее, не он, а отсутствие опыта – паренек с веснушками устроился в клуб официантом буквально на днях, выучив сложное меню и успешно сдав его управляющему. Но оказалось, выучить меню было не самым сложным. Куда сложнее и непривычнее была работа с клиентами, которых здесь вежливо называли гостями. Из-за того, что с персоналом в клубе была беда – кто-то уволился, а кого-то уволил новый суровый управляющий, на Петю взвалились нелегкие проблемы – его сразу, почти без практики, поставили в зал. Хорошо еще, что не дали свои столы, с которыми Петя точно бы не справился, а назначили быть помощником уже давным-давно работающего опытного официанта, который обслуживал комнаты.

– Короче, у нас сегодня в двух соседних комнатах, в третьей и в четвертой, встречают деньки-рожденьки, – инструктировал паренька-стажера его наставник, уже много лет своей жизни посвятивший развлекательному сервису. – И в обеих комнатах гости попросили об услуге. А довольные гости – это довольный ты сам. Знаешь почему?

– Почему? – спросил юноша, который, если честно, пока еще побаивался гостей. Мало ли чего он сделает – не то блюдо подаст или напиток какой разольет.

– Потому что довольный гость оставит тебе хорошие чаевые, – наставительно заметил официант и спросил: – А недовольный?

– Нехорошие? – спросил Петя озадаченно.

– Никакие, – поправил его с огромным чувством собственной важности официант. – «Чаевые официантам приветствуются, но остаются на ваше усмотрение», – процитировал он и погладил себя по белоснежному отутюженному фартуку. – В общем, если клиент довольный, то тогда ты тоже довольный. Короче, гости из четвертой комнаты заказали цветы, и когда их доставят, их тут же нужно отнести, чтобы вручить имениннику. А гости из третьей комнаты попросили в полночь принести подарок, они заблаговременно передали его нам, в подсобке лежит большая бордовая коробка, перевязанная желтым бантом. Короче, займись этим. И пепельницы заодно проверь – запомни, если больше двух окурков – меняй! А, да, и в каждую комнату отнеси в честь праздника наши фирменные коктейли – подарок от заведения. Все понял?

– Понял, чего не понять, – ответил парнишка. Он этим и занялся. Цветы доставили почти в полночь, и он, недолго думая, отнес их в комнату номер три, а вот коробку с бантом – в комнату номер четыре. Признание Евгения Насте было прочитано Ярославом и неправильно им и его друзьями интерпретировано, а Насте достался шуточный подарок от компании Яра.

Петя просто перепутал комнаты, и сам потом не понимал, как это произошло, как будто бы бес попутал.

«Или призрак», – хихикнула молоденькая девушка лет пятнадцати с темно-русым удлиненным каре, обрамляющим ее овальное симпатичное чистое личико, словно прочитав мысли парня, когда он пытался объяснить все своему разгневанному опытному коллеге. Почти все время, пока Настя и Ярослав праздновали свои дни рождения, она находи-

лась в коридоре между дверями, ведущими в их комнаты, прислонившись к темной стене, но никто ее ни разу не заметил – ни официанты, ни гости. Только Пете, когда он как раз вспоминал, в какую комнату относить какой подарок, показалось, что ему в волосы кто-то подул – парень даже оглянулся назад, но и он никого не увидел. А еще Темные Силы, проходя мимо этого места, каждый раз чувствовал себя неважно, но все списывал на алкоголь, с которым он чуток перебрал в честь дня рождения подруги.

Девочка отлепилась от стенки, вздохнула, услышав крики из комнаты номер четыре, и медленно несколько раз провела рукой по алым тонким губам, словно задумавшись. На пальцах до сих пор оставался запах горелой проводки. Но кроме нее этот запах никто не чувствовал.

Может быть, потому что его не существовало?

Или не существовало бледных пальцев с аккуратными миндалевидными ногтями, на которые был аккуратно нанесен темно-розовый лак, всего чуть-чуть, совсем едва заметно, ободравшийся на кончиках.

Несуществующая девочка с улыбкой посмотрела на свою открытую ладонь. Она сомкнула пальцы на несколько секунд и, распрямив их вновь, довольно улыбнулась, глядя на появившиеся на ладони две перевязанные между собой тонкие нити: белую, словно усыпанную блеском звезд, и красную, как будто украшенную росчерками пламени.

– Первый узел. Все удачно, – радостно улыбнулась девочка-призрак.

* * *

Увидев в счете, сколько в итоге я должна заплатить, у меня чуть сердце не разорвалось. Пришлось отдать все, что было с собой в кошельке – слава богу, хватило! Потому что, если бы не хватило, я бы крайне глупо выглядела перед друзьями.

– Сколько там? Ты чего побледнела, Наська? – спросила меня Алена осторожно, обняв себя руками – из-за алкоголя ей теперь было нехорошо. Она, Алсу и Ранджи уже собрали вещи – нужно было идти к Женьке, Дане и Темным Силам, выпровоженным суровой охраной вон из заведения. Ноги моей здесь больше не будет! Заведение из ряда «хуже некуда». Оставлю соответствующий отзыв на сайте с развлекательными заведениями города.

– Все в порядке, – сказала я, вкладывая купюры в длинную узкую книжечку из черной мягкой кожи с логотипом клуба.

– В порядке? – сказала Алена встревоженно. – Ты ведь оплатила депозит, что за чек этот мужик, – имела в виду она официанта с совершенно по-детски обиженным лицом, – принес тебе?

– Посуда, вино, – отрывисто произнесла я, чувствуя, как силы покидают меня. Вино официант разлил только потому, что мажор, посмеявшийся испортить мой день рождения, поставил ему подножку! Что за несправедливость! Почему именно он кинул меня на деньги?!

– Давай, мы скинемся и оплатим вместе? – предложила Ранджи. Несмотря на грубоватую манеру разговаривать и немного невежливо себя вести, она была одной из самых добрых девушек, которых я знала. Наверное, если бы не ее кажущийся устрашающим взгляд исподлобья, все бы давным-давно использовали бедняжку Ранджи, поняв, какая милаха она в душе. – Покажи счет?

– Не покажу, – прижала я кожаную книжечку к груди. Еще чего не хватало! Моя гордость этого не вынесет. – Там немного. Я сама все оплачу.

– А потом займу у кого-нибудь денег, да? – глядя на меня черными глазами, щедро и со вкусом подведенными, спросила Алсу, как всегда, попав в точку. Я собиралась занять их у Даньки – наличка у него всегда была.

– Все okay, – отозвалась я, оставляя счет на столике. – Пошли. Нас ребята уже заждались!

– Насть, может быть все-таки нам...

– Говорю же, – широко улыбнулась я. – Все хорошо! Простите, что такой сумбурный день рождения вышел.

Я первой покинула комнату, а девочки последовали за мной, зная, что спорить со мной не надо – в некоторых вещах меня трудно переубедить. Мы вышли в коридор, в котором было немного людей, но казалось так душно и накурено, что у меня чуть ли не моментально заболела голова.

– Идем, – уверенно повела я девчонок за собой к выходу, хотя ни разу не была в этом клубе до сегодняшнего дня. Просто я достаточно хорошо умела ориентироваться в пространстве, никогда не терялась и быстро находила нужные дома на совершенно незнакомых улицах.

Мы сделали было пару шагов, но тут я совершенно внезапно увидела среди идущей нам навстречу небольшой, но очень веселой компании парней и девушек в модных прикидах человека, от одного взгляда на которого моя голова тут же перестала болеть. Боль вытеснили переполняющие меня чувства обиды и самой настоящей ненависти – чувства, которые я не могу в себе побороть.

Столкнулись всего лишь две пары дымчато-серых глаз, а мне показалось, что в эту секунду загромыхал гром и разразилась молния.

Я, с трудом напялив маску безразличия, скользнула делано ленивым взглядом по стройной и довольно высокой загорелой девушке с шикарной копной черных прямых волос, одетой в открытое изумрудного цвета платье, к которому были подобраны изящные ботильоны на высоченных тонких каблуках. Она, в свою очередь, тоже не высказала сильных эмоций, хотя ее глаза все же задержались на мне, и в них промелькнуло что-то похожее на отвращение и большое удивление. Эта девушка явно не ожидала меня тут увидеть. Впрочем, это было взаимно.

Мы обе сделали вид, что не знаем друг друга и вообще никогда не встречались. Зато Алене, идущей за мной, брюнетка нехотя кивнула, и той пришлось отвечать ей таким же вежливо-неохотным кивком, хотя я точно знала, что моя подруга терпеть не может эту девицу и здоровадается только из-за врожденной тактичности. Знала бы она, кем мы друг другу приходимся...

– Ого, это же Яна Вербицкая, – восхищенно проговорил кто-то, увидев брюнетку в изумрудном платье, которая возвышалась над всеми другими девушками в компании.

– Точно, она! Красивая! – поддержали его голоса. – Милашка!

Я, не выдержав, оглянулась, заметив, как Яну провожают взглядами какие-то парни. Она всегда была такой – хотела быть в центре внимания, и добилась этого.

– Кто это? – задумчиво спросила у Алены Ранджи, когда мы чуть-чуть отошли.

– Знакомая девочка, – отозвалась подруга.

– Это таких принято называть чиками? – хихикнула Алсу.

– Это «Мисс города», Вербицкая, – отозвалась Алена, которая тоже участвовала в прошлом году в этом конкурсе. Как я уже говорила, победительницей она не стала, хотя имела на это все шансы. Лишь третье место. Подруга не рассказывала всего, но, кажется, во время конкурса они с Яной не очень ладили.

Мы обе: и я, и Алена не были в восторге от Яны Вербицкой, однако я ненавидела ее куда сильнее и дольше, чем моя подруга. Если они были соперницами в мире моды, то я ненавидела длинноволосую куклу с глазами совершенно по другой причине.

– А, это она тебя обошла на конкурсе? – спросила прямая, как палка, Ранджи. – Она хуже тебя. Все знают, что хуже. Наверняка взяла золото, то есть первое место, – поправились она, – потому что дочурка богатых папы и мамы.

Ранджи, да ты опять попала в точку! Еще каких богатых мамы и папы. Алена пробивалась сама, а Яна, девочка из «золотой молодежи», почти не прикладывала никаких усилий. У нее было все, что она хотела.

– Ой, да ладно, что было, то прошло, – махнула руками наша светловолосая подруга. – Пройдемте уже быстрее, нас мальчишки ждут.

Дан, Женька и Темные Силы действительно ждали нас на стоянке, около здоровенного внедорожника Ранджи, похожего на танк. На улице стало еще холоднее, даже замерзшая луна закуталась в лоскутное одеяло из облаков, как ребенок лишь высунув нос. А изо рта валил белый пар, неохотно растворяющийся в темноте ночи.

Даниил был возмущен поведением охраны и ругался на чем свет стоит, упоминая их родственников и друзей, изредка он переключался на Олега и вопил на него, чтобы тот заткнулся. Женька, выпустивший всю свою агрессию во время драки и у которого теперь была рассечена бровь, почему-то молчал, прислонившись к холодному боку машины, и не глядел на меня. А вот никогда не унывающий Темные Силы, несмотря ни на что, был весел и, кажется, пел какую-то совершенно дикую песню.

– Эх, трупячечная, эх, мертвячечная, – голосил он на манер какой-то известной русской народной композиции, залихватски хлопая то в ладоши, то по коленям, правда, иногда он промахивался и пытался ударить воздух. – Трупяки мои, мертвяки мои! Поднимайтесь-поднимайтесь! Обувайтесь-надевайтесь! Мы пойдем в село за ту горочку, мы попросим у людей хлеба корочку! – Тут он перешел на резвый рэп. – Хлеба не дадут, на пол упадут, мы их скрутим, есть их будем...

– Заткнись! – опять заорал Даниил, не в силах более этого выдержать. – Хватит выть!

– Мне кажется, я нашел поэта-песенника для нашей группы, – проговорил хмуро Женька, отлепившись от автомобиля. – Эй, Темный, замолкни.

– Девчонки! Он меня достал уже! – заметил нас Даня. – Вы слышите, что он поет?

– Эх, трупячечная, – вновь запел еще громче Олег и замахал шапкой.

– О, господи, – покачала головой Алена. Я хмыкнула – юмор у нашего остряка, когда тот находился под влиянием алкоголя, был просто ужасный. И вообще не юмор, а какой-то идиотизм.

– Я его ненавижу, – простонал Дан. – Почему он это делает? В него вселился кто-то?

– Ага, дух по имени алкоголь, – отозвалась я, вспомнив, как пару часов назад болтала тут про экзорцизм с дружкой уродского Адольфа Енотыча. – Сокращенно – алкаш.

– Давайте изгоним из него алкаша? – радостно предложил Даниил, ежась на морозе – ветра хоть и не было теперь, и снег больше не падал, но похолодало на градусов восемь точно.

– Как? – поинтересовалась я. – Будем вокруг него водить хоровод и монотонно бубнить: «Алкаш, уйди»? Или еще и ритуальные пляски включим? А можно его еще трясти, подвесив за ноги – до тех пор, пока алкаш сам из него не вывалится.

Все заржали, и даже нахмуренный сейчас Женька улыбнулся. Я поймала его взгляд и тоже улыбнулась в ответ, не совсем понимая, что с ним не так.

– Ты как? – спросила я его, глядя на рассеченную темную широкую бровь, – в порядке?

– В порядке, – кивнул парень. – Насть, слушай, я...

Женьку, естественно, перебили.

– Трупяки мои, – вновь затянул наш радостный сверх меры дурачок, одержимый духом алкашом. Темные Силы, когда переборщит с горячительными напитками, сходит с ума. Хорошо хоть не становится агрессивным и злым, бегая за всеми с намерением избить.

– Заткнись, не позорь нас, – прошипела Алсу. Олег, увидев черноволосую девушку, подскочил к ней, схватил за руки и завертел в танце, чем-то напоминающем кривой вальс. Та с трудом отцепилась от парня, пытающегося ее поцеловать.

– Не трогай меня, пока пьян, – гневно известила она его.

– Ты моя готическая девочка, моя готическая принцесса, – рассмеялся тот весело. – Иди ко мне, девочка-гот. Споем вместе. Я тебя так люблю!

– Я тебя тоже, но лучше заткнись, мальчик-пень, – сказала Алсу.

– Все, рассаживаемся, народ, – сняла, наконец, с инвалидной сигнализации своего ненаглядного и тоже чуть-чуть инвалидного белобокого «Танка» Ранджи и первой села на водительское сиденье. Все тут же последовали за ней в холодный салон, привычно разместившись на двух задних рядах, а Дан, конечно же, забрался на переднее кресло с хозяйским невозмутимым видом. Этот парень любит хапать себе все самое лучшее. Наглость – второе счастье, слышали? Это такие, как наш Даниил, придумали.

– Кыш, – тут же прогнала его наш водитель. – Тут именинница будет сидеть.

Женька, около которого я собиралась сесть, недовольно поглядел на девушку, но спорить не стал. Ну, ла-а-адно, пусть посидит сегодня впереди, – протянул друг, вылез из машины, придержал для меня дверцу, захлопнул ее и уселся рядом с Хирургом, которому Ранджи передала аптечку, и парень не без помощи Алены заклеил пластырем рассеченную бровь.

– Не приставай ко мне, – заявил Дан тут же Женьке, а тот только усмехнулся. К тому, что Даниилу нравятся парни, все уже давно привыкли. Люди с творческой жилкой зачастую более благосклонны и терпимы к тем, кто как-то отличается ото всех. Да и было кое-что, из-за чего ребята общались без проблем, но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

– Все сели? – спросила я, оглядываясь назад. Оказалось, что не все – Темные Силы не полез в тачку, а все еще продолжал петь на радость только что вышедшей из клуба толпе людей, которые тут же оценили силу невнятной, но крайне эмоциональной песни про трупячечную. Ранджи и Женька, не растерявшись, вылезли из машины и вдвоем запихали-таки нашего недоумка в салон, на третий ряд. Наверное, так легко у них это не получилось бы – несмотря на довольно субтильное телосложение Темные Силы силен, как медведь, однако в салоне сидела Алсу, и она стала своеобразной приманкой для этого шебутного парня. Обняв ее и прошептав что-то ласковое, Темные Силы на время успокоился.

– Когда-нибудь он все-таки попадет на YouTube, – сказала Ранджи, аккуратно и неспешно выруливая со стоянки. Ее леворукая машинка-танк была мощной, хотя достаточно старой – или девяносто пятого года выпуска, или девяносто шестого. То ли по этой, то ли по какой-то другой причине могучее авто иногда выкидывало странные коленца – то неожиданно глохло посередине пробки, то останавливалось под носом у экипажа ДПС, то и вовсе не желало заводиться. Видимо, такой «Лэнд Крузер» мог быть только у флегматичной Ранджи, наделенной терпением ангела. Или снайпера, что более верно.

– И поделом ему, – отозвалась Алсу, поглаживая своего парня по предплечью. Несмотря на всю дурость, она все же любила свои Темные Силы. Он, словно почувствовав сквозь сон ее руку, еще плотнее прижал девушку к себе.

– Я хочу на вашу свадьбу, – умилился Дан. – Мои няшечки. На вашу прекрасную готическую свадьбу! Я уже представляю ее. Стены задрапированы черным бархатом. На столах – черные скатерти. Цветы – тоже черные. Все гости в черных пышных одеждах а-ля барокко, с выбритыми лбами, высокими прическами и тоннами украшений, а жених и невеста – в алых одеяниях. И вместо колец они обмениваются капсулами с кровью на цепочках.

– Ты что несешь? – поежилась довольно бледная Алена, которая сидела неподвижно, с закрытыми глазами.

– Я боюсь представить, кто будет их женить. Оззи Осборн? – предположила я, подумав, а кто же, интересно, из нашей небольшой компании первым женится или выйдет замуж. Первой мне быть почему-то не хотелось.

– Эй, устроители свадеб, куда едем? Тусоваться или по домам? – окликнула нас Ранджи, откинув со лба прямую длинную челку и поворачивая направо и пролетая мимо высоких домов с темными окнами. Ездить с ней я никогда не боялась – она всегда вела свой Танк плавно и аккуратно, не пугливо, опасаясь, что сейчас машину кто-нибудь да подрежет, а вполне уверенно. Идеальный водитель.

– Давайте покатаемся по ночному городу? – предложил Даня, вечный оптимист, которому, видимо, еще не хватило приключений. Все согласились, кроме Олега, естественно, – он продолжал сладенько спать и тихонько сопеть.

– И куда едем? – спросила водитель.

– Можно на остров, – предложила Алсу. – У меня там недавно фотосет был...

– Готический? – тут же влез Дан. Мне сразу вспомнились недавно выложенные подругой фотки в соцсети, где она, бледная, черноволосая и красноокая, словно надменный прекрасный вампир, была запечатлена в длинном темном платье с пышной юбкой и корсетом на фоне старинных развалин и печальных деревьев, над которыми хмурилось темное некрасивое небо.

– Готический, – подтвердила девушка. – Не перебивай меня. Так вот, мы были на Белосельском острове до самого позднего вечера. А вечером с него открывается неплохой вид на город. Много огней отражается в воде, и это неплохо смотрится. Даже как будто бы и не наш город.

Я тут же вспомнила сегодняшнего пикапера и его огни города, и мне стало смешно. А потом вспомнила, что пережила из-за его крысеныша-друга, и снова помрачнела. Ну, попадись ты мне, мастер делать подножки и кидать людей на деньги, я тебе так отомщу, мало не покажется.

– Значит, едем на Белосельский? – спросила Алсу. – Все согласны?

– Все! – подтвердил разномастный хор голосов.

– Окей, едем на остров, – согласилась Ранджи и развернула Танк.

– Ален, – вдруг вспомнилось мне, что подруга кивала девочкоэльфу, которая пыталась увести из нашей комнаты Ярослава.

– Что? – спросила та слабым голосом.

– А эта девчонка, с которой тот придурок был, ты ее знаешь?

– Какой придурок? – не поняла она.

– Ну, из-за которого все началось, – поморщилась я. – Который ворвался к нам....

– А, тот красавчик, – Алена потянулась, как кошка. Голос у нее стал мечтательным. Я забеспокоилась. Чего это с ней?

– А, да-а-а, – протянул и Дан, – он очень и очень ничего. Естественная красота, интересный типаж. Он везунчик. Его бы в модели, да? – посмотрел он на Алену, сидящую позади. Она, как и Даниил, неплохо ориентировалась в индустрии моды, а потому толк в ней знала.

– Да, – тут же согласилась подруга. – Яркий мальчик. Фактурный. Фигура и рост очень хорошие. И личико, конечно, тоже. Шрамик на скуле только придает шарма.

И когда она так успела этого негодяя с гитлеровскими замашками рассмотреть?

– Ребят, я в шоке от вас, – выдохнула я.

– В шоке? – дружно удивились Даня и Алена.

– Он испортил... немного испортил мой день рождения, и из-за него мы досрочно покинули клуб. Давайте не будем обсуждать плюсы этого козла? – попросила я, пытаясь скрыть раздражение, чтобы не сорваться на невинных людях. – Я вообще не о нем спрашивала.

– А о чем? – улыбнулась примирительно Алена. Иногда я думаю, что если бы у меня был такой гибкий и неконфликтный характер, моя жизнь была бы совершенно другой.

– Та девочка, которая была с ним – рыженькая и высокая, вы с ней знакомы?

– А, да. Она модель и тоже работает в рекламе. Мы однажды пересекались на съемке, – кивнула Алена. – Я так удивилась, когда ее встретила. Кстати, – она вдруг усмехнулась, – теперь я знаю, как познакомиться с тем красавчиком.

– Через нее? – догадался тут же Дан, считающий себя мастером отношений и флирта, и похвалил Алену. Я только головой покачала. По-моему сугубо личному мнению, общение с этим придурком и гроша ломаного не стоит. Я даже хотела озвучить это свое мнение, но этому не суждено было произойти. Машин в этот поздний час на дороге было удивительно мало, не так как днем, когда куда ни глянь, всюду пробка, однако все-таки нашелся какой-то умник, который нас подрезал. Ранджи резко затормозила, и Танк здорово трянуло – мы чуть ли не подпрыгнули. Даже Темные Силы едва не проснулся.

– Что за фигня? – гаркнула Ранджи. Женька тоже выругался. А я присвистнула – и было от чего. Нас подрезала смутно знакомая мне белоснежная машина со знаменитым знаком БМВ на гордо вздернутом капоте, которая ехала теперь по соседней полосе, сигналивая нам, как будто бы там заклинило клаксон. Так как все окна дорогого автомобиля, кроме передних, были тонированы, я разглядела лишь двух человек, сидящих впереди – спасибо ярким фонарям, расположенным вдоль дороги. К моему искреннему удивлению и новой порции злости, водителем «бэхи» был небезызвестный мне пикапер Шейк, а рядом с ним сидел тот самый друг, который подрался с Женькой. Тот сразу же напрягся.

– Смотри, куда едешь! – выкрикнула, высунувшись из окна, Ранджи, которая, как и все нормальные водители, чувствовала за своих пассажиров ответственность. Поскольку ее авто было «леворуким», а в белом «БМВ» руль располагался справа, они с Николаем отлично друг друга видели и слышали – он, кстати, тоже высунулся из своего окна, хищно улыбаясь, и стал махать нам так, как будто был хвостом обрадованной собаки.

– О, не злись, крошка, – было ей громогласным ответом от весельчака Шейка, беспечно держащего руль одной рукой. Волосы его развевались на ветру, хотя скорость наших машин, ехавших бок о бок, была небольшой. Вот глупый – холодно же. И хватило же у него ума назвать нашу Ранджи крошкой. – А ты хорошо приручила своего зверя? А?

– Не хуже, чем ты своего, – отозвалась девушка, пытаясь оторваться от назойливых спутников, но этого у нее не вышло – как только она увеличила скорость, Шейк тоже нажал на педаль газа. – Давай, до свидания!

– Я уеду, если только ты дашь мне номер своего телефона!

– Мой номер у меня на бите записан, – отозвалась серьезно Ранджи. – Сейчас вытащу, посмотрю, скажу!

Между прочим, у нее в багажнике правда бита лежит. Мы сами ей ее дарили приколом ради прошлым летом, как раз на ее день рождения. Кстати, вспомнилось мне, а я так и не выяснила, кто презентовал мне резиновую куклу для людей, страдающих повышенным содержанием уровня страсти в крови. Из-за всей этой суматохи я про это совершенно забыла. Может быть, Олежка все же побаловался?

– Ого, да ты сурова, детка! – прокричал Шейк. Сообщение про битку его, видимо, восхитило. – Давай наперегонки!

– Почему неуверенные в себе люди все время пытаются что-то доказать другим? – пробормотала с заднего сиденья Алсу, и я тут же с ней согласилась.

– Не вздумай! – запротестовала я, ежась от ветра, свобод гуляющего теперь по салону из-за открытого окна.

– Останови тачку, я сейчас с ними разберусь! – вновь завелся Женька, с ненавистью глядя на мчащуюся рядом «БМВ», чьи бока сверкали под уличным электрическим светом, как бриллианты.

– Не-а. Я сейчас ему покажу всю свою мощь, – усмехнулась Ранджи, чуть сильнее сжимая руль своего танка.

– Гонка? – задорно проорал Шейк, вырываясь чуть вперед, подначивая тем самым нашу подругу, чьи широкие ладони твердо лежали на руле.

Темноволосая девушка лишь усмехнулась, высовывая из окна кисть руки, большой и указательный пальцы которой были сомкнуты, показывая всем известный знак «окей». Азарт взял вверх над благоразумием Ранджи, и она увеличила скорость, фактически нарушая правила. Наша водитель гнала так быстро, словно была на трассе за городом. «БМВ», естественно, не отставал. Мало того, его наглый водитель что-то постоянно орал, явно подстегивая нас, махал свободной рукой, слал противные поцелуйчики и улыбался, как чокнутый. Ранджи на все это внимания обращала мало, больше сосредоточившись на дороге, нежели на шуте-пикапере, однако я прямо-таки чувствовала ее желание выиграть. А желание выиграть – это естественная потребность любого спортсмена. Я даже говорить ничего не стала, лишь смотрела в окно на машину соперников и что-то изредка кричала, как, впрочем, почти все, кто находился во внедорожнике. Даня так вообще высунулся из окна и что-то вопил соперникам, изредка обращаясь к Ранджи с забавной фразой:

– Подруга, если я тебя достал, давай ближе к столбам!

Гонка продолжалась по ночному городу несколько минут, а потом, за несколько секунд до поворота, стекло на заднем сиденье опустилось, и миру явилась блоха по имени Ярослав. Он высунулся из машины с довольной миной, помахал нам, несколько раз ткнул большой палец вниз, явно демонстрируя свое презрительное отношение к нам, а после униЗИТЕЛЬНО расхохотался с уморительной миной. Мне хотелось придушить его.

– Закройся, дичь, – прокричал Женя в свое открытое окно, яростно сверкая глазами. – Ранджи, гони! Сделай его!

– Не вопрос, – сдержанно отозвалась наша общая подруга.

– Неудачники! – прокричал Ярослав громко, ядовито и вместе с тем счастливо, а после его утянули внутрь машины друзья, и окошко закрылось.

«БМВ» неожиданно стала снижать скорость и вдруг затормозила у обочины, включив аварийные огни. Мы, подумав, что с шикарной машинкой что-то произошло, дружно расхохотались, празднуя победу.

Однако смеялись мы рано. Очень. Ранджи на все такой же большой для города скорости повернула направо и почти тут же была остановлена удобно притаившимся за поворотом сотрудниками дорожно-постовой службы. Сбросить скорость она просто-напросто не успела, совершенно не ожидая, что встретит полицейских.

Как только мы увидели сотрудников органов правопорядка, наш смех резко смолк, словно его и не было. Я стиснула зубы, Женька и Дан дружно употребили идентичное нецензурное выражение, и только Алсу с философским видом сказала:

– Неожиданности подстерегают нас на каждом шагу.

– Моя темная зая, – вдруг неведомым образом проснулся Темные Силы. – Что происходит?

– Ничего. Спи дальше. – Алсу погладила любимого по удлиненным черным, как ночь, волосам.

– Не хочу, – заартачился парень. Его девушка картинно вздохнула.

– Да уж, – проговорила я голосом, срывающимся от злости и обиды. – И что теперь, штраф?

Водитель кивнула и открыла окно, к которому склонился торчащий на ночном морозе сотрудник правоохранительных органов с суровым круглым лицом, украшенным мужественными усами.

– Доброй ночи, капитан Пилимонкин, – сказал он Ранджи таким официальным тоном, как будто бы находился в зале заседаний Совбеза ООН, где решали важный вопрос, связанный с применением и испытанием ядерного оружия. – Предъявите ваши документы на машину, пожалуйста.

Его «пожалуйста» звучало как «быстро».

– Пилимонкин, – неожиданно заржал проснувшийся Олег на своем третьем ряду. – Вот ржака! Пилимонкин!

Алсу попыталась закрыть ему рот рукой, но у нее ничего не получалось, и она, недолго думая, закрыла рот парня поцелуем. Темные Силы заткнулся, обняв девушку.

– Что там у вас? – сдвинул брови мужчина в форме, услышав неясный шум, возню и хихиканье.

– Да так, – как можно бодрее сказала Ранджи, протягивая документы. – Друзей из клуба везу.

– Я чувствую, – потянул большим, покрасневшим на легком морозе носом Пилимонкин, забирая водительские права и техпаспорт. Он явно учуял алкоголь. Ну, его бы, наверное, не учуял только страдающий диким насморком. – Страховка есть?

– Есть, вот, – протянула ему еще один документ наша подруга. Полицейский долго и нудно копался в ее документах, тогда как Темные Силы сзади все еще ржал из-за забавной фамилии капитана, правда, Алсу удавалось его сдерживать.

– Хорошо, – наконец, справился капитан с документами. – Вы почему нарушаете? – вдруг спросил он тоном заботливого, но крайне грозного папочки. – Вам всего, – тут он сверился с документами, – двадцать один год, а вы гоняете так, словно у вас водительский стаж такой. Двадцатилетний.

Ранджи подняла на него темно-карие глаза, обрамленные не слишком длинными, но очень густыми ресницами.

– Так вышло, – была краткой она.

– Сегодня у вас штраф за превышение, завтра на красный свет не остановитесь, послезавтра на встречу вылетите, а через неделю что? ДТП? – не мог успокоиться полицейский.

– Может, мы лучше пойдем протокол оформлять к вам в машину? – устало вздохнула водитель Танка. Ранджи терпеть не могла оправдываться.

– Пойдем, естественно, – сказал как о чем-то совершенно естественном полицейский. – Еще, наверное, и употребляли?

Его нос вновь зашевелился, вдыхая воздух, как будто бы по нему пытался понять, пьяна ли водитель или нет.

– Не употребляла, – уверенно отозвалась девушка, расстегивая ремень и выходя из внедорожника.

– Ну, мы сейчас это на всякий случай и проверим, – пообещал мужчина, оглядев всю нашу притихшую компанию новым подозрительным взглядом.

– Пи-пи-пилимонкин, – раздался вдруг высокий голос Темных Сил. – Вашу Машу, вот это прикол!

– Чего? – резко развернулся к нам усатый мужчина, уже собравшийся топтать следом за Ранджи, уверенно идущей к машине ДПС, в которой сидел его коллега.

– Я так сына назову! – никак не мог уговориться наш штатный идиот, который, как оказалось, в шутку скрутил Алсу, закрыв ей рот – ему казалось, что это такая игра. И серьезность ситуации друг не понимал. – Слышь, зай, если у нас это... сын будет, нареку Пи-ли-мо-ном!

– Мне кажется, или... – медленно произнес мужчина, но не договорил. Мимо нас неспешно проехала белая «БМВ», в которой в меру громко играла электронная, смутно знакомая музыка начала двухтысячных, что крайне не подходило такой классной немецкой тачиле. В такой «бэхе» нужно слушать какой-нибудь модный драм-энд-басс или крутой четкий американский рэп на крайний случай. Окна машины были полуоткрыты, и на нас с любопытством и лукавством уставились четверо парней, в том числе водитель Николай и распроклятый Адольф Енотыч. Лица у них были довольные, а у последнего счастье просто-таки сияло в наглых глазах, и ехидная улыбка растянулась от уха до уха.

Скотина!

У меня от злости потемнело в глазах, а мышцы в руках напряглись – подставили нас, сволочи! Знали, что тут менты стоят, и решили поиграть, а мы попались. Второй раз нас на деньги раскрутили! Сначала подножка и разлитое вино, теперь штраф из-за превышения скорости! Ну, ничего, мальчик с комплексом прекрасного принца, я однажды отомщу тебе.

Внезапно в электронной песне появились вполне разборчивые и очень уж знакомые слова: «Лох – это судьба», произнесенные мужским веселым голосом бывшего ви-джея МТВ Василия Стрельникова.

– Чер-р-рт, уроды, – прошипел Женька, глядя на «БМВ», из которой торчали веселые рожи. Я была с ним совершенно согласна. Если бы у меня существовал черный блокнот, куда бы я записывала всех врагов, дабы поочередно уничтожить и известить, на данный момент мальчик-енот стоял бы там на почетном третьем-четвертом месте.

«Улыбайтесь, это всех раздражает», – раздалось в песне вдруг завершающей нотой, когда машина немножко отдалилась от нас. Высунувшийся из окна Ярослав, следуя этим золотым словам, поднял руку в знак приветствия, как президент на параде, и, махая, с радостной улыбкой уехал в ночную даль.

– Почему вы их не останавливаете? – возмутился Даня, который, не будь дураком, тоже все отлично понял.

– А они не нарушают ничего, – спокойно ответил капитан Пилимонкин. – Едут себе и едут на допущенной скорости.

– У них музыка громкая!

– Это не нарушение правил дорожно-транспортной безопасности, – был непреклонен представитель органов правопорядка.

– Музыка отвлекает водителя! – не мог прийти в себя от возмущения Даниил. – У него реакция замедляется! А если он...

– Зато у вашего водителя реакция была отменной, – рявкнул обозленный капитан, которому не нравилось, что с ним пререкаются. – С такой скоростью гнать по дороге!

– Пилимонки-и-и-ин, – как привидение, завыл Темные Силы. Мужчина, только что вновь развернувшийся, чтобы идти к Ранджи, вновь был вынужден повернуться в нашу сторону. Казалось, даже его густые усы нахмурились.

– Мне показалось, или...? – начал было он, но тут вмешалась я, понимая, что наш нетрезвый дружок сильно разозлил инспектора ДПС. – Я сейчас вашему шутнику такой штраф оформлю, кредит придется брать, чтобы расплатиться.

– Капитан, простите, у нас в салоне дурачок, – сказала я быстрым тоном, придвинувшись к открытому окну со стороны водителя, понимая, что надо как-то выпутываться из ситуации. Еще одного штрафа я не выдержу! Нет, я не скажу, что деньги для меня – это главное, но я сейчас не миллионер, чтобы кидаться ими направо и налево, да и мои друзья – тоже. За последние годы я весьма недурственно научилась ценить деньги. Наверное, мои родственники очень удивились бы, узнав это, и, наверное, кто-то из них даже похвалил бы меня.

– Что? Дурачок? – уставился на меня весьма странно господин Пилимонкин. Кажется, такое сотрудник ДПС услышать явно не ожидал.

– Ну, понимаете, он... того, – медленно покрутила я указательным пальцем около виска, как будто бы наматывала на палец прядь волос.

– Что значит «того»? – с великим подозрением в глазах продолжал прожигать меня строгим взглядом полицейский.

– Он психически неуравновешенный, – нервно произнесла я, облизав губы. – Повторяет то, что услышит, а сам даже имени своего не знает.

– Ну, знаете, как попугай, – с полуслова понял меня Даниил.

– А он не пьяный ли просто? – подозрительно глянул на меня мужчина в форме. – Вы же все с клуба едете. Надрались, небось, как черти.

К сожалению, он был недалек от истины. Но я продолжила сражаться.

– Он не пил. Ему же нельзя, иначе припадок случится, – самозабвенно врала я, хотя терпеть это дело не могла и по-крупному старалась не лгать. Но, если честно, в моей жизни очень много неправды, из-за которой мне порой до головокружения стыдно перед друзьями, хотя ничего плохого я не делала.

– Припадок? – повторил полицейский. Кажется, он не особенно верил мне, но настояжился.

– Ага, припадок. Но у него сейчас редко бывают припадки. – Я печально вздохнула. – После курса в больнице – специализированной больнице – наш Олег себя лучше чувствует.

– А зачем вы его с собой взяли-то, больного? – строго взглянул на меня капитан Пилимонкин, как будто бы я была опекушкой этого умника, в которого вселился дух алкаш.

– Мы взяли его, потому что водитель – его сестра. Она не могла его дома одного со старой бабушкой оставить, потому что если Олег буянить начнет, она с ним не справится, – всегда умел надавить на жалость Дан. Женька хмыкнул в кулак. Бабушку Темных Сил мы отлично знали – эта старушка весьма преклонных лет иногда казалась моложе всех нас. Олежа ее уважал и побаивался, а потому даже слушался.

– Так он еще и буянит! Вашему парню точно не место в клубе, – покачал головой страж правопорядка не зная, то ли верить нам, то ли нет.

– А чего, он не человек, что ли? – возмутился Даниил, всегда очень чутко относившийся к вопросам справедливости и предвзятости. – Если он не такой, как все, ему что, дома прятаться? Почему если он отличается от других, он автоматически считается кем-то таким, с чьим мнением нельзя считаться?

– Согласно статьи первой Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН десятого декабря 1948 года в Париже, все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, – процитировала наизусть Алсу, вновь зажимая рот своего мычащего парня рукой. Капитан поднял густые брови, каждая из которых была похожа на ус, но ничего более нам не сказал. То ли Всеобщую декларацию прав человека уважал, то ли в этом был виноват его заждавшийся коллега.

– Андреич, давай быстрее! – заорал ему напарник на наше всеобщее счастье. – Сколько тебя ждать можно?

– Ладно, сидите со своим равным и свободным другом, – проворчал мужчина в форме и, наконец, покинул нас.

– Пилимонкин – дурак, – сказал Темные Силы напоследок и вновь добросовестно вырубился, устроив голову на плече Алсу.

– Засада, – только и смог произнести Дан, а Женька улыбнулся мне и показал большой палец, поднятый кверху – мол, хорошо придумала! Я улыбнулась в ответ, подумав вдруг, что у Евгения чудесные глаза. Захотелось вдруг коснуться его руки.

Раджи вернулась минут через пятнадцать, вроде бы спокойная и, как и всегда, уверенная, но всем нам было понятно, что настроение у нее подпорчено.

– Так, поехали дальше, – невозмутимо сказала девушка и повезла нас на Белосельский остров. Когда-то давно на этом довольно большом, вытянутом острове, через который сейчас проходил самый длинный в городе мост, ведущий на другой берег, находилась старинная усадьба и парк, принадлежавшие князьям Белосельским. После революции, естественно, от нее ничего не осталось, и с тех пор на острове стояла тишина, затаившаяся в развалинах. По каким-то причинам тут всегда было пусто и заброшенно, хотя, на соседнем острове всюду действовала зона отдыха для горожан, и сейчас, к примеру, был открыт каток.

Подруга оказалась совершенно права. Когда мы приехали на остров и по плохой грунтовой дороге, которую Танк с легкостью преодолел, подкатились к воде, встав под огромным ветвистым деревом, вид нам открылся потрясающий – городские огни в незамерзающей черной воде казались вытянутыми красно-желто-белыми стрелами, нацеленными куда-то в неизвестность. Зрелище завораживало. Зимняя природа словно дарила нам полотно, раскрашенное светом и огнями, над которыми воцарилась непривычная для города тишина. Казалось, даже облака на темном небе не двигались, застыли.

Мы всемером, встав стройным рядом около самой кромки неподвижной воды, у берега все же превратившейся в тонкий лед, дружно смотрели на эту красоту, вдыхая морозный воздух, и, кажется, чувствовали себя одинаково хорошо и безопасно. Безмятежно.

Несколько минут мы просто стояли и смотрели вдаль, не ощущая, как в щеки целует холод, а наши пальцы потихоньку мерзнут. Даже слегка протрезвевший Олег вел себя сдержанно: обняв свою Алсу, он просто глядел вдаль, на высокий берег, на котором располагался город, словно пытался что-то понять. Почему-то лицо его казалось серьезным и даже непонятно было, что Олег нетрезв. Алсу, положив ему голову на грудь, тоже смотрела в ту сторону, но задумчивый ее взгляд был направлен сквозь высокие здания и стену Кремля на берегу.

Дан и Алена, не отрываясь, рассматривали реку, усыпанную огнями города, как мистическими кристаллами-самоцветами. На лице у Алены блуждала полуулыбка – видимо, на какое-то время, пленившись ночным пейзажем, подруга позабыла о том, что ей нехорошо от выпитого. Она глядела на воду так, словно вела с ней какой-то свой внутренний монолог.

Дан тоже едва заметно улыбался и пытался снять противоположный берег и часть реки на камеру телефона – наверняка выложит в Инстаграм, у него там достаточно много фотографий. Часть – с девушками-моделями с фотосессий, часть – с ним самим, друзьями и зафиксированными на камеру моментами радости разной степени.

Женька смотрел вверх, на небо, на выплывшую из редких облаков-шалей луну, которая, казалось, была посыпана морозной пудрой. Звезды стали ярче и с холодным блеском нехотя дарили свой свет тем, кто поднимал на них глаза. Он наслаждался тем, что видел. А может быть, и вдохновлялся – он музыкант, ему это нужно.

А Ранджи отчего-то глядела на лед. Присела на корточки и даже дотронулась до него, словно проверяя на прочность. Лицо ее было умиротворенным.

Я потеряла ладони и, поднеся к губам, подула на кончики пальцев, стараясь немного согреть их своим дыханием. Перчатки остались в машине.

Небо надо мной было такое же неподвижное, как и речная гладь.

Часто говорят, что небо – это свобода, запредельная и бесконечная. Настоящая. Но мне почему-то казалось сейчас, что это небо – огромная клетка с невидимыми прутьями, в которую заключены далекие прекрасные звезды, вззирающие на людей так же, как и звери в зоопарке – привычно, с опаской, надеждой, равнодушием. И непонятно, то ли они смотрят на нас, то ли мы на них.

Небо – не свобода, и его не свобода вечная. Интересно, а есть ли свобода там, за гранью, за обителью звезд? И свободны ли в таком случае мы, находящиеся тут, на земле, или находимся в двойной клетке?

Ответа я не знала, но мне стало жаль заключенных в невидимую клетку звезд. А вот себя я чувствовала вполне вольготно, так, как будто бы целый мир принадлежит мне.

– Замерзла? – наклонившись, шепнул Женя мне на ухо.

– Есть немного.

– Возьми, – стащил с пальцев он свои кожаные перчатки и протянул мне. Я покачала головой.

– Не вредничай, – поймал мою руку Женька.

– Ладно, давай, но только одну, чтобы поровну было, – согласилась я. Он натянул мне на правую руку большую мне кожаную перчатку, хранившую тепло его пальцев.

– О, обмен перчаточками? – заметил это Даниил и тут же радостно сфотографировал нас двоих на камеру, а после принялся снимать всех, ослепляя вспышкой.

– Хочу сфотографироваться со всеми по очереди! – на правах именинницы заявила я. – Дан, работай фотографом!

– Уже, моя госпожа, – исхитрился заснять меня друг именно тогда, когда у меня был открыт рот. Фотографии в ночи вышли не очень качественными, зато эмоциональными. Мы смеялись, шутили, дурачились... Я обнимала Алену и Алсу, развалилась в снегу вместе с Ранджи, ставила на снимке рожки полуживому Олегу, который впал в совершенно сонное состояние, целовала в щеку Даниила, играла в догонялки с Женькой, наслаждаясь простыми прикосновениями. В самом конце, разогревшись и навеселившись, мы попытались сфотографироваться всемером. Дан держал телефон в вытянутой руке и пытался заснять нас так, чтобы было видно всех нас, и, наверное, только с пятой попытки это у него получилось.

– Смотрите, самолет летит! – закричала Ранджи, задрав голову вверх. Самолет летел низко и мигал, как нам показалось, так приветливо, что мы тут же решили поприветствовать его и что-то дружно закричали, запрыгали, замахали руками.

Я, вновь мельком оглядывая каждого из друзей, поняла вдруг, что все-таки, несмотря ни на что, жизнь любит меня, а я – ее, и после с глупой улыбкой смотрела в высокое темное небо, в которое, наверное, можно было упасть.

Наверное, именно так, пусть просто и незамысловато, без фейерверков, необычных блюд и дорогих подарков, должен был закончиться день моего рождения. В тесном кругу близких людей, в ауре праздничного настроения, с улыбкой на лице, от которой уже ныли щеки.

На сердце у меня неожиданно появилась легкость, и если бы я была более чувственной и раскрепощенной в своих эмоциях особой, я бы крепко обняла каждого из своих друзей и сказала бы о том, как они дороги мне и как сильно я люблю их, ценю и уважаю, однако я не сделала этого. Просто наслаждалась моментом. К тому же Женька стоял рядом. Мне вдруг безумно захотелось взять его за руку – ту, которая была без перчатки, и переплести наши пальцы, а еще лучше – прижаться к его груди, но я не стала делать и этого. Все, что я позволила себе, так это коснулась его ладони своей, как будто бы нечаянно, очень желая, чтобы парень ответил на мое прикосновение. Может быть, если бы мы простояли чуть подольше, это бы и случилось, но...

Подул ветер. Подул так неожиданно, что я даже на миг забыла, как дышать, а когда вспомнила, то поняла, что пора возвращаться в машину, ожидающую нас позади.

– Мне плохо, – прошептала вдруг стоявшая слева от меня Алена слабым голосом. – Мне совсем плохо стало.

– Что такое? – повернулась я к ней тут же.

– Виски. Мне не надо было так пить, – Алена судорожно глотнула свежий воздух. – Теперь меня тошнить начало, и голова кружится.

– «Вертолетики», – со знанием дела сказал Даня и осторожно обнял Алену. Та положила голову ему на плечо. Если не знать, что этот парень гей, можно было бы подумать, что они с Аленой – милая парочка. – Пойдем, подружка, доведу до машинки. Посадим тебя у дверочки, если надо будет, откроешь. – Он подмигнул ей.

– Надеюсь, что не надо будет, – замотала головой подружка. Я только сочувственно вздохнула, чувствуя, как новый порыв ледяного ветра забирается под одежду.

– И этого милашку мы тоже посадим у дверочки, – сказала тут же Алсу, имея в виду своего Олега, который на свежем воздухе более-менее пришел в себя. Лицо Темных Сил было бледное, и про несчастного Пилимонкина он больше вообще не вспоминал. А наутро выяснилось, что эпизода с гаишником он не помнит вообще!

– Что, и ему плохо? – брезгливо спросил Дан.

– Ага. А ты думаешь, если он столько выпил, то теперь ему будет всегда хорошо? – нараспев произнесла Алсу. – Всегда хорошо только тем, кто выпил столько, сколько хватило для путешествия в мир иной.

Странно, но как только черноволосая девушка произнесла эти слова, мы вдруг услышали в отдалении вой. Не знаю, как у кого, а у меня мороз пошел по коже – вой был какой-то... человеческий. Тут же вновь резко подул ветер, относя вой в другую сторону. Где-то вдалеке, видимо, на другой стороне острова, мои глаза различили неясные огоньки. Что это еще такое? Бомжи устроили костер? Но зачем им зимой тащиться на холодный остров? Чтобы погреться? Не логично. Тут холоднее, чем в самом городе. Или это фары машины? Вроде бы тоже нет. Почему-то я подумала, что на острове кто-то прячется, и эта мысль не подарила мне оптимизма. Захотелось кинуться в машину и побыстрее оказаться на другом берегу реки. Там, где есть свет и люди. Ощущение опасности оцарапало мне щеки вместе с ветром.

– Это еще что? – поднял и без того высокую бровь Даниил. – Жуткий вой. Ветер, что ли?

– Нет. Мне кажется, собака, – произнесла Ранджи.

– Может быть, – согласился Женька, прищурившись, глядя на огоньки. – А вон те огоньки – это тоже собака?

– Местные песики Баскервилей, – хмыкнула Алсу.

– Парни с общаги говорили, что были тут пару раз ночью, проезжали мимо по дороге и тоже видели какие-то огни и слышали странные звуки, – негромко произнес Женька. – А в последний раз они видели тут очень странных личностей в капюшонах.

Его слова казались зловещими, и всем одновременно как-то стало не по себе. Мне лично сразу же представился фильм ужасов, где подростки ночью едут неведомо куда и попадают в самые большие неприятности в своей жизни. Зачастую – и самые последние. Мороз второй раз прошелся по моей коже. И, видимо, не у меня одной.

– Так, детки, быстро грузимся, – велела Ранджи, – я не хочу, чтобы это воющее нечто прибежало к нам, тряся своими огоньками. И не хочу лицезреть личностей в капюшонах.

Мы очень быстро и друженько загрузились в машинку. Я вновь уселась на переднее сиденье, Дан и Женька оказались сзади, а на втором ряду устроились у окошек страдающие Алена и Темные Силы, оба одинаково бледные. Между ними сидела Алсу, спрашивающая о самочувствии то у одного, то у второй. Оно, судя по их ответам, стремительно ухудшалось.

– Ну, в путь, – оптимистично произнесла Ранджи, заведя мотор. Кажется, мы все затаили дыхание, боясь, что Танк опять начнет капризничать и не заведется. Однако машинка бодро покатила вперед, заставив всех облегченно вздохнуть. Особенно приободрился Даниил и, решив, что мы уже почти вырвались с Белосельского острова на берег, стал рассказывать недавно просмотренную передачу про каких-то жутких преступников.

Однако друг рано радовался.

Выезжали с острова мы эпично – он словно не хотел нас отпускать. Сначала у внедорожника внезапно потухла одна фара. Ранджи ехала едва ли не наобум, правда, не нервничала, а всего лишь один раз проронила:

– Я с одной фарой ни хрена не вижу, – а после внимательно уставилась вперед, не отвлекаясь на наши нервный смех и разговоры.

Спустя минуту она вдруг кинула взгляд на спидометр и сообщила как бы между прочим:

– Ну вот, у нас бензин заканчивается.

– Ты чего это не проследила за бензином? – возмутился Даня со своего третьего ряда. Своим рассказом он больше напугал себя, чем нас.

– Я следила, – оборвала его Ранджи. – Все было норм. Он таинственным образом исчез.

– Ага, его кто-то выпил, пока мы на берегу стояли, – ехидно проронил парень.

– Бензин был, – сказала я удивленно. – Я видела, когда мы на остров подъезжали, стрелка не на нуле стояла.

– Может, у тебя бензобак подтекает? – предположил Женька.

– Может, – легко согласилась Ранджи. – Но раньше такого не было.

– Вот мы сейчас на этом острове останемся, – зловещим тоном начал Даниил, – и будут нас потом с собаками искать. Тут часто люди пропадают.

– Ой, не каркай, – поморщилась Алсу, поглаживающая Алену по плечу. Ей становилось хуже с каждой секундой. Бедная подруга. Вообще алкоголь она, как и я, не слишком-то и любит, но сегодня ей как-то не повезло.

– Бензина у нас хватит доехать до ближайшей заправки, не переживай, Даня, – сказала Ранджи, все так же соблюдая спокойствие. Танк, словно услышав слова хозяйки, встал как вкопанный. На секунду в салоне повисла удивленная тишина. Сердце у меня забилося чуть чаще, чем нужно. Было от чего беспокоиться – ночью мы застряли на темном подозрительном острове, где людей почти нет. А еще тут кто-то воет, бегает в капюшонах и огоньки, кажется, стали к нам еще ближе. Даже мне стало страшновато. Безмятежность, которую я чувствовала, стоя на самом берегу реки, куда-то пропала. Я кожей ощущала, что друзья испытывают те же чувства, что и я.

– Хватило бензинчику, мда. Ранджи, ты хоть битую сразу достань, – посоветовал умный Даня. – Как-то отбиваться будем.

– По законам фильма, – вставил Женька, – если Ранджи выйдет из тачки, с ней что-нибудь да случится. Поэтому, подруга, сиди и пытайся завести машинку.

– Или сам сходи за битой, – посоветовала я тотчас Дану. Он почему-то отказался.

– Что случилось? – спросил недовольным голосом Темные Силы. – Чего стоим?

– Мы, знаешь ли, без бензина и застряли, – сообщила ему Алсу.

– А где мы? Все еще на Белосельском? – завертел парень черноволосой головой.

– Ага, – ответила Алсу. – Как раз мимо развалин проезжаем. Проезжали. Теперь встали.

– Зря мы вообще сюда поехали, – помрачнел Олег, не переставая оглядываться. – Это не самое лучшее место в городе. Тут... уроды всякие.

Этот парень редко кого называл уродами. Значит, и правда тут кто-то плохой «водится».

– Мы за городом, – поправила его любимая.

– Неважно, – отмахнулся Темные Силы и со стоном схватился за голову, которая, видимо, заболела еще сильнее.

– Ребят, – нервно спросила я, глядя в боковое зеркало, в котором отражался кусок реки с ее восхитительными огнями и деревья, гнущиеся под ветром, – а вам не кажется, что огни стали еще ближе?

– У меня есть складной нож с собой, – зачем-то сообщил Темные Силы, и я машинально нащупала в сумочке телефон.

– Кажется, – пригляделся Женька, повернувшись.

В салоне повисла напряженная тишина. Все стали с тревогой оглядываться назад.

И в это время Танк все же разрешил хозяйке себя завести и рванул вперед. Мы, обрадованные, даже и не заметили, как оказались на мосту, освещенном так хорошо, что даже сломанная фара не доставляла Ранджи дискомфорта.

– Мне кажется, или стрелка бензина растет? – удивленно спросила девушка, убирая со лба челку, которую мне очень хотелось подстричь.

– Тебе не кажется, – так же удивленно сказала я, глядя на спидометр. Теперь машинка показывала, что бензин почти в норме, однако на всякий пожарный Ранджи все равно заехала на заправку. Страхи острова моментально развеялись в ярком свете фонарей.

– Так, теперь все по домам? – поинтересовалась девушка за рулем.

– Да, я домой хочу, – подала слабый голос Алена. – Простите, ребята, но мне плохо. Я действительно сильно перепила, идиотка. Отвезете?

– Естественно, отвезу, – согласилась Ранджи.

– И этого придурка домой надо, – сказала Алсу, имея в виду Темные Силы. – Только надо, чтобы парни добуксовали его до двери. И передали с рук на руки мамочке.

– Поняла, остальные как? – Ранджи посмотрела на пятерых пассажиров, устроившихся сзади. Женька посмотрел на меня, как будто бы хотел что-то сказать, и я мысленно подбодрила его – да, да, скажи, что ты хочешь потусоваться! Вместе со мной! Подай голос, ты же парень, не молчи. Просто дай понять, что ты заинтересован. Ведь ты дал мне свою перчатку! Однако Евгений все же ничего не произнес, и я разочарованно поникла. Поганое настроение стало еще хуже. Ну почему он так себя ведет? Ждет, что я буду прыгать по салону и с радостной улыбкой предлагать, где бы провести время? Я хочу, чтобы он сам проявил инициативу! И точка.

– Тогда я всех развожу по домам? – переспросила Ранджи.

– Давай, – решила я, что на сегодня приключений нам хватит.

Доехали мы, конечно, не без них. Наверное, не очень красиво это рассказывать, но все же Темные Силы не выдержал длительной поездки и Ранджи спешно подъехала к обочине около перекрестка. Дверь внедорожника распахнулась, и наш нетрезвый друг, перебравший алкоголя, которого очень уж тошнило, решил немного удобрить почву. Наверное, смотрелись мы очень эпично, потому что секунду спустя вторая дверь тоже распахнулась – и бедная Алена, понимая, что тоже больше не может, склонилась над асфальтом. Самое забавное, что почти около нас остановилась полицейская машина, спокойно себе ждущая, когда загорится зеленый. Естественно, представители органов правопорядка большими глазами уставились на наш Танк с двумя открытыми задними дверями, из которых высунулись плохо себя чувствовавшие люди. Однако к чести их и достоинству, делать полицейские ничего не стали – просто смотрели то на Алену, то на Темные Силы, то на нас, сидящих с абсолютно непроницаемыми лицами и не смеющих поднять глаза на полицейских. Рядом остановилась еще одна машина – тоже внедорожник, но «Лексус», и уже оттуда на нас с интересом смотрели какие-то взрослые дядечки в костюмах. Хорошо, что нас не видели ровесники или кто помладше – явно бы тут же засняли на камеры.

После этого ничего особенного более не происходило – только Алене было очень неловко, хотя мы успокаивали ее как могли. А Темным Силам вообще было на все фиолетово. В подобные ситуации он попадал не раз и относился к ним весьма философски.

Меня и Дана Ранджи привезла домой последних, и мы уговорили ее остаться у нас ночевать, а не ехать одной через весь город в свой отдаленный район. Девушка согласилась, и мы вместе делили мой диван, еще часа полтора шепчась о случившемся. Уехала она довольно рано, чтобы успеть на тренировку, прихватив и Дана, которому пообещала подбросить к первой клиентке, которой требовалась новая прическа. А я счастливо спала

допоздна, хотя нечасто могла себе это позволить. Выспавшись, встала, поделала кое-какие дела, не поленилась покачать пресс, приготовила обед – Дан придет вечером и будет наверняка жутко голодным, а после стала собираться на встречу с крестной. Она звонила мне накануне, поздравив с днем рождения, и сказала свои обычным бескомпромиссным тоном, что хочет увидеться со мной в воскресенье.

С Матильдой мы всегда встречались в одном и том же кафе – в том самом, расположенном на пятнадцатом этаже бизнес-центра, из которого открывался удивительно красивый вид на весь город. Несколько раз я была у нее дома, но мы никогда вместе не гуляли и не ходили по магазинам, и ко мне в гости она не приезжала, хотя сама настоятельно рекомендовала (считай, заставила) съехать из общежития, любезно предоставленного мне университетом, в съемную квартиру, которую я сейчас делила с Даниилом.

Матильда, правда, была не в восторге от того, с кем вместе я снимаю квартиру – она вообще хотела, чтобы я жила одна, и давала мне достаточное количество денег на это, но я, как могла, объяснила ей, что жить вместе удобнее и дешевле. Она лишь пожала плечами, сказав: «Как знаешь», и больше к этому вопросу не возвращалась.

Крестная, как и обещала два года назад, честно рассказывала мне про маму в моменты наших редких встреч, которые из-за ее занятости происходили не чаще, чем раз в два месяца, а то и реже. Во вторую нашу встречу она принесла фотографии с мамой, времен университета, и я долго рассматривала старые тусклые снимки с молодой красивой девушкой, совершенно непохожей на меня. Темные волнистые волосы сумасшедшего объема, карие смеющиеся глаза, иронично вздернутые брови, родинка над губой, женственная фигура с красивыми изгибами. Несколько фотографий я, с позволения крестной, забрала себе и хранила как зеницу ока. И если честно, изредка разговаривала с мамой – как будто бы она меня слышит.

Когда я была маленькой, няня часто говорила мне, что мама стала ангелом, звездой на небе. Няня, конечно, была тем еще баяном, явно начитавшись сказок Андерсена, но я ей всецело верила, и когда мы выходили гулять на улицу вечерами, все время задирала голову вверх и смотрела на темное небо в поисках маминой звезды, чем умиляла старенькую няню. На небо я смотреть перестала после того, как отец однажды увидел нас во дворе и сказал строго: «Хватит. Вы бы лучше ее алфавиту учили, а не глупостям. Девочка, на небе – звезды. Звезды – это небесные тела. Твоей мамы там нет». Тон у него был при этом зловещий, и я тогда, помнится, очень испугалась... Няня полвечера успокаивала меня. Об этом я, конечно, никому не рассказывала и крестной – тоже, но она и без подобных рассказов знала мое отношение к отцу. Матильда не говорила про него ничего плохого, просто сказала, что не хочет, чтобы он узнал о наших встречах. Мне почему-то тоже не хотелось этого. Хотя, наверное, даже если бы он и узнал, ничего бы страшного не произошло. Думаю, он уже вычеркнул меня из его жизни, как сон, но не как страшный, а как абсолютно бесполезный, черно-белый, неяркий, но с дурацким сюжетом.

В этот раз с Матильдой мы пообщались минут тридцать – у нее были какие-то важные дела, и вместе с губернатором она должна была срочно вылетать в какой-то отдаленный район. Она сделала подарок – как всегда, деньги в простом белом конверте, которым, если честно, я очень обрадовалась. После вчерашнего у меня их почти не осталось, да и хотелось оплатить часть штрафа Ранджи. Поспрашивав, как мое самочувствие, дела и успехи в университете, Матильда вдруг сказала:

– Ах, да, девочка. Нам нужно кое-что обговорить. У меня к тебе есть, – она задумалась, подбирая слова, – пожелание, – наконец, вымолвила крестная.

– Какое же? – удивилась я.

– Я хочу, чтобы твое образование было полным.

– Полным? – удивленно переспросила я.

– Полным. Ты учишься на пятом курсе, и, когда закончишь его, получишь диплом специалиста, так? – спросила она.

– Так, – подтвердила я, не совсем ее понимая, но на всякий случай добавила: – Красный диплом.

– Знаю. Но я хочу, чтобы ты была не просто специалистом, а кандидатом наук, – сказала Матильда и внимательно глянула на меня. – Ты думаешь, что не сможешь сдать экзамены в аспирантуру?

– Да я вообще никогда не думала о том, чтобы учиться дальше, – честно сказала ей я. – Я хотела просто пойти работать и все.

– Ты будешь учиться и работать. И я, естественно, буду помогать тебе. Думаю, Катя была бы в восторге, если бы знала, что ты не просто закончила университет, а стала кандидатом наук. Уважаемым человеком. – Слово «уважаемым» крестная подчеркнула.

Она никогда не использовала имя мамы, чтобы манипулировать мною. Она вообще никогда не манипулировала мною, и тогда мне показалось, что Матильда действительно желает мне лучшего. Я, если честно, была в некоторой растерянности, и ничего внятного сказать крестной не могла.

– Я подумаю, – сказала я негромко. – Мне хотелось полностью заняться журналистикой, понять, смогу ли я...

– Быть как Инесса Дейберт, я знаю, – оборвала меня крестная. – Знаю-знаю. Она, между прочим, кандидат экономических наук.

Я кивнула – а ведь действительно, женщина, на которую я пыталась равняться, закончила аспирантуру и меня это немного вдохновило.

– Я подумаю, Матильда, – сказала я, почему-то вспомнив отца. Он-то кандидатом никаких наук не был. В их семье вообще не было людей науки и искусства. Зато рождались первоклассные бизнесмены и отменные стервы.

Женщина, сегодня облаченная в белый, как снег за окном, деловой костюм, хмыкнула, словно поймав мои мысли.

– Ладно, девочка, мне пора. Иди первой. И не раздумывая, соглашайся. Ты ничего не теряешь. А я буду помогать тебе.

Я кивнула, попрощалась с ней, еще раз поблагодарив за подарок, и направилась привычным маршрутом к лифту. Оглянувшись, я увидела, как Матильда с кем-то разговаривает по телефону и держит в руке тонкую длинную сигарету, и поняла вдруг, что многого о ней все же не знаю. Например, при мне она ни разу не курила.

В лифт, большой и зеркальный, отделанный натуральным деревом, с сенсорными кнопками, я вошла вместе с двумя весьма представительными дядечками в черных костюмах и с дорогими галстуками на плотных шеях, на которых в электрическом свете блестели заколки то ли из серебра, то ли из платины. В руках обоих были кожаные портфели – один такой наверняка стоил больше, чем весь мой гардероб вместе взятый. Один из мужчин, совершенно седой и с симпатичным лицом, сохранившим следы былой красоты, рассказывал приятным тембром что-то о приближающемся падении цен на какие-то важнейшие акции, а когда вскользь глянул на меня, стоявшую в сторонке и обеими руками державшую перед собой сумочку, то его брови удивленно приподнялись. Договорив мудреную фразу о котировках на акции, седовласый, кивнув в знак извинения своему спутнику, вдруг обратился ко мне:

– Простите, девушка, но вы случайно не Реутова... – Дальше он даже договорить не успел.

– Нет, – перебив мужчину, что мне не свойственно, ответила я куда более резким тоном, чем того требовал элементарный этикет. – Нет. У меня другая фамилия.

Брови мужчины, так хорошо разбирающегося в акциях, вновь поднялись, выражая удивление, и в ту же секунду опустились.

– Тогда прошу прощения, – озадаченно сказал он. – Не хотел потревожить вас. Вы очень похожи на дочь моего приятеля. – И он вновь повернулся ко второму мужчине, который тоже на меня теперь смотрел – только не удивленно, а, скорее, озадаченно. Так смотрят на только что принесенный горький ристретто, выглядевший в своей чашке демократично просто, тогда как заказывал у официанта сладкий гляссе с воздушными взбитыми сливками и мороженым.

– Анатолий Иванович, ты что, – негромко сказал он, – ты разве не видел дочь Реутова? Как ты умудрился перепутать столь разных девушек? – еще тише спросил он и, кажется, развеселился. Наверное, подумал, что его друган потихоньку стареет умом.

– Молчи уж, Валентин Яковлевич, – строго посмотрел на него тот, кто пристал ко мне с таким глупым вопросом. – И не смущай девушку.

Кажется, он хотел вновь обратиться ко мне то ли с вопросом, то ли с очередным извинением, но дверь открылась, и я тут же вышла из лифта, чувствуя взгляды в спину. Последнее, что я слышала, было то, что Анатолий Иванович заметила, что «вообще-то, у Реутова несколько дочерей, и, может быть, это та, которая...».

Остального услышать мне было не суждено. Отойдя подальше от лифта, я решила, что в таких местах, где полным-полно людей, у которых одна только машина стоит, как у нас все квартиры на лестничной клетке, нужно быть осторожнее.

Из этого огромного здания, гордо возвышающегося над всеми остальными и сверкающего своими холеными прямоугольными боками под декабрьским изумительно теплым солнцем, я вышла с двойственным чувством.

С одной стороны я была рада – рада тому, что вновь встретила с крестной, которая благородно не забывает про свой долг – долг перед подругой юности. И ее материальная поддержка меня действительно выручает. А то, что Матильда рассказывает о маме, является для меня очень ценным – никто больше никогда и ничего не рассказывал мне о ней.

Но с другой стороны, из-за встречи с Матильдой я была в смятении – новоиспеченная крестная каким-то образом внесла в мою душу сумбур, затронув самые тайные струны моей души. Почему она хочет, чтобы я была кандидатом наук? Она так пытается помочь мне продвинуться в жизни? Я сама никогда не думала о том, чтобы продолжить образование, но и отказать ей я не могу. Это не просто.

Почему? Все просто.

Она знала мою маму, была ее подругой – не зря ведь та успела сделать ее моей крестной, прежде чем отправиться туда, где никогда не бывает холодно. Она видела ее, общалась с ней, дотрагивалась до нее, слышала ее смех и голос... Матильда была единственным человеком, кто связывал меня с жизнью моей мамы. Единственным человеком из моих родных, кто не говорил о ней плохо, или вернее, вообще говорил о ней, хоть и скупое, но рассказывая кое-что о детстве и юности. Я не могла просто так взять и отказать крестной. Да еще и эти дядьки в лифте.

Я села на одну из лавочек – от обилия эмоций у меня даже слегка закружилась голова, что, впрочем, со мной не редкость. Рот у меня пересох, и пришлось достать бутылочку минеральной воды, которую я с силой сжимала, как падающий со скалы спасительную веревку. Сделав несколько больших глотков и кое-как успокоив бурю эмоций, я написала сообщение выздоровевшей уже Алене, с которой обещала погулять.

«Я свободна, когда встретимся?» – печатала я на телефоне. Он у меня был старый – раскладушка яркого синего цвета, кое-где пообтертая, и не раз бывавшая в воде, но выживающая вопреки всему. Экран в уголке был потрескавшимся, удобные кнопки поистерлись, кое-какие даже западали, поэтому приходилось давить на них с силой.

«Насть, я освобожусь только через час, у меня работа, подождешь?» – написала мне в ответ подруга.

«Подожду:) Ты крута! Работать после вчерашнего – это подвиг! Встретимся в «Венеции», – напечатала, допивая воду, я, имея в виду не город на побережье Адриатического моря, а известный во всем городе торгово-развлекательный комплекс неподалеку от бизнес-центра и Алениной работы – идеальный вариант для нас обеих.

«Заметано))))», – согласилась тотчас подруга.

«Встретимся – и я тебе кое-что расскажу», – сообщила ей я напоследок. Вставив в телефон наушники и включив музыку, я направилась к торговому комплексу, чувствуя, как подмерзают ноги. Декабрь как-никак. Холодный месяц. Такой же холодный, как мои серые, без примеси голубого, глаза – это не я так про себя выдумала, это мне так Дан сказал однажды, у него душа поэта ведь, поэтому он всякую чушь и несет.

Слушая музыку – комическую оперу «Кавалер роз» Рихарда Штрауса, я направила свои стопы к «Венеции». Друзья часто говорят мне, что я слушаю старомодную и непопулярную музыку, но что поделать, если я люблю оперы? Нет, поп-мьюзик и рэп, и рок я тоже могу послушать, и даже техно, но оперные партии я люблю больше. Наверное, в этом виновата моя няня, которая заботилась обо мне все детство. Она была поклонницей оперы, и я, будучи совсем еще мелкой, постоянно слушала вместе с ней оперы на музыкальном центре. Может быть, именно из-за няни я закончила музыкальную школу по классу фортепиано, но играю я, правда, весьма и весьма посредственно.

До «Венеции» – огромного яркого здания с колонами и стеклянной крышей, которая создавала ощущение свободного пространства, простора и даже какой-то воздушности, я добралась быстро – минут за десять. И в ожидании Алены решила походить по многочисленным магазинчикам с вывесками одна краше другой. Пока есть время, можно присмотреть подарки друзьям – Новый год меньше, чем через месяц, а выбирать подарки я любила заранее. Метаться в поисках того, чего бы кому подарить, за день или два до праздника я терпеть не могла, и вообще все стремилась сделать вовремя – не потому, что была такой правильной, нет, а чтобы сохранить нервы себе и другим. Потому что если я начинала злиться, то становилась откровенно неприятной личностью, превращаясь в этакую мегеру, которая не кричит, не хамит и не орет, а спокойным, чуть тихим от внутренней злости голосом говорит гадости и всяческие издевательские вещи. После таких приступов злости я чувствовала себя виноватой, но поделать с собой ничего не могла.

Все так же продолжая слушать оперу, я бродила из одного отдела в другой, пока не наткнулась глазами на огромную высоко висевшую ярко-малиновую вывеску, гласящую о том, что справа от меня находится недавно открытый супермаркет «Волшебство», где продается «все, что нужно для творчества, и даже больше». Я тут же вспомнила о подарочном сертификате, который торжественно вручили мне вчера друзья, и, не раздумывая, зашла в этот магазин. В нем действительно продавалось все, что нужно для творчества: начиная от наборов для скрапбукинга и инструментов для вязания заканчивая всякими штучками для мыловарения и инвентарем художника.

Я с любопытством блуждала по бесконечным рядам, с трудом сдерживая себя от ненужных, но таких заманчивых покупок. А потом... А потом судьба преподнесла мне невероятный сюрприз.

Когда я подошла к одной из касс, у которой было целое столпотворение, то поняла, что впереди меня стоит не кто иной, как вчерашний парень с комплексом прекрасного принца по имени Ярослав. От удивления в моих глазах заискрились фейерверки.

Первой я заметила хорошо знакомую мне удлинненную прическу, чуть небрежную, но невероятно ему идущую, и не тронутую шапкой – наверняка мальчик и в минус двадцать пять щеголяет без нее, браво гарцуя перед девушками. Одежда, правда, на нем была дру-

гая. Тонкая с виду серо-белая короткая куртка с капюшоном, обрамленным густым светлым мехом, из-под которой выплядывала водолазка, высокие, со шнуровкой ботинки, заправленные в них обтягивающие темно-синие, почти черные джинсы. Одет он был иначе, и выражение его лица «мне все обязаны» казалось более спокойным и человечным. В руке великовозрастная дебилушка держал ярко-красную корзинку с кучей коробочек и коробок, на одной из которых я прочитала: «3D Пазлы». А еще у него в корзинке валялись кисти и баночки профессиональных красок.

Я за одну секунду подметила все это, испытывая и удивление, и злую затаенную радость, и нарастающее раздражение – почему этот придурок встречается мне уже второй раз за последние сутки? Хорошо хоть он меня не замечает – стоит, уткнувшись в мобильник белого цвета со всемирно известным логотипом надкусанного фрукта на задней панели. Последняя модель, между прочим.

– Ты без Интернета, я смотрю, как без рук, Яр, – раздался глубокий, прямо-таки затуманивающий сознание голос, принадлежащий высокому черноволосому представительному парню лет двадцати семи, который стоял рядом с Енотом, уткнувшимся в свой планшет, как курица в кормушку с зерном.

– У меня важная переписка, – буркнул тот в ответ. Черноволосый посмотрел на Ярослава с легкой улыбкой – не высокомерной, а очень даже доброй. Он вообще мне с первого взгляда показался добрым – а именно это качество я более всего ценила в людях.

– Говорят, ты, братик, поссорился с Ваном? с ним переписываешься? – продолжил расспросы брюнет. Он был такой милый, что я на него даже засмотрелась – хорошо, что парень стоял ко мне вполборота, можно было на него любоваться.

– Кто говорит? – волком взглянул на него Ярослав. – Все у нас нормально.

Ван – это парень из его вчерашней компании. Я помнила это имя.

– Хватит собирать сплетни. Кто их разносит? – светло-зеленые, ярко выделяющиеся глаза гневно посмотрели в невозмутимое лицо брата.

Их лица находились примерно на одном и том же уровне – роста парни были примерно одинакового, ну, может быть, черноволосый на пару сантиметров повыше. Да и вообще они были похожими: одинакового телосложения, с чуть удлиненными лицами с красивыми линиями скул и прямыми носами с высокой переносицей. Только вот глаза да волосы отличались.

– Мне Женя сказала, – пожал плечами брюнет. Парень явно не злился за тон своего умалишенного младшего братика, в отличие от меня. – Она говорила, что вы вчера здорово, – он замолчал на миг, подыскивая подходящее слово, – повеселились в клубе.

– О, да, – только и сказал Ярослав так трагично, как будто бы говорил не про день рождения, а про похороны. – Повеселились. Это все та девка виновата, – вдруг сказал он нервно, и я тут же поняла, что говорит он обо мне, не зная, зараза, что я стою за его спиной.

– Какая девка? – не понял его брат. А я злобно уставилась на идиота, посмеявшего меня обвинять.

– Из-за которой все пошло не так. Она поссорила меня с Ваном и Женей! – сказал Ярослав.

Я возмутилась. Это он мне вечер испортил, гаденыш! Еще и подставил дважды – с вином и на дороге! Кинул на деньги!

– Нет, ну это же надо было додуматься до такого? – продолжал Адольф Енотыч и поведал историю о том, как я его укусила, а потом якобы поглумилась над его другом. Про то, что я его изрисовала, он и словом не обмолвился.

– Кстати, – и тут тон Яра стал другим – более мягким, вопрошающим и очень приятным, даже как будто бы добрым. Вот же он лиса. – Как там Женя? Она... злится? Да?

– Нет, – улыбнулся ему брюнет. – Позвони ей, кстати. Она будет рада. А Ван остынет через пару дней, ты ж знаешь.

– Знаю, Егор.

– Так, стой тут, я еще кое-что забыл взять, – спохватился вдруг тот.

– Что? – голос гуся был само недовольство.

– Для бабушки, она просила формочки для блинов.

– Тормоз, – тут же рассердился Ярослав. – Давай быстрее, чтобы нам еще раз не пришлось стоять в очереди.

Я еще больше рассердилась, но этот Егор явно был человеком с добрым сердцем и железным характером, а потому не обратил внимания на слова братика.

– Я быстро, не ной. И завяжи, ради бога, шнурок, – тихо сообщил, наклонившись к брату, Егор.

– Черт, тупость, – глянул на собственные ноги Ярослав и выругался. Я тоже глянула – один из шнурков на его крутом ботинке со шнуровкой развязался. Мне стоило усилий удерживать себя от смеха.

– С тобой вечно как с маленьким ребенком, – беззлобно фыркнул Егор, поворачиваясь, чтобы выйти из медленно движущейся очереди. Он ушел, протиснувшись мимо меня, а Ярослав, поставив на пол корзинку с покупками, присел на корточки, чтобы завязать коварный шнурок. Волосы тут же, как по команде, упали ему на лицо, и он с раздражением смахнул их, приведя в восторг двух каких-то малолетних девиц, стоявших около соседней кассы. Увидев Ярослава, оживились, как фанатки, увидевшие своего ненаглядного идола. Одна из них – честное слово, я не вру! – достала даже свой мобильник – внушительных размеров андроид, и стала снимать парня, который был занят своим шнурком, на камеру. Сделав пару снимков, девицы захихикали и убрали телефон, как будто бы ничего и не фотографировали. Лица у них были довольные-предовольные.

А я в это время замышляла нехорошее дело. И не только замышляла, но и подло осуществляла его. Если честно, я никогда не делала ничего такого плохого, и это было мое первое преступление, моя первая подстава, на которую меня, видимо, искусили злые силы. Потом мне даже было стыдно, не за содеянное, а за собственную глупость, но в этот момент я была настолько зла на этого высокомерного дятла, что хотелось показать ему, где раки зимуют. Отомстить за вчерашнее!

Стоило Ярославу присесть на корточки, я, недолго думая, схватила с прилавка, находящегося около кассы, несколько брелков в виде разноцветных косолапых мишек с вытаращенными глазами, и, словно заправский фокусник, быстро, но осторожно опустила их ему в капюшон. Мы вчера платили из-за него, так пусть теперь и он потратится, оплатит штраф за незаконный вынос вещей из магазина. Ха-ха-ха.

Что посеешь, то и пожнешь, милый. Не стоит связываться со мной.

Я огляделась по сторонам. Никто ничего не заметил. Настенька все провернула чисто. Но меня тут же охватили смутные сомнения – зачем я это сделала? А вдруг меня камера засекла? Если Ярославушка сейчас попадется, то начнет качать права и заставит найти запись воровства. А там вполне могу оказаться я. Тогда претензии охраны будут не к нему, а ко мне. Я быстро огляделась, пытаюсь найти выход из положения и понять, где находятся камеры, и вдруг увидела, что одна из девушек в форме работницы творческого супермаркета неспешно направляется к свободной кассе, находящейся по соседству от той, в которую стояла я.

Сейчас она ее откроет, пронеслось в моей голове, и я рванула прочь из этой очереди, чтобы именно в тот момент, когда девушка-кассир неспешно сядет на свое место, быть около ее кассы с непроницаемой рожей и протянутой вперед рукой с пластиковой карточкой сер-

тификата. Мне нужно было уйти отсюда до того, как обнаружится, что Ярослав «стащил» брелки.

– Свобод... – открыла было рот продавец, но тут увидела меня и глаза ее изумленно распахнулись, как будто бы вместо вполне среднестатистического покупателя женского пола перед ней стоял Кощей Бессмертный собственной неприятной персоной.

– Здравствуйте, – кивнула она мне. – Вы так неожиданно оказались за кассой, – она вдруг улыбнулась. – Пожалуйста, давайте ваши покупки. Дисконтная карта есть?

– Нет. У меня подарочный сертификат, – помахала я перед ее лицом пластиковой картой.

– Хорошо. – Она все же не удержалась и громко проговорила: – Пожалуйста, проходите к кассе № 7! Касса № 7 свободна!

Народ услышал это и тут же понабежал к этой самой кассе, образовав самую длинную очередь во всем магазине, слепо веря, что именно через эту кассу их обслужат быстрее, чем через ту, к которой они долго стояли.

Крик продавщицы слышали многие – в том числе и находившийся неподалеку прекрасный принц Ярослав, который в это время тоже протягивал покупки своему кассиру. Он повернулся в нашу сторону, и зеленые его глаза расширились, когда он увидел меня. Естественно, узнал. И естественно, он не был в восторге от нашего случайного столкновения (это он еще не знал о моей подлости, так бы он вообще от злости взорвался). Наши взгляды пересеклись, в точке пересечения заискрилась молния, и этот умник весьма артистично показал, что его тошнит в кулак – видимо, из-за меня. Я не растерялась и медленно, с удовольствием несколько раз провела по щеке средним пальцем правой руки, словно бы поглаживая себя, а на деле нервирова этим неприличным жестом Енота – кроме него в мою сторону никто не смотрел.

Мне кажется, он взбесился и состроил крайне злую гримасу. Затем лицо парня стало до унылости серьезным. Он поднес к своим наглым глазам указательный и средний палец левой руки, сложенные в знаке «виктория», но не перпендикулярно полу, а параллельно, и несколько раз повернул кисть приподнятой руки, показывая двумя пальцами то себе в глаза, то в мою сторону.

«Я слежу за тобой», – явно говори мне Ярослав, щурясь с чувством собственного превосходства надо мной.

Потыкав в разные стороны пальцами, он подкрепил этот выразительный ряд жестов еще одним – провел ребром ладони по шее. Ну, тут и дураком не надо быть, чтобы понять – он имел в виду, что мне конец.

Теперь я не только злилась и боялась – как бы успеть убежать, но и веселилась. Вот же он клоун! Но мимика хорошая, хвалю, и движения артистичные, все-таки внешние данные у мальчика хорошие. Эффектный парень, жаль, что не принц, а злодей. И не на белом он коне, а на горбу богатеньких родителей. Ясно ведь, что из обеспеченной семьи.

Не отрывая от Ярослава взгляда, я, улыбнувшись, пошмыгала носом, введя в ступор кассиршу и людей, стоявших позади в очереди, а после картинно закрыла двумя пальчиками нос и стала усиленно махать рукой в воздухе, словно отгоняя от себя дурной запах.

«Не воняй. Ты плохо пахнешь, уйди», – как-то так это выглядело со стороны. Мне было дико весело, хотя, думаю, те, кто видел мое мини-представление, думали, что я немного не того.

Ярослав, на радость мне, рассердился еще больше. Красивое лицо побледнело от гнева, и он, не церемонясь, ткнул в меня пальцем, а после несколько раз ударил кулаком по поднятой распрямленной ладони, да с такой силой, что аж поморщился.

«Ты дождешься!»

Я схватилась за щеку и покачала головой, как будто бы у меня болит зуб.

«Да-а-а, дождю-у-усь». Я даже захихикала. Настроение поднялось до высот самым таинственным образом. Я была уверена, что моя шалость с брелочками в его капюшоне сработает.

– Девушка, – позвала меня, наконец, кассир, которая прекрасно все видела – кажется, эта миниатюра подняла ей настроение, и она улыбалась, – давайте уже свой сертификат.

– А, да, берите, – протянула я его, не отрывая зачарованного взгляда от Ярослава, который в этот момент достал из кошелька – здорового, черного, скорее всего, из натуральной кожи, банковскую карту, и небрежно положил на пластмассовую прозрачную тарелочку с логотипом супермаркета, куда обычно кладут деньги и чеки. К нему подошел старший брат – тот самый черноволосый красавчик Егор и протянул небольшую коробочку – видимо, формочку для блинов, которую пообещал бабушке.

Вышло так, что расплатились мы одновременно и почти нога в ногу, поглядывая друг на друга с необъяснимым злым любопытством, пошли прочь от касс, дабы попасть в общий зал. Я-то попала, а вот Ярославу выйти за пределы супермаркета не удалось – сработала система безопасности, установленная неподалеку от кассы, через которую он прошел. Она истошно заорала, и к ничего не понимающему парню с пакетами в руках откуда ни возьмись приблизились чинные охранники с рацией и заинтересованными лицами. Они попросили обоих парней остановиться. Черноволосый Егор удивленно взглянул на брата.

– Что случилось? – услышала я его громкий обеспокоенный голос.

– Оставьте покупки и пройдите еще раз, – вежливо, но твердо сказала светловолосому принцу охрана. Яр психанул, дернул плечом, но все же подчинился их воле.

– Вы не пожалейте потом, – сказал он зло, выполняя их требования – он-то был уверен, что ничего не крал, и что система безопасности просто затупила. А я была уверена в обратном.

– Разберемся, – сказал миролюбиво один из охранников, мощный мужик, похожий на присмирившего на время бультерьера.

Сигнализация опять заорала, как будто бы ее пинали.

– Давайте пройдем к нам в кабинет и посмотрим ваши вещи, так положено.

– Яр, да что ты опять сделал? – сдвинул черные брови вразлет, напомнив мне почему-то Финиста – Ясного сокола, Егор.

– Ничего! – злобно ответил он.

– Давайте, пройдем вместе к нам, – вновь сказал бультерьер. Наверное, он таких воришек по сто раз на дню ловил и оставался удивительно спокойным. А мне было смешно. И ни капли не стыдно.

– Погодь, – произнес его напарник, мужик тоже немаленьких размеров и вдруг потянулся к капюшону пижонской куртки Ярослава, который, видимо, ничего не понимал. Он вдруг вытащил из капюшона один из брелков – голубого медведя с офигевшими глазами на пол-лица, который непонятным образом торчал оттуда, выдавая лжеворишку с головой. Я закрыла рот рукой, чтобы не подавиться от смеха.

– Это не мое! Слышите меня, эй? – сердито заговорил зеленоглазый парень. Но его вновь попросили пройти с ними.

– С тобой никуда нормально сходить нельзя, – усталым жестом убрал назад черные волосы Егор.

В это время Ярослав случайно глянул на меня, и я мило заулыбалась, чувствуя себя девочкой-подростком, а не барышней, справившей накануне двадцатиоднолетие. Я пожалала плечами и рассмеялась, а он мгновенно все понял. Умный мальчик. Развязно ему подмигнув и сделав при этом вид, что хочу укусить его, я, довольная, быстрым шагом направилась вон из магазина. Будет знать, как обижать меня или моих друзей, придурок.

Однако я недооценила его мощь. Ярослав, самая главная умняша на планете, решил меня догнать. То ли крышу у него переклинило напрочь, то ли злость взяла верх над всеми другими эмоциями и без того плохо работающим разумом, то ли виновато было что-то другое, но он, ловко перепрыгнув через кассу, напугав продавца и изумив охрану и собственного брата, стремглав помчался ко мне. Я, не будь дурой, тоже включила ноги, и на скорости побежала прочь, через зону с кафешками и многочисленными столиками.

Яр молча, как робот, мчался за мной, быстро работая длинными конечностями. Охранники, естественно, этого идиота не бросили и погнались следом – тем более в капюшоне его куртки все еще оставались разноцветные мишки-брелки, глаза которых от удивления, наверное, становились все больше и больше. Егор, ясно дело, бросить младшего брата не мог, и тоже побежал – но он предусмотрительно захватил с собой большие пакеты с их покупками, которые двигаться ему изрядно мешали, а потому отставал.

Я, конечно же, лидировала. Гордо, но неуверенно. Хотя я и бегала иногда, когда не лень, вечерами или на выходных, но явно уступала в этом виде спорта принцу, летевшему за мной аки птица. Меня спасало только то, что в зоне с кафешками я быстро маневрировала между столиками и удивленными людьми, а у Ярослава это получалось довольно плохо, не говоря уж об охранниках, которые, конечно, были сильными мужчинами, но, думаю, они лучше тягали штангу и поднимали тяжелые гири, чем носились по зоне с препятствиями, то есть по торговому центру.

Я и мой преследователь, а также охрана дружно сохраняли молчание, и шум поднимал только один Егор, замыкающий нашу группу бегунов. Наверное, происходящее выглядело забавно. Мы резво мчались вперед, как делегация оленей на водопой, ни слова не говоря, сосредоточив все силы в мышцах ног, а этот брюнет, показавшийся мне добрым, кричал вслед:

– Эй, Яр! Остановись! Ярослав! Стой! Не убегай! Этим ты усугубишь свое положение! Ярослав!

Получалось это у Егора громко и даже как-то со вкусом, хорошо поставленным голосом.

Я, видя, что расстояние между мной и Ярославом сокращается, птичкой взлетела на второй этаж, где продавалась женская одежда, и гусь помчался за мной, тогда как наши, вернее, его, преследователи не поняли этого и поскакали дальше, в сторону гипермаркета, расположенного на первом этаже.

Мы, наконец, оторвались от преследования охраны и его брата, став лидерами гонки. Я изрядно устала и тяжело дышала, понимая, что вот-вот он меня догонит и, наверное, убьет. Сил у меня больше не было, и я остановилась около известного магазинчика с нижним женским бельем, в котором как-то раз была с Аленой. Она, желая порадовать парня, с которым на тот момент общалась, примеряла полупрозрачные красивые пеньюары, а я с видом знатока оценивала их.

Ярослав остановился в метре от меня, как и я, часто дыша, и не сводя с меня гневных зеленых глаз. Прохожие смотрели на нас с недоумением, но мы оба этого не замечали.

– Ты идиотка, – почти прорычал он, наступая на меня и сокращая дистанцию. Наверное, хотел поймать.

– На себя посмотри, – проговорила я, хватая ртом воздух.

– Подставить меня решила? – на миг мне почудилось, что из его глаз били темно-зеленые угрожающие молнии.

– Кто? – округлила я глаза.

– Не строй из себя еще более тупую, чем ты есть, – рявкнул он, еще ближе подходя ко мне.

– О чем ты? – я не собиралась выключать дурочку.

– Да я на тебя в суд подам!

– Ох ты, господи, – всплеснула я руками, косясь в сторону магазина с бельем. – А президенту не пожалуешься?

– Я полиции пожалуюсь, – сообщил парень, скверно улыбаясь.

– У тебя из капюшона не все вытащили, – сообщила я ему наставительным тоном, чувствуя себя мелкой дурочкой, которая ссорится с дружкой в песочнице из-за лопатки. – Зачем ты своровал брелки? Не стыдно?

Он тут же полез одной рукой в капюшон и вытащил еще парочку мишек. Даже не глядя на них, Ярослав с яростью бросил ни в чем не повинные брелки на пол, которые от обиды лишь жалобно звякнули при соприкосновении с ним. Парень приближался все ближе ко мне, норовя схватить, а я медленно пятилась, стараясь подойти поближе к дверям, ведущим в магазин.

– Я тебя спросил, зачем ты это сделала. Если я спрашиваю – отвечай, – велел мне он. Самодовольный гнус. Ну, надо же, какая самооценка.

– Ты думай, что несешь, олух, – процедила я сквозь зубы. – Но ответить могу. Неудачник, это тебе расплата за вчерашнее. – с этими словами я неожиданно для него разулыбалась и замахала рукой, глядя за спину парню. – Ребята, я здесь, бейте его! – закричала а. Глупый Ярослав ошарашенно оглянулся назад, и мне хватило этого мгновения, чтобы забежать в магазин нижнего женского белья. В прошлый раз, когда я была тут с Аленой, заметила, что у магазина два входа. И второй находился неподалеку от примерочных, сейчас занятых какими-то дамами – неподалеку их ожидали два серьезных и явно уставших мужчины. И хоть они совершенно не были похожими друг на друга, в глазах их стояла одинаковая мировая грусть. «Ну, сколько можно нас мучить, женщины», – говорили печальные глаза мужчин.

Я молнией проскочила между мужиками, повернула направо и выбежала из магазина, явно удивив своим поведением продавщицу, которая по просьбе одной из клиенток несла ей целую гору кружевных бюстгалтеров довольно-таки впечатляющего размера.

А вот мой преследователь повернуть направо не догадался.

Хоть Ярослав и называл меня тупой, тупой я не была и все-таки обманула его, бедолажку и дурачка. Судя по звукам, доносящимся из магазинчика, глупенький мальчик, явно находящийся в состоянии аффекта, решил проверить, нет ли меня в примерочной, и, кажется, ворвался в ту, в которой находилась какая-то полураздетая женщина. Сначала послышался ее визг, потом какая-то ругань, а после громогласный рев мужика:

– Ах ты, паскуда! К моей жене вздумал приставать?! Да я тебя сейчас!

Я даже остановилась, прислушавшись к цирку.

– На фиг мне ваша жена сдалась! Я бабушками не интересуюсь, – все еще тяжело дыша, надменно отозвался Ярослав. Я даже на какой-то миг зауважала этого парня – вот же скотина, даже в экстремальной ситуации знает, как нажать на больное.

– Да как ты смеешь! – заорала оскорбленная дважды женщина. – Извращенец!

– Это вы, позвольте узнать, как определили? – ехидно поинтересовался Ярослав.

– Сволочь! – одарила его добрым эпитетом женщина. – Нет, вы посмотрите только на него! Послушайте его возбужденное дыхание! – она решила, что все собравшиеся глухи и продемонстрировала дыхание парня, которое в ее исполнении больше напоминало одышку бегемота в возрасте.

Кто-то захихикал – подозреваю, это были продавщицы.

– Вы чего, тетя, – явно опешил «извращенец» Ярослав, который действительно после такой пробежки никак не мог восстановить дыхание. Я, впрочем, тоже. – Вы не по адресу. А я, пожалуй, пойду. У меня дела, знаете ли.

Услышав это, я воспарянула с духом и вновь побежала, не останавливаясь и лишь изредка оглядываясь. Меня заждалась Алена. А он пусть сам разбирается. Поделом мальчику.

* * *

По второму этажу торгового центра «Венеция» медленно шла довольно высокая, кажущаяся очень тоненькой молодая девушка в белоснежной куртке и такого же цвета сапогах до колен на простой плоской подошве. Шарф и шапка у нее тоже были белыми, впрочем, как и колготки, и только торчащая из-под куртки темно-фиолетовая юбка вносила приятный диссонанс в ее милый образ. Распущенные длинные светлые волосы с едва заметной игривой рыжинкой торчали из-под шапки и мягкими волнами по плечам спускались на спину, касаясь неровными кончиками поясницы. Девушка шла осторожно, внимательно оглядывая вывески невидящим взглядом – казалось, она о чем-то крепко задумалась.

Дойдя до магазинчика, в котором продавалось женское нижнее белье, длинноволосая девушка вдруг остановилась как вкопанная, увидев прямо перед собой другую юную, еще младше себя, особу женского пола, – на вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, и одета она была явно не по декабрьской погоде, а лишь в джинсы, голубой топик и кроссовки. Среднего роста, гибкая и длинноногая, с темно-русыми короткими волосами, обрамляющими симпатичное подвижное лицо, и необычайно яркими зелеными глазами.

Ничего особенного – подросток как подросток, только в одежде не по сезону. Правда, если бы длинноволосая оказалась вчера в клубе «Горячая сковорода», около комнат для гостей номер три и четыре, она бы всенепременно узнала эту юную леди.

Девушка беззлобно грозила кулаком в воздухе и разговаривала сама с собой звонким чистым голосом:

– Нет, ну вы посмотрите на этих идиотов! Я столько сил приложила, чтобы они встретились, а они! Увидели друг друга и начало-о-ось в колхозе утро! А ведь вроде бы взрослые люди. – Она в порыве чувств заправски ударила одной сжатой в кулак рукой по ладони другой, явно показывая степень своего разочарования и негодования.

Вторая девушка, светловолосая, чуть приоткрыв рот, во все глаза смотрела на нее, но девочка-подросток, казалось, этого не видит и продолжает разговаривать сама с собой, жалуясь на каких-то двух «дегров», которым начихать на собственную судьбу».

– А я, бедняжка, вместо того, чтобы успокоиться, вынуждена бегать вокруг, как савраска, и организовать им встречи, – продолжала возмущаться девчонка. – Как будто бы я им тут сваха заправская! Не-е-ет, два дебила – это сила!

Она смешно ругалась, не обращая внимания на реакцию людей. А этой реакции и не было – казалось, зеленоглазую девочку-подростка с удлинненным каре никто, кроме девушки, облаченной во все белое, и не видит. Люди просто проходили мимо, словно не слышали громкого нервного девичьего голоса. И они не делали вид, что не видят. Они и правда не видели.

– Нет, они специально меня провоцируют! Как вообще так? Как можно было устроить такой цирк имени Кащенко? Два узла уже завязала, а толку?!

Девушка в белом перевела вдруг взгляд на ноги ругающегося подростка и вдруг зажала рот трясущейся тонкой рукой – пальцы ее были холодны как лед. Между мраморным серо-матовым полом и подошвами светлых кроссовок с ярко-синими, под стать джинсам, шнурками, было расстояние – сантиметров десять или чуть больше. Подросток не стояла на полу, она парила, легко, беззаботно, совершенно не обращая на это внимания, продолжая забавно злиться на кого-то. Переполненный ужасом взгляд длинноволосой она заметила не сразу,

но как только заметила, все поняла. Глаза ее округлились от удивления и даже аккуратный, как красная вишенка, ротик чуть-чуть приоткрылся.

– Упс, – сказала девчонка, подергав себя за лямку легкого топики. – Меня видят, надо же.

Она спешно помахала девушке в белом, которая продолжала с ужасом в глазах зажимать рот рукой, и просто-напросто растворилась в воздухе, заставив длинноволосую потерять сознание.

В это время, совершенно не замечая ничего сверхъестественного, к магазинчику женского белья быстрым шагом направлялся высокий черноволосый молодой человек в удлиненном черном эффектно расстегнутом пальто. Увидев, что прямо перед ним неожиданно упала на пол молоденькая девушка, он резко остановился, побросал покупки, правда, очень аккуратно, после опустился перед свалившейся в обморок, послушал пульс, убедился, что она дышит, и поднял ее на руки. Под настороженный шепот столпившихся вокруг людей, он отнес ее на деревянную лавочку неподалеку и присел на корточки рядом, доставая телефон – большой сияющий черный айфон, чтобы, видимо, позвонить в «Скорую». Однако сделать этого он не успел, поскольку длинноволосая очнулась – парень не успел даже похлопать ее по белым щекам. С трудом открыв глаза, девушка с некоторым трудом сфокусировала взгляд на взрослом brunete, склонившимся перед ней. В ее голове тут же запульсировала ярким огненным светом мысль – а он-то живой или тоже... тоже умеет летать и исчезать в воздухе?!

Оказалось, что парень совершенно живой. И очень добрый.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он. Его голос был красив – очень глубок, и по девушке пробежала вдруг внутренняя дрожь. Она сглотнула, глядя ему в темно-ореховые глаза, в которых видела искреннюю заботу. Длинноволосая отлично умела читать чувства, и от того, что этот совершенно чужой человек беспокоился о ней, ей стало тепло.

– Х-хорошо, – прошептала девушка.

– Я сейчас «Скорую» вызову.

– Нет, нет, не надо – запротестовала она, вспомнив призрака. Если узнают, из-за чего она упала в обморок, ее же в психушку отправят! Никто не поверит, что она видит потусторонних существ! – Со мной такое бывает. У меня эта... как ее... анемия... Это не страшно, просто я падаю иногда.

– Понятно, – понимающе протянул спаситель. – А ты меня здорово напугала! Как тебя зовут?

– Мира, – девушка сглотнула.

– Какое запоминающееся имя. А меня Егор, – улыбнулся ей неожиданный спаситель и продолжил расспросы: – Сколько пальцев?

Он показал ей открытую ладонь.

– Все, – чуть смелее улыбнулась Мира.

– Правильно, – в ответ улыбнулся Егор. – И часто в обмороки падаешь, Мира?

– Иногда, – отвела взгляд в сторону девушка. Руки у нее дрожали и до сих пор были очень холодными, как будто бы она держала их в снегу. Они всегда становились ледяными, когда рядом были такие, как та девочка-подросток, висевшая в воздухе. Почти каждый раз Мира теряла сознание – так страшно ей было. Она ведь знала, что это за существа. Это те, кто находится между мирами. Это не люди, это осколки их душ, бродящие среди живых.

– Доктор сказал, это все из-за переходного возраста, – вновь поспешно и невпопад выпалила Мира, чтобы не пугать Егора. Подумает еще, что она какая-нибудь больная и заразная! – Поэтому падаю иногда... Ничего страшного!

Она попыталась встать, и у нее это получилось только с помощью парня. Почувствовав тепло его руки, девушка убедилась на сто двадцать процентов, что он живой – такими теплыми были его пальцы.

– Голова кружится? – как-то определил Егор.

– Есть немного, – призналась девушка и случайно посмотрела в то место, в котором видела призрака. Она вдруг смутилась, поняв, что ее, кажется, несли на руках – этот взрослый красивый парень с заботливыми глазами и теплыми руками.

– Ты одна здесь?

– Одна... – Мира пришла сюда посмотреть платье на выпускной – заранее, хотя до него еще было больше, чем полгода. Ей вообще нравилось бродить по магазинам, да и по улицам тоже – главное, быть подальше от дома, где она, наверное, всегда будет чужой после смерти бабушки.

– Езжай домой, – велел ей Егор. – Возьми деньги на такси, – он вдруг протянул ей несколько купюр. – И обязательно купи шоколад. Окей? А, да, вот визитка с номером хорошего такси. На попытках ездить не стоит.

Мира несмело, не веря в происходящее, взяла в руки деньги и визитку, с недоумением глядя на Егора, который, кажется, был лет на десять старше ее.

– Да-да, у меня комплекс старшего брата, – рассмеялся молодой человек. – Все, малышка, мне пора, меня ждет братик, который из-за своего скверного характера попал в беду.

И он ушел, оставив девушку в недоумении. Глядя на его широкую спину, Мира вдруг почувствовала, что хочет улыбаться. Пальцы ее наконец-то стали теплыми – как и его. На миг ей показалось, что случайный незнакомец подарил ей свое тепло.

А через несколько секунд на ее глазах цвета светло-голубого речного январского льда появились непрошеные слезы – стало невероятно обидно, что больше никогда она этого парня с чудесными темно-ореховыми глазами и с красивым именем Егор, не встретит. А если и встретит, то что? Ничего не будет. Остается лишь радоваться, что такие отзывчивые люди, как он, еще остались.

Мира встала и, чувствуя легкое головокружение, пошла прочь, боясь оглянуться.

* * *

Настя поспешно ушла, а вот Ярослав уйти никуда не смог – он и хотел, но ему не позволили. Муж женщины, к которой он умудрился забежать в примерочную, отпускать его не желал, даже несмотря на уверения парня, что никакой он не извращенец.

– Давай-ка разберемся, – угрожающе сдвинул он брови, подходя к молодому человеку, который уже проклинал все на свете, когда решил побегать за этой идиоткой.

Яр глянул на мужчину с недоумением и великим раздражением – так смотрят на королю лепешку, в которую по чистой случайности наступают парадной обувью, но промолчал. Зато тот оценил силу его мрачного взгляда и завелся еще больше, решив, что «смазливый сосунок» над ним издевается.

– Еще и смотрит! – вызверился мужчина. Его супруга, женщина дородная и яркая, чуть-чуть напоминающая симпатичного колобка в белом парике, тут же закивала – взгляд наглеца, забежавшего в примерочную, в которой она была, ей тоже не нравился.

– Я не могу не смотреть, – вежливо ответил парень. – Это мое физиологическое свойство. – Правда, когда я увидел вашу жену, чуть не ослеп. – Иногда Яр не мог прекратить нарываться. И вообще, он не понимал проблему – когда он случайно вбежал в примерочную и чуть не столкнулся с женщиной, стоявшей там, то и сам несколько опешил, искренне

думая, что в кабинке прячется та девица из клуба, однако женщина была уже почти одета, и ничего такого он не видел. И слава богу, что не видел!

– Нет, мы сейчас с тобой точно поговорим! – попробовал схватить Ярослава за много-страдальный капюшон мужчина, но молодой человек ловко увернулся от его рук.

– Давайте успокоимся и все мирно решим, – раздался взволнованный голос продавщицы, но ее никто не слушал.

– Чего вы к мальчику пристали? – вдруг заступилась за Яра какая-то женщина, как оказалось позднее, та самая, которая была в соседней примерочной и которую тоже ждал муж. – Он, наверное, перепутал просто, не в ту примерочную забежал.

– А что, – язвительно отозвалась первая тетка, явно не слишком обремененная манерами, – он должен был к тебе забежать, что ли, и перепутал кабинки?

– Эй, уважаемая, полегче с моей супругой, – ту же встрял благоверный второй тетки. Если первая женщина могла похвастаться весьма дородным телом и пышными формами, то вторая казалась чересчур худощавой и даже чуть-чуть высохшей. Яр тут же просек это различие, и ему даже стало смешно. Рядом друг с другом они выглядели забавно.

– А ты моей жене не указывай, полегче ей быть или потяжелее! – тут же перевел всю агрессию с молчащего Яра на мужчину муж первой тетеньки.

– Ей бы лучше полегче, – брякнул парень, иногда не знающий, что иногда лучше помолчать, – слишком тяжелая.

– Сопляк! – вновь разошлась дама, к которой он посмел заглянуть в примерочную. Ярослав явно ударил ей по больному месту. – Как ты смеешь? Да как тебя родители воспитывали?

– А ваша жена пусть моей не хамит! – продолжал муж худой тетки.

– Чертов интеллигент! – расхохотались ему в ответ.

– А вы – козел, – дрожащим от праведной ярости голосом заявил мужчина.

– Ах ты, недоумок, – тут же перешла в новую атаку полная женщина, одну руку уперев в бок, а второй воинственно размахивая. Видимо, они с супругом до последнего защищали друг друга. – Да ты на свою морду посмотри – ни дать ни взять козлиная!

– А у кого-то – поросычья, – встряла тут же худая тетка. – Боже мой, боже мой, что за быдло тут собралось?

– Ах ты, мумия скелетосочная! Ты кого быдлом обзываешь?! Я, между прочим, в администрации работаю!

– А больше похоже, что в сельпо.

– Эй, мужик, ты утоми свою женушку-то. Я женщин не бью, а ей так и хочется вмазать. Я тебе вместо нее вмажу, понял?

– Хамло! Я сейчас милицию позову!

– А нет уже твоей милиции! Сейчас полиция!

– А мне разницы нет! Заявление напишу на вас!

– Дорогие клиенты, пожалуйста, успокойтесь, – с мольбою в голосе взывала к ним продавщица, но тщетно.

Виновник случившегося вновь скромно стоял в сторонке и с мрачным удовольствием наблюдал за происходящим, сложив руки на груди. Была у этого парня одна особенность – он часто выходил сухим из воды, даже если являлся зачинщиком конфликта, да и вообще умел как-то так влиять на людей, что они редко считали его в чем-то виноватым и не могли долго злиться. А еще он как-то совершенно интуитивно умел сталкивать людей, делая их едва ли не врагами. Впрочем, и положительные качества у него были – если нужно было, Ярослав мог развеселить даже самую хмурую толпу и настроить ее на позитивный лад. Этот парень умел отлично управлять настроениями людей, не прикладывая к этому больших сил.

Сейчас о нем, кажется, забыли все – даже оскорбленная тетка. Она была полностью увлечена горячей перепалкой на четверых. Даже продавцы не могли вставить в нее ни слова, только лишь глупо моргали, глядя на этих ужасных клиентов.

Ярослав, поняв, что этим сумасшедшим теперь не до него, змейкой выскользнул из магазина и нос к носу столкнулся с братом в том самом месте, где только что раскидывал мишек, вытащенных из капюшона.

– Вот ты где! – явно обрадовался Егор, но тут же строго нахмурился. – Немедленно в машину! Ты что себе позволяешь? Зачем украл? Зачем стал убегать от охраны? От большого ума? – он легонько постучал двумя пальцами по затылку Яра.

Младший брат стрельнул в родственника злым обиженным взглядом.

– Я ничего не крал. Эта та девка, за которой бежал, подсунула мне ваши идиотские брелки.

Судя по звукам, доносившимся из магазинчика, откуда Ярослав только что вышел, там началось рукоприкладство. Зеленоглазый довольно хмыкнул и только что не потерял руки.

– Так, в машину, – велел Егор, понявший, что нужно отсюда немедленно уходить, и первым стремительно направился к лестнице. Девчонка с необычным красивым именем Мира уже куда-то исчезла, и почему-то молодой человек почувствовал легкую досаду. – Разберемся дома.

– А что разбираться-то?

– Так ты зачем брелки украл? – спросил Егор. В его голосе не было злости, только искреннее любопытство.

– Еще раз говорю. Мне их подложили, – на ходу процедил сквозь зубы его младший братик, откидывая русые пряди со лба. Выглядел он весьма раздраженным. А кто бы не выглядел раздраженным, если бы ему чуть ли не за шиворот закинули целую горсть каких-то девчачьих брелков в виде развеселых и разноцветных медведей с выупленными глазами?

– Кто? – еще более внимательно посмотрел на него черноволосый Егор. Взгляд его темных, как крепкий кофе без молока, глаз был ироничным. – Дибук?

Ярослав скрипнул зубами, но промолчал.

Он с детства отличался нестандартным мышлением и большой оригинальностью. Если все дети уверяли, что к ним приходят бабайки, призраки, чудовища, Бабы-яги и Кошечки Бессмертные или просто невидимые друзья и инопланетяне, то Яра посещал не кто иной, как дибук. О нем любопытный Ярик в раннем подростковом возрасте узнал от друга семьи, кандидата наук и доктора философии, уважаемого профессора государственного университета. Однажды вечером, когда профессор засиделся у них в гостях допоздна, одиннадцатилетний Ярослав, которого родители отправили в свою комнату смотреть сны, устроил небольшую истерику на тему того, что он хочет спать со светом.

– Я боюсь без света, боюсь, – твердил он, размазывая по щекам слезы обиды и страха. В детстве этот мальчишка часто и много плакал. – Он опять ко мне придет!

– Кто же? – поинтересовался на беду всех домочадцев уважаемый профессор.

– Тот, кто меня душит ночью, – серьезно и даже как-то немножко важно сообщил ему мальчик, воинственно сверкая зелеными глазами.

– Душит? А ты в это время не можешь пошевелиться? – уточнил мужчина. – Так?

– Так, – кивнул испуганно Ярослав.

– А не кажется ли тебе, что кто-то ходит или рычит?

– Кажется! Что кто-то ходит! Поэтому я буду спать только со светом! – выпалил мальчик.

– Это к тебе дибук приходит, – тут же заявил профессор, мигом смекнувший, что у ребенка приключается сонный паралич – состояние, когда тело еще спит, а мозг уже проснулся, сопровождаемое галлюцинациями, а также чувством удушья. Этот ученый муж

хоть и был умным человеком, понятия не имел, как надо воспитывать маленьких детей, и ему проще было все спихнуть на таинственного дибука, чем рассказать про сонный паралич.

– И кто это? – с опаской спросил Ярик.

– В еврейской мифологии это неупокоенный дух, который приходит к тебе по ночам и высасывает из тебя жизненную силу, – обрадовал пацана профессор и зачем-то показал ему козу, явно забыв о возрасте. Если бы в этот момент рядом были родители Ярослава, они бы, естественно, опровергли теорию о том, что к их сыну приходит некий загадочный дибук, но, увы, в то время они находились в соседней комнате – их другой ребенок перевернул и разбил вазу с цветами, и они поспешили на место происшествия, оставив гостя с хнычущим младшим сыном.

– И как мне от него избавиться? – большими зелеными глазами посмотрел на довольно ухмыляющегося профессора мальчик.

– Просто не спи на спине, – посоветовал тот, зная, что сонный паралич чаще всего происходит тогда, когда человек спит именно на спине. – И тогда он ничего тебе не сделает.

Прошло некоторое время, прежде чем Ярослав перестал верить в дибука, но домоладцы, которым хнычущий Ярик рассказал теорию о дибуке, все равно время от времени подтрунивали над ним. Тем более что на спине он до сих пор не спал.

– Достали меня со своим дибуком, – огрызнулся Яр и сейчас. Егор хмыкнул.

– Ты бы хоть поблагодарил меня за то, что я спас тебя от охраны.

– И как ты спас? – поинтересовался младший брат.

– Совершил преступление!

– Чего?

– Дал взятку, как еще. Эффективное средство. Сказал, что ты – не в своем уме с детства, они и поверили. Впрочем, трудно было не поверить, что ты слегка с приветом, – рассмеялся Егор, широким шагом направляясь к одному из боковых выходов из торгового центра – до центральной входной группы, самой большой и нарядной, оформленной колоннами, идти было далеко.

Перед тем, как залезть в машину, дожидавшуюся братьев на забитой транспортом парковке перед «Венецией», которая считалась самым крупным торгово-развлекательным центром в городе, Ярослав, злой на весь мир, спохватился, что у него закончились средства на телефоне.

– Подожди, кину деньги через терминал, – хмуро сказал он старшему брату.

– Только не увяжись еще в какую-нибудь историю, – посоветовал тот, доставая брелок сигнализации. – Я уже устал от тебя сегодня.

– Очень смешно, – надулся тот и широким шагом направился через всю парковку к главному входу «Венеции».

Вновь войдя в торговый центр, парень подошел к ряду терминалов, расположенных неподалеку от огромного входа, и принялся за дело. Деньги на мобильник он закинул без проблем, однако совершил еще одну оплошность, стоившую ему несколько сотен, а может быть, тысяч, нервных клеток. После того, как парень ввел номер телефона, а затем опустил несколько купюр в купюроприемник, он очень неосмотрительно не забрал чек с собой. Тот выпал из терминала и остался сиротливо лежать на полу. Как только Ярослав, вновь ставший прямо на ходу писать в своем телефоне новое сообщение, удалился, сорвав восхищенные взгляды двух девушек, около терминала, зловеще улыбаясь, появилась Настя, которая еще не успела уйти из «Венеции» – она все еще дожидалась запаздывающую подругу.

Осторожно, двумя пальцами подхватив чек, в котором были указаны не только количество заплаченных денег, дата и комиссия, но и номер телефона, на который, собственно,

деньги поступали, она внимательно посмотрела в спину уходящему Ярославу, чуть покачав головой. Беспечность – один из врагов человечества.

Через пару минут парень, сидя в машине старшего брата, получил совершенно презабавнейшее сообщение с незнакомого номера: «Съел, умник? Никогда больше не встречайся мне на пути, Царевна Ярославна. И верни брелки обратно! Воровать – нехорошо».

Та самая девочка-подросток, которая висела в воздухе и которую видела девушка по имени Мира, плавала буквально у Насти за плечом. Зеленые глаза ее гневно сощурились, когда она увидела, как девушка, ухмыляясь, пишет на своем мобильнике-раскладушке эсэмэс-сообщение, адресованное хозяину чека.

Склонившись над плечом Анастасии, которая с силой тыкала на протертые кнопки мобильного, подросток закрыла лоб ладонью – точь-в-точь как небезызвестный капитан Очевидность.

– Дорогая редакция, я в шоке, – выдала призрачная девочка, глядя на ответное сообщение, которое гласило: «Я найду тебя, овца, и тогда ты пожалеешь, что родилась на этот свет. И не пиши мне больше. Иначе буду думать, что влюбилась».

«Ко-ко-ко», – со смехом стала набирать Настя на своей раскладушке.

– Серьезно, взрослые люди, а ведут себя не пойми как! – возмущалась та, которая умела летать, оставаясь невидимой для всех. – Блин, пора, – прошептала вдруг она, чувствуя зов. Глаза ее вспыхнули желтым теплым огнем. – Но я еще вернусь! А вы скоро вновь встретитесь! Третий узел – самый большой! – это прозвучало торжественно и серьезно.

Естественно, Настя, увлеченная сообщением, не видела ее, – она была простой девушкой, не смотрящий за пределы одного мира. А увидела бы – не просто упала в обморок, как Мира, а впала бы в кому. Ярослав, впрочем, тоже.

Желтый огонь в глазах стал пугающе лиловым, и девочка-подросток, закусив тонкую алую губу, исчезла, мгновенно растворившись в воздухе, и словно сама став его молекулами.

Ее последние слова были истинной правдой. Они, эти двое, Ярослав и Настя, вскоре, очень вскоре встретились вновь.

Ни одна камера в этом месте не зафиксировала эту девчонку. Торговый центр, этакий единый урбанистический организм, жил все той же жизнью, что и до ее появления в своих стенах. Все тот же шум, все те же запахи и краски и все та же плавно размеренная жизнь.

И ничего потустороннего.

* * *

После моего успешного побега от его превосходительства Принца всея Енотии, оставленного на растерзание покупательнице и ее супругу, я вполне успешно и очень быстро сделала ноги, позволив себе отдышаться только около центрального входа, состоящего из нескольких высоких и широких дверей, по обе стороны от которых, словно электронные рыцари, стояло множество платежных терминалов. Неподалеку от них примостились деревянные лавочки со спинками, между которыми находились большие горшки с невысокими пальмами. И на одной из этих скамеек я и примостилась, постоянно оглядываясь – нет ли неподалеку психа Ярослава. Он не появлялся, и я успокоилась и даже немного расслабилась, откинувшись на спинку лавочки и то и дело поглядывая на мобильник.

Хоть я и думала, что Алене придется меня ждать, но в результате ждать пришлось мне самой – подругу задерживали на работе, но она обещала скоро прийти и очень извинялась за опоздание.

«Буду ждать тебя около главного входа в «Венецию», на лавке», – написала я Алене.

«40 мин. и я буду, Насть! – тут же пришел ответ от нее, – у нас со стилистом проблема, поэтому все затянулось!»

«Все ок, – отвечала ей я, – я жду тебя».

Пока я сидела на лавке, допивая свою минералку, краем глаза увидела, что в дверях, которые сами собой раскрывались, стоило только человеку подойти к ним, появилась печально знакомая мне фигура, которую венчала не менее печально знакомая рожа, сейчас унылая и недовольная.

Чертов Ярославушка!

Моим первым порывом было желание вскочить и убежать, но я остановила себя – вдруг, если я поднимусь на ноги, дурачок увидит меня и решит еще раз погонять по всему торговому центру на потеху окружающим? Поэтому я осталась сидеть, где сидела, склонившись над сумкой так, чтобы пряди длинных волос падали на лицо – за недругом я наблюдала исподлобья. Я не боялась встретиться с ним еще раз, но он меня раздражал, а портить настроение вновь мне не хотелось.

Жертва комплекса принца, впрочем, никого не замечала. Ярослав быстрым шагом подошел к одному из терминалов, видимо, для того, чтобы оплатить какую-либо услугу. Наверное, он был занят только собой и своим новеньким телефоном, а потому ни на кого более не обращал внимания.

Сквозь пряди я видела, как парень набирает номер телефона на сенсорном экране терминала. Не без приступа раздражения запихав в купюроприемник деньги, которые совершенно не хотели покидать Ярочку, и вновь потыкав в экран, он степенно, с гордой осанкой, удалился, вновь прильнув взором зеленых наглых глаз к экрану телефона. Видимо, мальчик был так сильно занят сообщением, что совершенно забыл взять чек. Тот сиротливо валялся на полу.

В голову мне вдруг пришла веселая шальная мысль, которая заставила меня мстительно захихикать, уткнувшись носом в сумку, тем самым вызвав подозрительный взгляд у пары, сидевшей на соседней лавочке.

Как только Ярослав вышел прочь из торгового центра, я на всех парах бросилась к тому самому терминалу, около которого пару секунд назад он и стоял, прожигая взглядом непослушные купюры. Я подняла чек, воровато огляделась и торопливо убежала в противоположный конец торгового центра, к лавочкам, расположенным около одного из боковых входов. Там я с удобством устроилась на одну из них, достала свою потрепанную раскладушку и стала писать эсэмэску, испытывая почти садистское наслаждение. Да, по детски, да, глупо, но мне так хотелось сделать Ярославу хоть что-то еще неприятное, даже послать оскорбительное сообщение, что я была не в силах остановить себя.

Того, что Царевна Ярославна сможет найти меня, я не боялась – сим-карта была давным-давно зарегистрирована на несуществующую личность, а до того, чтобы найти человека по его мобильнику, мальчик еще явно не дорос – не его уровень.

Поиздевавшись вволю над праведно разгневанной Ярославной, спохватилась и посмотрела на время. Алена должна была уже подойти, хотя я совершенно забыла написать ей о том, что жду ее уже не около центрального входа, а около одного из боковых. Со мной крайне редко случалось, чтобы я что-либо забывала, хотя, с другой стороны, если бы Алена уже подошла к центральному входу и не обнаружила меня там, она бы мне уже названивала, логично же?

Я только подумала о том, что, наверное, стоит написать подруге о том, что я поменяла дислокацию, как вдруг совершенно случайно подняла голову и чуть не поперхнулась. В торговый центр со стороны бокового входа, на лавочке около которого сидела я, входила моя любимая подруга, одетая в приталенную кожаную курточку, из-под которой виднелась короткая обтягивающая юбка-карандаш, достающая до колен. Она была не одна, а под руку с высоким широкоплечим улыбающимся мужчиной лет сорока в брендовых очках-хамелео-

нах и в черном деловом костюме без галстука, поверх которого было небрежно накинуто стильное и, кажется, очень дорогое такое же черное пальто.

Сердце у меня опустилось, и я явственно слышала, как оно стучит – стучит тревожно, настороженно и беспокойно. Что Алена делает рядом с этим человеком, чьи холодные серые глаза смотрят на нее, как на свою собственность – как на одну из дорогих машин представительского класса, или на очередную элитную квартиру, или на породистого скакуна. Почему она смотрит на него так, словно он – мужчина ее жизни, и почему смеется счастливо, игриво прикрывая кончиками пальцев губы, выкрашенные в алый цвет? Что случилось? Как это произошло? Может быть, у меня галлюцинации?

Я, сжав ладони в кулаки, вновь опустила голову, пытаюсь закрыть лицо длинными русыми волосами, боясь, что они увидят меня, и боялась я куда больше, нежели в случае с Ярославом. Там был просто детский утомительный прикол, а здесь – серьезная взрослая ситуация, которая требовала от меня выдержки.

Сквозь пряди я видела, как широкоплечий мужчина в распахнутом пальто обнимает мою Алену, легко прижимая к себе и моментально выпуская из объятий, держа ее за оба предплечья. Он что-то сказал ей, она вновь улыбнулась, преданно глядя в глаза снизу вверх – как бы высока ни была моя подруга-модель, этот мужчина был намного выше ее – почти под два метра ростом и очень выделялся среди остальных представителей мужского пола. И хотя ему было уже немного за сорок, выглядел он отлично: дорого, стильно и представительно, как подобает удачливому бизнесмену, а потому с легкостью выиграл бы у восьмидесяти пяти, наверное, процентов юнцов.

Наконец, он договорил и улыбнулся Алене своей холодной фирменной улыбкой, которую многие женщины считают непревзойденной. Для кого-то она нахальная или властная, для кого-то – саркастичная или язвительная, а я вот точно знаю, что улыбается этот высокий человек в очках всегда одинаково холодно и неискренне, просто потому что прекрасно понимает, что улыбка – это общепринятая норма, которая помогает устанавливать контакт с другими людьми, на которых ему, в общем-то, глубоко наплевать.

Алена что-то ответила ему, и они, наконец, расстались. Мужчина в очках-хамелеонах, ласковым, но уверенным жестом все того же заправского собственника коснулся волос Алены, заплетенных в объемные сложные французские косы с алыми лентами – под стать выглядывающей из-под куртки стильной блузке, которую мы когда-то вместе выбирали в этом же торговом центре. А после он пошел вновь в сторону выхода широким уверенным шагом, не оглядываясь назад, а девушка какое-то время оставалась на месте, глядя ему вслед. Я же смотрела на подругу почти с ужасом и со злостью – не к ней, а к мужчине. Она с ума сошла? с кем она связалась?

Подруга, не видя меня, пошла прочь мимо многочисленных отделов и магазинчиков, по направлению к центральной входной группе, где, по ее мнению, я ее ждала, а я, вскочив с лавки, поспешила за ней.

– Алена! – крикнула я, быстрым шагом спеша к ней. – Алена!

Из-за шума, царившего в «Венеции» постоянно, девушка не сразу услышала меня, но когда услышала и обернулась на мой голос, глаза у нее были большие и удивленные, даже немного дикие, как будто бы я поймала ее на чем-то запретном. Она даже губу закусил – верный признак того, что нервничает.

– Насть, привет! – подошла она ко мне. – Ты тут? А я думала, что ты около центрального входа.

– Нет, я тут была... На лавке сидела, читала. Около центрального все заняты были, – солгала я, не желая рассказывать сейчас по Ярослава – если бы я не увидела сейчас подругу с этим мужчиной, я бы, конечно, поведала обо всем, но сейчас мне хотелось выяснить, что связывает его и Аленку.

– Понятно, – протянула подруга, держа прямо перед собой небольшую прямоугольную сумочку из черной кожи. Мне показалось, она чуть крепче сжимает плотные ручки сумки, чем надо. Я перевела взгляд на ее лицо – в голубых больших глазах, которые казались еще больше обычного из-за макияжа, стоял вопрос. Алена явно хотела понять, видела ли я ее с этим мужчиной или нет. И я решила ее не мучить.

– Ты меня по всему центру искала? – спросила я осторожно. – Я забыла написать, что пересела, извини.

– Нет, я только зашла через другой вход, который к стоянке ближе. Меня подвезли, – улыбнулась подруга и добавила искренне: – Один очень хороший человек.

– Ты нашла себе парня и не сказала нам? – я шутливо ткнула ее в бок локтем. Алена улыбнулась.

– Ты что, глупая, – сказала она, хватая меня под руку, как она обожала это делать. – Какой парень? Я пока еще ни в кого не влюбилась, а без любви, – тут она так серьезно взглянула на меня, что я перестала улыбаться, – я не могу встречаться с человеком.

– Я знаю, – кивнула ей я, чувствуя, как все во мне напрягается в ответ на ее слова. Какая же глупая ситуация. И неприятная – для меня. – Так кто тебя подвез?

– Мой дядя, – вдруг улыбнулась Алена. – Подбросил меня из студии к тебе. Недавно из Канады прилетел, у него же там бизнес свой, – добавила она.

У Алены действительно был дядя, который жил в Канаде – как-то пару раз она говорила о нем.

– Кстати, дядя привез мне классный подарок – духи и кое-какие украшения. – Подруга вытянула вперед руку, на которой красовался тонкий изящный браслет из белого золота, украшенный жемчугом, похожий на прелестную веточку с белыми лепестками, обхватившую запястье.

– Красиво, наверное, дорогой? – искренне произнесла я, хотя в душе у меня что-то перевернулось. Я остановилась, подняла голову и внимательно посмотрела в смеющееся открытое лицо подруги, пытаюсь понять, понимает ли она, что делает.

– Наверное, не знаю, – с любовью погладила украшение другой рукой Алена. – Мне безумно нравится. Ты же знаешь, как я люблю жемчуг и белое золото... М-м-м! Я так рада была этому подарку.

– У тебя классный дядя, – несколько отстраненным голосом произнесла я, понимая, что последнее слово я выговариваю с трудом. Меня опять просто-таки таращило от негативных эмоций. Да что за бред?!

– Да уж! Это точно! Очень хорошо зарабатывает в Америке. Зовет меня и брата к себе перебраться, представляешь? – она округлила глаза. – Но я не хочу. Мне и здесь нравится. Насть, что с тобой? – вдруг спросила она, чуть сощурившись – поняла, что со мной что-то не так.

– Мне кажется, я что-то не то съела, – произнесла я, прикоснувшись ладонью к животу. – Мне как-то нехорошо. Алеч, я в туалет сгоняю, – сказала ей я. – Подождешь меня тут, хорошо?

– Конечно, – она с тревогой посмотрела на меня, немного склонив голову. – Тебе сильно плохо?

– Нет, почти нормально, но... В общем, поддержи, – проговорила я, почти кинула свою сумку в руки удивленной Алены и быстро зашагала по направлению к туалетам. Мне действительно было нехорошо, но не физически, а душевно.

Алена сказала, что была со своим дядей. Но она солгала.

Это был не ее дядя. Это был мой дядя. Мой дядя из прежней, столь ненавистой жизни. Она сказала правду лишь о том, что ее настоящий дядя живет в Канаде – просто чтобы прикрыть свою ложь.

Я, добежав до туалета, подошла к раковине, включила воду, тщательно, с мылом, вымыла руки, а после стала плескать ледяную воду в лицо – этот способ всегда помогал мне успокоиться и хоть как-то привести нервы в порядок. Кое-как утершись бумажным полотенцем, я вытащила из кармана раскладушку. Чуть подумав, я вздохнула и стала набирать номер телефона единственного человека из прошлого, с которым общалась. И хоть созванивались мы крайне редко, он быстро ответил на мой звонок – не прошло и пары секунд.

– Настасья? – удивленно спросил мужской приятный тенор, и я поняла, что с облегчением вздохнула, уловив в нем нотки не только удивления, но и радости.

– Привет, Юра, – откликнулась я, видя в зеркале, как улыбаюсь.

– Привет, сестренка, – отозвался жизнерадостно Юра. – Давно я не слышал твой голос. Как жизнь?

– Хорошо. Надеюсь, твоя – тоже, – отозвалась я.

– Еще бы, – хмыкнул он. – У меня все окей. Чего ты мне звонишь ночью?

– У нас уже не ночь, а день, не забывай о разнице во времени, – наставительно произнесла я, даже и не подумав извиняться за столь поздний звонок. У Юры ночной образ жизни – даже сейчас на заднем плане играет громкая музыка и слышен веселый смех парней и девушек, он засыпает только под самое утро.

– А, точно. Все время забываю эту огромную разницу во времени! Настасья, что-то случилось? Ты просто так мне не звонишь, – спросил Юра у меня. Он, как и настоящий дядя Алены, жил в Западном полушарии, только не в Канаде, а в США, а еще точнее, в Лос-Анджелесе. Его мать думает, что Юрочка там усердно учится, а он отлично и со вкусом прожигает жизнь.

– Нет, мне просто нужно кое-что узнать, – сказала я.

– Узнай, – великодушно разрешил Юра.

– Где сейчас Тимофей? – я решила спросить прямо.

– Ого! Не ожидал, что ты будешь звонить мне посреди ночи – а, сорри, сорри, забыл, что у вас день! – с вопросом, где наш любимый дядя Тим, – захохотал двоюродный брат. Мне мигом вспомнилась картина из далекого детства, когда на большом совместном праздновании Нового года, в доме человека, называющего себя моим отцом, произошел курьезный случай, в ходе которого мелкий еще Юрка плюнул в тарелку ненавистному дяде Тимофею. Не просто так, а в наказание, ибо дядя выкинул его любимого робота, споткнувшись об него в холле. Правда, никто кроме меня и Юрки об этом до сих пор не знает, в том числе и наш дядюшка, так и не заподозривший неладное в своей тарелке с мясом, запеченным каким-то особым способом.

– Ага, любимый, – скривилась я, вспомнив дядюшку Тима, которого с детства не могла терпеть и боялась. Юрка тоже не пылал к нему особо яркими чувствами. Думаю, история с плевком в тарелку показательна. – Так где он?

– А я ему не нянька, чтобы знать, где он, – опять захохотал парень и вдруг завопил, как ужаленный, на ладном английском. – Синди, Синди, не смей меня щекотать! Ненавижу щекотку! – после он заржал, как сумасшедший, явно от кого-то отбиваясь. На заднем плане появился женский смешливый голос, который без остановки повторял: «Иди ко мне, иди ко мне, ну иди же ко мне!»

Я вздохнула, понимая, что после этого звонка буду разорена.

– Ты меня слышишь? – строго спросила я брата, продолжавшего ржать, и судя по тому, что его смех становился все менее и менее тихим, неведомая мне Синди оставила его в покое. Юра с детства боялся щекотки, как дурачок.

– Слышу. Блин, я чуть не умер!

– Перезвони мне прямо сейчас, – строго велела я Юрию и отключилась. Он послушался, и через несколько минут я вновь разговаривала с кузеном, который, кажется, прятался от назойливой Синди и еще какой-то девицы в ванной или в туалете.

– Ну, что ты хотела? – спросил меня он, – говори быстрее, они мне сейчас дверь выломают, озабоченные!

– Это ты там озабоченный. Опять дома тусовку устроил? – спросила я.

– Ага. Люблю веселье! Если у меня есть возможность пожить в Лос-Анджелесе и есть бабло, почему я должен быть грустным или угнетенным? Так что ты там хочешь узнать о Тимофеиче? – никогда особо уважительно не относился к дяде Юрка.

– Он в Америке?

– Не-а, он в Раше, уже несколько месяцев, в нашем родном замечательном городе, ведет кое-какие дела, – был в курсе семейных дел парень. Я же о них ничего не знала уже несколько лет. – А что?

– С мегерой разошелся? – задала я следующий вопрос, не отвечая брату.

– Боже, ты что, сошла с ума, Анастейша? Когда тебя это интересовало? – воскликнул удивленно Юра. Любит он коверкать мое имя.

– Ну, отвечай! – потребовала я.

– Нет, не развелся он с тетушкой Ирэн. Только, – тут он хмыкнул, – ты же знаешь, что ему постоянно нужны девочки. Свежая кровь. – Тут я не выдержала и хмыкнула, однако вспомнив Алену, моментально прикусила себе язык.

– Говорят, опять нашел какую-то, – продолжал Юра. – Модельной внешности. Это мне мать рассказывала. Ты же знаешь, она всегда мне все рассказывает, хотя мне глубоко по фиг. – Это было правдой. Моя тетка, мать Юрия, постоянно рассказывала ему все сплетни, связанные с нашей – нет, с их! – семьей. Звонила она ему часто, несколько раз в день и трепалась обо всем на свете, а Юрка не мог положить трубку или сказать, что занят – пока мамочка довольна им, он доволен своей жизнью в городе ангелов.

Услышав слова кузена, сердце у меня застучало с новой силой, глухо отдаваясь где-то в висках. Глупая Алена, с кем она связалась?

Нет, это конечно ее дело, с кем встречаться, и даже тот факт, что она лгала по поводу того, что в отношения вступит с тем, кого любит, меня не особо задевал, хотя да, было как-то неприятно осознавать, что это все просто вранье. Хотя я сама не святая. Но то, что из всех мужчин этого города подруга связалась именно с моим дядей, меня угнетало. Он, серьезно, не самый хороший человек, да и женат к тому же. А еще он вполне может узнать меня, а мне это совершенно ни к чему.

И как же теперь быть? Я ведь ничего не могу поделать, а бессилие я ненавижу!

– Зачем тебе это, систер? – поинтересовался Юра беспечно. – Собралась подставить дядюшку Тима перед тетей Ирой?

Тетя Ира – законная супруга дяди, первая и, наверное, последняя. По характеру своему она ничуть не лучше Тимофея, и я даже не знаю, если честно, как они живут вместе, терпя друг друга. Наверное, они никогда бы не сошлись, если бы не бизнес. Их брак произошел не по любви, а по самому расчетливому расчету, чтобы объединить две компании в большой холдинг. Тимофеем постоянно ходила налево, и об этом все знали, включая его драгоценную супругу. Ходила ли налево она, я не знала и знать не хотела, однако мне казалось, что измены мужа Ирину бесят, потому что ее в принципе раздражает все на свете, хотя на первый взгляд она кажется милой и улыбчивой. Меня, если честно, тоже многое напрягает, но до Ирины и ее жуткого высокомерного нрава мне далеко, как до созвездия Ориона. Однако тетю Иру я хоть и недолболюбиваю, но кое в чем ей очень благодарна.

– Он тебе как-то насолил? – допытывался Юра по мобильнику.

– Типа того, – не собиралась я ничего рассказывать про Алену. Но мысль рассказать обо всем жене Тимофея мне понравилась – Ладно, мне пора. Подруга ждет.

– Хорошенькая? – тут же обрадовался кузен. – Познакомь меня с ней.

– Спасибо за ответы, мне пора, – отозвалась я и, прежде чем он негодующие что-то завопил, я сбросила вызов.

Мрачно поглядев на себя в зеркало и запихав мобильник в карман джинсов, я двинулась по направлению к двери.

Я что-нибудь придумаю.

* * *

Алена проводила Настю чуть прищуренным взглядом голубых глаз и села на лавочку, как-то небрежно швырнув сумку Насти – обычную, не самую модную, слегка потертую, но вместительную – рядом с собой. Свою сумку – прямоугольную, аккуратную, с плоским дном и двойными ручками, недавно купленную в модном магазинчике, она положила куда более бережно. Поведение подруги ей не нравилось – это можно было понять, заглянув в красивое лицо с правильными мягкими чертами, а потому Алена была обеспокоена и еще почему-то очень зла. Достав из сумки овальное зеркальце и посмотревшись в него, убеждаясь, что с ее лицом и прической все в порядке, девушка вытащила из кармана кожаной куртки мобильник.

«Я уже скучаю по тебе, – печатала она, то и дело закусывая губу, – я так рада, что ты у меня появился, Тим.

И спасибо за браслет – он чудесный...». Отправив это сообщение, Алена, чуть подумав и вдруг усмехнувшись, стала набирать еще одно эсэмэс – только уже другому человеку.

«Привет, Жень! У меня к тебе есть просьба:)), – печатала она, все быстрее стуча ногами по экрану. Если бы Настя знала, кому Алена отправляет сообщение, она бы удивилась.

Ответ от второго адресата пришел быстро.

«Привет. Что случилось?» – лаконично гласило его послание.

«У меня полетел ноут:(Брат уехал и теперь некому починить его. Придешь ко мне завтра?» – почти с азартом написала девушка с французскими косами.

«Хорошо. Я свободен во второй половине дня».

«Часов в шесть пойдет?»

«Пойдет».

«Тогда жду тебя, Жень! Целую:**)», – обрадовалась девушка.

Допечатав это сообщение, Алена улыбнулась и откинулась на деревянную спинку скамейки. Улыбка у нее была не самой доброй.

Ее мобильник опять завибрировал, и девушка, потянувшись, как кошка, схватила его. В это сообщение она вчитывалась куда более жадно, чем в предыдущие.

«Не пиши мне, когда я на работе», – гласило оно сухо и обидно. Отправителем значился некий Тимофей.

Прочитав эти слова, девушка тяжело втянула носом воздух. Она перевела взгляд на дорогой браслет из белого золота с жемчугом, коснулась его кончиками пальцев и только тогда выдохнула.

– Бесит, – прошептала она вдруг и обхватила себя руками.

* * *

Из туалета я вышла с чуть влажными от воды волосами на лбу, но более-менее успокоившаяся и решившая, что делать. К Алене я по поводу ее тайного романа с моим дядей

приставать не буду – не думаю, что добьюсь успеха. К тому же раз она так тщательно скрывает их связь, вообще не вижу смысла указывать ей, что делать, или советовать, как быть. Она уже взрослая девушка и сама решает, как поступать. Я могу лишь только подтолкнуть ее в нужном направлении, не более, хотя, если честно, мне хочется схватить ее за плечи, трясти и орать, чтобы она одумалась и поняла, с каким человеком связывает свою жизнь. Но как бы мне ни хотелось, делать я этого не буду, ибо это совершенно бессмысленно. Вдруг она влюблена в Тимофея без памяти? А все влюбленные невозможны и просто-напросто не видят недостатков в своих вторых половинах. Тогда она меня не только слушать не будет, но и возненавидит. Откровенно с ней говорить о Тимофее тоже не стоит – она будет настаивать, что это ее дядя, а рассказать ей правду о том, что на самом деле это мой родственник, я не могу – сама очень сильно подставляюсь. Поэтому я поступлю по-другому, сжав все свои эмоции в кулак и включив на полную катушку логику и мысли.

Надо просто показать подруге, что она связалась не с тем человеком. А она уж пусть сама решает, как ей дальше поступать.

– Ну, как ты, Насть? – встретила меня Алена. Взгляд у нее был встревоженный.

– Все нормально, – улыбнулась ей я и забрала свою сумку, перекинув длинный ремешок через плечо. – Уже все нормально. Сильно после работы устала?

– Есть немного, – кивнула она. – с визажистом кошмар какой-то был. Она опоздала очень и в спешке всех нас красила, потому что студия была снята только на несколько часов. Но в результате все прошло нормально, мы задержались, но все успели, только я голодная и пить хочу очень!

Я молча достала ей свою недопитую бутылку с минералкой и протянула. Подруга улыбнулась, хотела было взять воду, но в это время завибрировал ее мобильник, и Алена была вынуждена ответить на звонок – кажется, звонили ей с работы.

Я, услышав ложь подруги, и бровью не повела. Сама достала свой телефон, не без удовольствия, смешанного с раздражением прочитала новое неожиданное сообщение от милашки Ярославны, которое царственно гласило: «Где ты, овечка? Развлекай же меня, мне скучно», и, проигнорировав его, стала писать друзьям, не хотят ли они сегодня собраться у нас с Даном, чтобы проводить меня, Алену и Алсу в последний школьный путь. То есть отправить завтра, в понедельник, на педагогическую практику в школу. Друзья хотели, и мы условились встретиться вечером.

Находившись с успокоившейся, кажется, Аленой по торгово-развлекательному комплексу до такой степени, что у нас слегка загудели ноги, мы поехали домой. Подруга вела себя как обычно, шутила, мило смеялась, с интересом рассматривала многочисленные витрины и носилась по магазинам в поисках нужных вещичек. Я тоже старалась вести себя непринужденно и свободно, хотя, нет-нет, мой внутренний голос все же задавался вопросом о том, зачем Алена лжет о том, что ни с кем не встречается? Какие на это у нее причины?

Вспомнив то, как она смотрела на дядю Тима, я содрогнулась. Нет, серьезно, не могла же подруга влюбиться в него? Он так запудрил ей голову? Или она считает, что раз он дарит ей такие подарки, значит, что-то чувствует к ней?

Домой мы приехали поздно. Во-первых, из-за внезапной пробки, растянувшейся, как резиновый дачный шланг, по главному городскому проспекту. А во-вторых, из-за долгого шопинга, в результате которого Алена обогатилась стильным пиджаком, парой кофточек и вязанным платьем, а я – целыми двумя футболками. Одна из них, свободная, длинная – почти до колен и оголяющая одно плечо мне безумно приглянулась с первого взгляда, как только я увидела ее на манекене. Белого цвета, с изображением симпатичного аниме-мальчика с сине-голубой гривой волос, она очень умиляла меня, и я схватила ее, даже не посмотрев на цену, хотя магазин, в котором она продавалась, был не самым дешевым.

Наверное, кому-то покажется странным, что я часто задумываюсь о деньгах и не хочу покупать дорогие вещи. И это не потому, что я – прижимистая скряга или злодейская жадина. Я всего лишь знаю цену деньгам. Для чего покупать ерунду или переплачивать непонятно за что? Деньги всегда можно потратить с куда большим умом. Однако с другой стороны, если дело касалось моих друзей или помощи нуждающимся, я могла отдать все, что у меня было.

Однако все оказалось не столь печально. Футболка, так понравившаяся мне, продавалась со скидкой, поэтому я приобрела ее с легкой душой. А придя домой, тут же переделалась в нее, почувствовав себя невероятно уютно.

– Как-то странно у вас, не находишь – повернулась ко мне Алена, как только мы зашли в квартиру.

Я находила. В доме действительно творилось что-то необычное. Во-первых, нигде не горел свет – исключением было лишь слабое мерцание то ли свечи, то ли фонаря в большой комнате, которая называлась у нас гостиной, хотя по сути была моей. Во-вторых, в воздухе витал терпкий, довольно тяжелый запах шалфея и чего-то еще незнакомого мне, но слегка дурманящего. А в-третьих, было подозрительно тихо, хотя я точно знала, что у нас гости – судя по многочисленной обуви в прихожей, которую осветило моментально включенное мною электричество.

– Чудеса какие-то, – проговорила я изумленно, разуваясь и снимая верхнюю одежду. – Они с ума сошли?

– Кто их знает, – пожала плечами Алена, стоя у зеркала и поправляя свои шикарные косы.

– О, девчонки, – вышел нам навстречу Дан, как-то подозрительно улыбаясь и щурясь от яркого света. В зале недовольно зашуршали. – Привет, красотки.

– Привет, красавец, – отвечала я другу. – Что тут происходит?

– О-о-о, тут целый дурдом на выезде в нашу квартиру прибыл с мигалками и медведями на мотоциклах, – живо отозвался Даниил и доверительным тоном сообщил мне и Алене: – Тут, знаете ли, Олег наш устраивает особое цирковое шоу.

– Какое еще шоу? – не поняла я.

– А вот такое. Проводит мастер-класс по вызову духов, – с откровенно ехидной улыбкой произнес парень, подперев плечом косяк.

– Да? – удивилась Алена. – И как, успешно?

– Не очень. Нам, вернее, Темным Силам надоело вас ждать, опаздашки, и он только начал вызывать потусторонних существ. Вернее, стал готовиться. А тут и вы явились. А я уже думал, что к нам духи приперлись. – Даня хмыкнул. – Обрадовался. Едва слезу не пустил.

Алена тихо рассмеялась, я печально вздохнула. Темные Силы у нас парень веселый, азартный и совсем чуток помешанный на магии. Не удивлюсь, что когда-то он тоже ждал письмо из Хогвартса. Хотя никогда в этом не признается.

– Видели бы вы его, чернокнижник фигов. Если бы я был духом, я бы к нему за километр не подошел бы, – продолжал Дан.

– Темных Сил и живые люди часто избегают, – возразила я, и Алена согласно покивала, без слов поддерживая меня. Я мельком взглянула на нее, дав себе обещание сделать то, что я задумала.

Дядя Тим все еще стоял у меня перед глазами.

– Ну, долго вы там? – заорал из гостиной недовольный Олег. – Давайте быстрее, у нас тут спиритический сеанс! Выключайте ваш свет и идите сюда!

– Он не наш, – мигом заартачилась я, – он всенародный. И вообще мы сначала руки помоем и мороженое в морозилку запихаем.

– Начинается, – проворчал довольно громко Олег. – Быстрее давайте!

– А то что?

– А то он плакать будет, – весело закричал из глубины комнаты Женька, и через секунду появился в прихожей, радостно мне улыбаясь. Я тут же почувствовала себя чуть-чуть счастливее. Может быть, у нас с ним что-нибудь получится?

– Давай, Насть, присоединяйся к нам, – шепнул мне парень, поглаживая короткий темный ежик волос на голове и неотрывно глядя на меня. – Я никогда не был на спиритических сеансах. Кажется, это весело.

– И неизбежно, – отозвалась я, подумав, что, наверное, здорово бы было, чтобы Женька вот так погладил по волосам не себя, а меня.

– Неизбежно, – согласился Хирург. – Этого придурка только посланники Армагеддона остановят.

– Чего вы там телитесь? – заорал Темные Силы вновь. Если этот парень чего-то задумал, его уже не остановить. – Давайте-давайте, активнее шевелите колготками!

Сгоняв в ванную комнату и на кухню, а после переодевшись в обновку с изображением аниме-парня, я осторожно вошла в большую комнату, где уже собрались все мои друзья. Картина мне открылась, конечно, дикий. В комнате было темно, и единственными источниками света служили шесть свечей, оранжево-красное пламя которых то и дело нервно мерцало, отбрасывая причудливые тени на лица ребят, сидевших, поджав ноги, в центре комнаты вокруг невысокого круглого журнального столика на колесиках. На его прозрачной поверхности лежал большой, почти полметра в ширину, плотный, порядком потрепанный лист бумаги, с нарисованным по центру здоровенным кругом, внутри которого красовался еще один круг, раза в три меньше. По периметру большого круга я не без удивления обнаружила написанные от руки алфавит и цифры от нуля до девяти. В маленький круг был заключен какой-то мудреный, чуть кривоватый символ – наверняка мистический.

Парни и девушки, сидящие вокруг стола со спиритическим, как я поняла, кругом, напоминали мне сейчас заправских сектантов во главе с непревзойденным магистром магии и дурости Олегом, который, кажется, чувствовал себя в своей стихии. Он сидел прямо напротив дверного прохода, в котором стояла я, поэтому я оценила всю прелесть его вовлеченности в мистический процесс. Сжатые в тонкую темную из-за игр света полосочку губы, сверкающие чем-то потусторонним глаза, похожие на темные впадины, зло, чуть высокомерно вздернутый подбородок. На голове капюшон застегнутой наглухо темной кофты с замком спереди. В одной его руке была седьмая свеча, в которой, как впрочем, и во всех других я опознала свои собственные декоративные свечи, подаренные кем-то на Новый год, а в другой – светло-зеленое фарфоровое блюдо. Его Темные Силы усиленно коптил, рисуя импровизированную стрелку-указатель, проигнорировав услуги валяющегося на полу черного маркера, которым, видимо, совсем недавно мистический круг для вызова духов и был нарисован.

Противный, но стойкий запах шалфея в этой комнате был наиболее сконцентрирован, и я даже чихнула. Все тут же обернулись в мою сторону.

– Так, – увидев меня, заявил Олег, тыльной стороной ладони убрав лезущие в глаза черные волосы, – значит, ты, детка.

– Что я? – внимательно посмотрела я на друга с усмешкой.

– Снимай с себя все металлическое, – велел Темные Силы важно, продолжая самозабвенно коптить фарфоровое блюдо. – А потом садись к нам. Отключи звук у мобилки. Шум не поднимай, веди себя прилично и тихо, мертвецы не любят глупостей и беспричинного смеха.

– Почему, монсеньор некромант? – только и спросила я, снимая с шеи цепочку с металлическим кулоном в виде четырехлистного клевера, а после отключая звук телефона.

– Они могут подумать, что ты смеешься над ними, и обидеться, – отвечал Олег так, словно с ним такое происходило уже сотни раз.

– Они же мертвецы, – пожала плечами Ранджи, которую все это, видимо, тоже забавляло. – Они не могут обижаться.

– Это ты так думаешь, – хмыкнул наш штатный маг. – Давай-давай, Наська, садись, не тяни kota за пуповину. И не поднимай шум. Тут настроенные, – важно добавил он, – особые энергетические вибрации, которые помогают приманить духа.

– Приманить? – спросила я. – Мы что, охотники, а они – утки?

– Сядь уже, – зыркнул на меня выразительными темными глазами парень. В свете его лицо стало еще более острым и мрачным, чем прежде, придавая ему какие-то вампирские черты, но я все равно знала, что этот тощий невысокий парень с симпатичным, но хищным личиком не причинит мне вреда. В своих друзьях я не сомневалась. Они же были моими друзьями. Самыми близкими людьми.

– Хорошо, барин, как скажешь. Я скептически оглядела журнальный столик, около которого ребята и так тесно друг ко другу сидели, и примостилась около Алены и Жени, касаясь его плеча своим. Мне неожиданно понравилась мысль, что мы так тесно сидим друг ко другу. Кажется, Хирургу тоже. Мы вновь переглянулись.

Эй, парень, давай ты будешь активнее?

– Значит так, – наконец, справился со свечой и фарфоровым блюдцем Темные Силы, оставив на нем черную косую отметину, призванную быть стрелкой. – Для опоздавших. – Он обвел острым пристальным взглядом меня и Алену. – Мы проводим спиритический сеанс. Поясняю – спиритический, это когда медиум вызывает духов умерших людей.

– А ты медиум? – тут же спросила я.

– Есть немного, – подмигнул мне Олег. – Это, – он кивнул на круг с алфавитом и цифрами, – мною лично нарисованный спиритический круг для вызова духов. А это, – он потряс в воздухе блюдцем, – штука, которая будет двигаться и указывать нужные буквы, когда дух начнет отвечать на наши вопросы.

– Что, прямо-таки сама будет двигаться? – спросил Женька с любопытством и огромным недоверием. Я чувствовала сквозь тонкую ткань своей футболки его горячую руку и готова была улыбаться.

– Духи будут водить по кругу, – важно отозвался Темные Силы, грея теперь внутреннюю сторону блюдечка пламенем седьмой свечи, поставленной им на стол, но за пределы магического круга. Не зря он себе такую кличку заработал, ох, не зря. – Или вы не верите в их существование? – парень одарил каждого из нас персональным взглядом человека, который знает великую тайну и которому очень жаль, что мы не можем быть к ней приобщены.

– Верим, – лениво отозвалась Алсу, которая тоже обожала все эти мистические штучки – не просто так же они с Олегом спелись.

– Да как в это можно верить? – высоко поднял брови Дан, сидящий напротив меня. Он только что у виска не покрутил, глядя на все приготовления к таинству гадания.

– Вот так, не нравится – вали, – резко отвечал Темные Силы, колдуя со свечой и блюдечком. – Пока тебя в жертву не принесли.

– Невежа ты и хамло, – заявил Даниил, впрочем, ничуть не обидевшись.

– Зато ты у нас образец добродетели, бро, – тут же отозвался Олег. – Так, народ, еще раз – во время сеанса не ржать, не строить кислые мины, не тупить и не спать. Слышишь, Ранджи? – прикрикнул он на доселе молчавшую темноволосую девушку, которая привалилась спиной к дивану.

– Слышу, – отозвалась она сонно. Наверное, устала после тренировки.

– В сеансе буду участвовать я, как медиум, и еще двое человек.

– А почему не все? – тут же полюбопытствовала я, в уме проворачивая схему задуманного с Аленой, которая, казалось, была полностью увлечена процессом.

– Дурацкие вопросы тоже не задавать, – погрозил мне пальцем друг. – Потому что нам всемером неудобно будет блюдце держать. Трое общаются с духом, остальные смотрят. Спрашивать, что волнует, будете по очереди, чтобы духи вам ответили.

Даниил захихикал, я тоже не могла не улыбнуться. Бедный Темные Силы! Он что, верит, будто бы к нам могут прийти потусторонние сущности? Которых, скорее всего, вообще не существует в природе. Но если он верит, что придут, посмотрим и поприкалываемся. В дружеском кругу полезно заниматься ерундой. Это сближает. Понимание, что не ты один ненормальный и друг ничем не лучше, – ценно.

– Теперь надо решить, чей дух мы вызовем, – оповестил всех Темные Силы, продолжая греть пламенем блюдце. Он явно был в предвкушении.

– Пушкина! – радостный вопль ехидного Дая заставил Олега поморщиться.

– Фигушкина, – презрительно выплюнул нам медиум. – Без шуток.

– Петра Первого, – тут же вставила я, стремясь поддержать Дана. Мне было смешно.

– Нет, Екатерину Великую хочу, – мгновенно сориентировался приятель.

– Извращенец, – покачала головой Ранджи. – Она же умерла. Зачем ты хочешь мертвого человека, Дан?

– А мне всегда Елизавета нравилась, – поддакнула Алена с невинным видом.

– Крутая женщина! А давайте кого-нибудь посовременнее вызовем? – предложила я.

– Кого, Сталина? – спросила Алсу с усмешкой. Я знала, что подруга питает слабость к тоталитарному режиму, а дома у нее есть целая небольшая коллекция о тиранах и деспотах всех народов и исторических эпох, от античного Поликарта до итальянского Муссолини. Еще в ее коллекции были книги с биографиями выдающихся, ярких, но жестких правителей вроде Александра Македонского, Цезаря, Екатерины Медичи, Влада Цепеша, Петра Первого и прочих.

– Ты бы еще Гитлера предложила, – хмыкнул Женька, а я тут же вспомнила Адольфа Енотыча и его усы. А он в тот момент был очень смешной. Жаль, никто не успел снять наше общение перед клубом на камеру.

– Они слишком кровожадные, – запротестовала я. – Надо кого-то более человеческого. Людей искусства. Коко Шанель? Или Мэрилин Монро. Отличная идея! Вот у меня спросят, что я вчера делала, а я скажу, что разговаривала с Мэрилин. – Я мечтательно закатила глаза. – Мэрилин, приди! – завывала я, имитируя голос профессионального медиума. – О-о-о, вижу, вижу, как передо мной показалась чья-то тень! Чье-то лицо! Оно смотрит на меня! Смотрит! Пытается что-то сказать! Денег... денег, говорит, дай! – прохрипела я и протянула вперед ладонь.

– Настена, помолчи, а? – предложил мне Олег, гневаясь.

– А как вам Фредди Меркьюри? – мне действительно нравился солист всемирно известной группы «Queen». Его голос всегда брал за душу. Дану он тоже нравился, и поэтому у нас дома часто играла музыка этой группы, пока мы занимались своими делами. Я в это время могу писать статьи, Даниил – изучая в Интернете косметику, прически и макияжи.

– Эй, сероглазая малышка, закрой ротик на замок. Это не бирюльки! – Я хотела что-то сказать про таинственные бирюльки, но наглый друг велел: – Хирург, закрой ей рот!

Тот тут же с радостью принялся выполнять просьбу Темных Сил. Между нами завязалась шуточная борьба, в результате которой меня прижали спиной к груди, одной рукой обхватив за плечи, второй – за живот. Я начала брыкаться, Женька пытался меня удержать, и мы чуть не перевернули стол с магическими атрибутами и, самое главное, свечами. Я бы не пережила пожара или дырок на ковре.

– Сидите смирно! – рявкнул Олег, которого мы уже совсем в край достали.

– Ну что ты так повышаешь голос, а как же твои драгоценные вибрации? – засюсюкал Дан. – Вдруг ты их разрушишь?

– Я тебя сейчас разрушу. Эй, детки, или я работаю сегодня вашим личным медиумом, или сворачиваю всю эту бодягу к чертям собачьим, – не на шутку разозлился Темные Силы.

– Все в порядке, все норм, мы хотим, чтобы ты нам погадал, – спокойно сказала ему Ранджи.

– Это не гадание, это спиритический сеанс, – важно сообщил ей парень.

– Значит, мы хотим, чтобы ты провел нам спиритический сеанс, как мы и договаривались, – ничуть не была обеспокоена своим промахом девушка.

– Да-да! Мы хотим спиритический сеанс! Давай его уже проводить! – тут же загомонили все, решив, что пора прекратить измываться над тонкой нервной системой Темных Сил. А то и впрямь передумает. А мне даже интересно стало, что у нас может получиться.

– Окей, – кивнул Олег. Он обвел пристальным взглядом каждого из нас и сказал: – Последний раз говорю вам, детки, во время сеанса общения с духом смеяться нельзя. Будьте предельно осторожны. А теперь нужно решить, какого духа вызовем. Исторические личности нам не подойдут, а кто откроет пасть, чтобы предложить Гитлера, Пушкина или Чапаева, тот будет изгнан на кухню. Следует вызывать духов умерших, которые были нам близки. Или тех, которых мы знали.

– А давайте вызовем духа Пилимонкина? – предложила я невинным голосом.

– Кто это? – наморщил лоб наш доморощенный колдун.

Мы все многозначительно переглянулись – друг ничего не помнил о вчерашней встрече с ДПС, сотруднику которой мы представили его совершенно чокнутой маловразумительной личностью, которая несколько раз в году проходит курс реабилитации в дурдоме.

– Чего за Пилимонкин-то? – серьезно спросил Олег. – Смешная фамилия, – добавил он, но ржать, как тогда в машине Ранджи, не стал.

– Да так, типчик один, – отмахнулась Алсу. Она решила встать на сторону любимого, хоть бестолкового парня, а потому сказала твердо:

– Вызываем дух моей тети.

Темные Силы расплылся в улыбке и потрепал подругу по черным прямым волосам.

– Твоей тети? – поежилась Алена, а я вновь вспомнила, что обязательно должна сделать то, что задумала, чтобы хоть как-то помочь подружке в ее отношениях с Тимофеем. Блин, даже звучит отвратно.

– А ты не боишься? – спросила она.

– Кого? – усмехнулась девушка, отбрасывая локоны назад. Загробного мира она, видимо, совсем не пугалась. Скажу больше – к нему она относилась вполне спокойно, философски. Я была в большом удивлении, когда узнала еще на первом курсе, что Алсу любит гулять по кладбищам, где, по ее словам, очень тихо и безмятежно, как в море. – Свою любимую тетю Алю? Я ее люблю, а не боюсь. И она меня всегда любила. И, думаю, любит до сих пор.

– Ну, тогда давай вызывать твою тетю, – решил медиум. – Значит, ты будешь работать со мной, крошка. И нам нужен будет кто-то третий. Ты, Наська, – его глаза остановились на мне.

– Я? – подавила я в себе желание расхохотаться, представив, как буду общаться с духом.

– Ты, – кивнул парень в капюшоне. – Узнаешь, наконец, темнота, что такое настоящий спиритический сеанс.

– Я и что такое искусственный спиритический сеанс, не знаю, – отозвалась я, но огласилась на эксперимент.

Главный колдун, он же эксперт по миру духов еще зачем-то подогрел блюдце и положил обратной стороной по центру листа. После он попросил нас помолчать и, закрыв лицо узкими ладонями с длинными пальцами, на одном из которых было надето кольцо со странными символами, которое парень никогда не снимал, что-то стал шептать. Мы все изумленно

тарашились на друга, который словно забыл о нашем существовании, продолжая едва слышным голосом говорить непонятные, неразличимые слова, и переглядывались, как стайка психиатров, собравшихся на консилиуме с особо сложным больным, вообразившим себя канареечкой.

– Еще чуть-чуть, – прошептал Дан, – и я вызываю «Скорую».

Однако сделать он этого не успел. Наш магистр спиритизма пришел в себя, отнял руки от лица и велел мне и Алсу коснуться пальцами бледно-зеленого блюдечка, которое призывно смотрело на нас – так по крайней мере мне казалось в полутьме. Интересно, а это неопытное блюдечко, или оно уже участвовало в спиритических сеансах множество раз, и совсем уже не блюдечко, а этакое матерое блюдище?

– Как звали твою тетю? – спросил он у любимой девушки не своим голосом.

– Алевтина Сергеевна, – тихо отозвалась она. Голос подруги оставался спокойным и ровным, но все же мелькнуло в нем что-то, похожее на тихую грусть. За что Алсу понравилась мне еще все на том же далеком первом курсе, за то, что она, так же, как и я, умела прятать свои эмоции.

– Втроем повторяем: «Дух Алевтины Сергеевны, приди к нам», – проинструктировал все тем же странным голосом нас Темные Силы. – Трижды. Блюдечко должно начать двигаться само. Когда это произойдет, не убирайте руки. Ни в коем случае. И молчите. Вопросы буду задавать только я.

Все это напоминало детский сад «Три ползунка» и трусы в горошек, но мне и Алсу пришлось, сохраняя серьезные мины, следом за Олегом произносить, как дурочкам, слова призыва умершей тети Алсу. Выглядело это довольно глупо даже в антураже темноты и семи свеч, с неохотой освещающих комнату. Хорошо хоть ребята, не участвующие в сеансе, не смялись и вели себя вполне прилично. Если бы кто-то из них издал хоть смешинку, я бы тоже тут же начала хохотать.

Мы вроде бы как призвали духа тети Алсу – даже уже трижды, итого девять раз громко произнеся ее имя и отчество в воздух, пропитанный шалфеем, но блюдечко все никак не двигалось и не двигалось.

– Не выйдет с ней, – вздохнул Темные Силы, наконец. – Наверное, она не идет на контакт. Давайте вызовем кого-нибудь другого. Прости, малышка, – шепнул он подруге. Та ничего не ответила, только едва заметно кивнула, говоря, что все в порядке.

– И кого теперь будем вызывать? – поинтересовался Даня, уже порядком заскучавший.

А меня вдруг переключило – так, что я даже дышать на несколько секунд перестала. Алсу пыталась поговорить со своей любимой тетей, которая погибла несколько лет назад, а я... Я ведь тоже могла бы предложить кандидатуру для этого дурацкого сеанса.

Моя мама. Та, которую я никогда не видела. Та, о которой мне никогда не рассказывали те, кто когда-то назывался моей семьей. Та, из-за которой Матильда заботилась обо мне. Моя мама. Едва я подумала о ней, как все мои мысли и эмоции – и по поводу Алены, и по поводу происходящего моментально выветрились. Я почувствовала себя беззащитной слезой, застывшей в воздухе. Внутри все сжалось.

Может быть... может быть... может быть...

Я открыла рот, но Темные Силы, хвала ему, меня опередил, и я тихонечко выдохнула. Настя! Ты сошла с ума? Все это ерунда. Моя мама не станет говорить со мной через эту тарелку и кусок бумаги. Если она даже не снится мне, то как она появится в этой комнате?

Этого не может быть.

– Бывает, сложно призвать кого-то конкретного. Давайте я попробую призвать кого-нибудь из свободных духов, – сказал задумчиво Темные Силы, все моментально согласившись, и он опять начал что-то шептать в свои бледные ладони.

Я в это время поспешно выдохнула, пытаясь прийти в себя. Все хорошо, Настя. Все хорошо. Ты не тряпка, чтобы так раскисать. Маме не понравилось, если бы она видела, как ты сейчас мучаешься, прикусывая язык почти до крови, чтобы сдержать слезы, которые никогда не должны будут показаться наружу перед кем-то, кроме самой себя.

Мне не нужно тешиться иллюзией того, что с помощью какой-то там магии или непонятного чего еще я смогу поговорить с тем, кого больше нет под этим ясным голубым небом. Мама живет в моем сердце, в самом теплом, уютном и надежно защищенном его уголке.

В правом глазу почему-то все же появилась вражеская влага, и я на несколько секунд прикрыла ресницы, чтобы не дай бог слеза не потекла по щеке. Я давно заметила – стоит закрыть глаза, как наворачивающиеся на них слезы отступят, утекут куда-то в горло.

– Повторяем за мной: «Благой дух, приди к нам», – властно сообщил Олег мне и Алсу, которая все это время молча, и даже с каким-то удовольствием наблюдала за любимым, как будто любуясь.

– Благой дух, приди к нам, – уже более-менее стройным хором выдали мы трижды. После этого в комнате секунд на двадцать установилась тишина, которую я с натяжкой могла бы назвать зловещей. Мы молча пилились на спиритический круг, свечи таинственно горели, играя с тенями, темнота, чувствуя свое превосходство, сделалась важной и решила подарить нам напряжение.

Появись дух именно в этот момент, он бы произвел фурор – все бы мы жутко перепугались, разорались и развопились и выскочили на улицу либо в чем были одеты сейчас, забыв обуться и в панике толкаясь в дверном проеме, либо вообще сделали бы это через окно, благо этаж у нас второй.

Увы, никто не пришел. Может быть, у медиума не хватило сил вызвать духа из мира мертвых, а, может быть, тетя Алсу очень сильно ее любила, чтобы пугать.

Хотя, о чем это я думаю? Духов не бывает. А если бывают, то тогда можно считать меня парнем.

– Дух, ты здесь? – громко спросил Темные Силы, наконец. Все напряглись, ожидая момента расплаты за вмешательство в жизнь мира мертвых. Жизнь мира мертвых – ну и оксюморон, однако.

– Тута я, – раздался писклявый жеманный девичий голосок, от которого я чуть не подскочила, едва не оторвав пальцы от поверхности блюдечка – это Даня решил поприкалываться. – Возьми меня, я вся гор-р-рю, – последнее слово он практически прорычал, явно вложив в него всю свою силу страсти.

– Идиот! – яростно посмотрел на друга Темные Силы. – Я же сказал.

– Ну ладно, ладно, – поднял руки вверх Даниил. – Прости.

Мы продолжили.

– Дух, ты здесь? – спросил вновь Темные Силы, не отрывая взора черных глаз от спиритического круга.

– Я тут, людишки. Аз есмь царь Петр Великой, – раздался громopodobный бас. Олег откровенно разъяренно глянул на Дана, а тот лишь стеснительно пожал плечами – мол, само вырвалось.

– Скотина, – грозно прошипел Темные Силы, – я же тебя после сеанса в пельмень превращу. С фаршем наружу.

– Прости, дружище, прости, – делано поник Олег. – Я не хотел! Правда!

– Дух, – голос Темных Сил был громок и полон энергии, а глаза светились желанием пообщаться с настоящим духом. – Ты здесь? Ответь.

Бледно-зеленое блюдечко со стрелкой молчало, а вот кое-кто опять подал голос.

– Я съем ваш мозг, – просипел неутомимый Дан, который все никак не мог уняться. – Миасо-о-о, писча!

– **Запрещено цензурой**, чел, ты реально достал! – взорвался Олег.

– Да я не хочу, само вырывается, – принялся оправдываться Даниил, хитро поглядывая на друга. – Понимаешь?!

– У меня сейчас кулак тебе в нос сам вырвется, не удержу, – пообещал Темные Силы. Этого Даня очень не хотел. Как я уже говорила, Олежка – парень, несмотря на свою субтильную нежную комплекцию, очень сильный. Ранджи явно не без намека, но с очень серьезным видом на этот счет говорит, что у тех, кто слегка особенен головой, физическая сила всегда очень высока.

– Успокойтесь, – велела им Ранджи, не отлипая от спинки дивана, на которую облачивалась. Однако она случайно задела пульт от музыкального центра, и все мы вздрогнули от громкой музыки.

– Давайте я вам подкину духа? – предложил, когда все успокоились, Женька. – Был у меня дед, классный мужик! Вот такой вот! – он поднял вверх большой палец, но Темные Силы и Даня его не слышали: один наезжал, второй отпирался и препирался. Обычное дело в нашей компании. Seriously Дан и Олег никогда не ссорились. Даже было дело, Олег как-то вступился за Даниила, выйдя один против троих – парни, на вид вполне нормальные, кажется, откуда-то прознали, что Дан – нетрадиционной ориентации, и это им очень не понравилось, настолько, что они решили выбить из Дана его неправильное увлечение представителями не того пола. Эти ребята не успели нанести Дане ощутимый урон – Олег вовремя подоспел и умудрился выйти из схватки победителем.

Пока они развлекались, явно нарушая вибрацию пространства, я вдруг почувствовала на руке чье-то мимолетное холодное дыхание, или, может быть, мне просто это показалось, после чего рука моя, касающаяся тонкого фарфорового блюда, дернулась, но не сама по себе, а вслед за ним, будто бы блюдо, кто-то резко потянул в сторону. Я с возмущением посмотрела на Олега, который сам говорил ни в коем случае не отпускать девайс для общения с миром мертвых, подумав, что он психанул и решил покончить со своей спиритической игрой. Однако Темные Силы сам смотрел на меня подозрительно и удивленно одновременно, перестав вопить на Дана. Мы попялились друг на друга, чувствуя, как блюдо нетерпеливо дрожит, а после перевели взгляд на третьего участника мистической драмы, Алсу, которая, впрочем, тоже выглядела изумленной.

– Кто двигает блюдо? – задали мы с ней вдвоем одновременно один и тот же вопрос.

– Это не я, – почти так же одновременно ответили мы уже втроем с Олегом, явно заинтересовав Алену, Ранджи, Женьку и Даню в происходящем. Они с жарким любопытством уставились на нас.

– Чего у вас там, ребята? – спросила Алена.

– Кто-то двигает блюдо, – ответила я, испытывая огромное удивление. Блюдо все так же нетерпеливо двигалось.

– Это дух, – благоговейно прошептал Темные Силы, веря, что все получилось. – Дух, ты тут? – задал он дурацкий, по моему мнению, вопрос. К огромному моему недоверию, блюдо вполне себе самостоятельно заскользило к букве «к», а затем указало нарисованной стрелочкой на «у». Затем оно повторило первоначальный маршрут.

– Ку-ку, – сказала Алсу, с недоверием глядя на блюдечко, нетерпеливо замершее посредине круга.

– У кого? – спросил Даниил жадно. Он тоже, как и почти все здесь, не верил в то, что к нам пришел настоящий дух.

– Ну, ничего себе, – прошептала я, борясь с желанием убрать пальцы с блюда и наехать на того, кто заставляет тарелку скользить по бумаге. Скорее всего, это Темные Силы веселится, мстя за мои милые издевательства над его прекрасной персоной. А что, он парень мстительный. Его Алсу ради прикола на позапрошлом Иван Купала чуть-чуть

облила из бутылки, так он на прошлое умудрился подкараулить ее и облить из ведерка с балкона своего дома, радостно ухмыляясь. Потом, правда, долго извинялся, утащив ее в свою комнату и закрывшись там ото всех часа на три. Это точно Олег! Делает вид, что ни при чем, сидит с совершенно невозмутимой мордой, а сам наверняка двигает свою перевернутую тарелку.

– Дух, ты хочешь с нами говорить? – спросил повелительным, но вежливым тоном Олег. Блюдечко торопливо двинулось к букве «д», затем остановилось у буквы «а», и пока Темные Силы собирался с мыслями (подозреваю, придумывал, какую бы гадость сказать от имени духа), блюдечко заспешило к букве «у».

– У... т...е...б...я..., – медленно говорила Алсу, взяв на себя роль того, кто озвучивал результаты гадания, ой, то есть, конечно же, спиритического сеанса. – У тебя.

– Что у меня? – не понял Темные Силы.

– Вопрос, – вновь сказала его девушка, следя и озвучивая перемещение блюдечка для всех.

– Какой вопрос? – не поняла Ранджи. Кажется, происходящее, наконец, заинтересовало ее.

– Это Дан спрашивал, у кого ку-ку, – вспомнила я, и блюдце тут же вновь бросилось, как голодный пес, к буквам.

– Ну, – проговорила Алсу и подняла на нас глаза. – Он говорит ну. Наверное, имеет в виду, что ку-ку у тебя, Даня, – смешливо посмотрела она на друга. Тот только губы поджал. А я еще больше уверилась в своих подозрениях, что это развлекается Олежка. Блюдце опять задержалось. Забавно было ощущать то, как оно двигается под моими пальцами, хотя я не прикладывала к этому никаких усилий.

– Дураки дурацкие, – проговорила с большим удивлением девушка вслед за глупой мечущейся тарелкой. Нет, на юмор Алсу это не похоже. А вот Олежка такое выдать может.

– Что это значит? – спросил он совершенно серьезно у духа.

– Тупой, – обозвало и его блюдце.

– Кто?

– Ты!

– А ты кто? – спросил наш маг, не обратив на это внимания.

– Дух благой, – выдало блюдечко с ехидцей. Даня захмыкал. Женька и Алена едва сдерживались. Ранджи вообще, видимо, ничего не могло выбить из колеи. Самый невозмутимый человек на свете.

– Что за глупые вопросы, – сказал Хирург. – Чел, давай уже конкретику спрашивай.

Он взглянул на меня, и по взгляду Женьки я поняла, что он, как и я, не верит во всю эту чушь. Но ему интересно.

– Дух, ты ответишь на наши вопросы?

– Да. Говори, – через Алсу сообщил дух, пропустив, правда, в глаголе букву «р».

– Какие у вас есть вопросы? – не глядя на нас, спросил мошенник-медиум.

– Я про свадьбу хочу, – со смехом произнесла Алена. – Кто из нас первый женится или выйдет замуж?

Парням, ясно дело, вопрос не очень-то уж понравился, как, впрочем, и Ранджи, а вот мы, девушки, оживились. Интересно, что Темные Силы выдаст? Алсу назовет первой или последней? Это, наверное, зависит от того, хочет ли он жениться на ней или пока не может расстаться со свободной жизнью?

– Наседка, – сказал дух, видимо, обращаясь к Алене. – Ты. – Тут блюдце показало стрелочкой на цифру один. Мы расшифровали это как знак того, что первой выйдет замуж Аленка. Надеюсь, что не за дядю Тима – от этой мысли я даже содрогнулась. Нет, я просто обязана сделать то, что задумала сегодня!

– Не забудь позвать, – сказал Женька Алене, которую ответ, несмотря на наседку, удовлетворил. По ее словам, она очень хочет найти парня, влюбиться в него и создать семью. Это ее мечта.

– Конечно, – рассмеялась девушка с косами. – Спасибо, дух, – сказала она, улыбаясь, блюдцу. То, впрочем, выразило свое негодование, ответив: «Фу».

– А мы с Наськой? – поинтересовалась Алсу. «Дух» заартачился и сказал, что мы ему не нравимся, и говорить он нам ничего не намерен.

– Дальше, – велел в нетерпении Темные Силы, которому такие вопросы были не по душе.

– Есть девушка, которая мне нравится, – чуть хрипловатым голосом произнес Женька, не отрывая от меня взгляда. – Мы будем вместе?

Я поняла, что он говорит обо мне. Смущения не было – было лишь что-то приятное в груди. Крохотное солнце. А еще была радость – ну давай, Женька, хоть так дай мне понять, что я небезразлична тебе.

– Ну, вообще все от тебя зависит, – тихо заметил Дан, а Темные Силы повторил вопрос.

– Без шансов, увалень, – ответил беспардонно дух. Ах, как бы я хотела подвигать рукой так, чтобы ответ был какой-нибудь такой: «конечно, да!», но этого я не делала принципиально. Не собираюсь разыгрывать друзей.

– Ну, отлично, – криво улыбнулся Хирург. – Но это неправильный ответ.

Я широко улыбнулась. Алена увидела мою улыбку и улыбнулась в ответ, словно поняв меня.

– У меня тоже вопрос, – заявил Дан. – Я выиграю в конкурсе? – он имел в виду один из конкурсов, проводимых городом для начинающих парикмахеров.

– Ага. Дэбилъ, – сказала нахальное блюдо, припечатав в конце твердый знак. Даниил лишь хмыкнул.

– Я хоть и не верю в духов, но приятно, – ответил тот.

– Недоумок, – стал дух вновь обзывать. – Хр... др... пвскп, – вдруг стало показывать совершенную бессмыслицу блюдечко, нервно, рывками, ползая по спиритическому кругу.

– Что с ним? – спросила Алсу у Олега. Тот ничего не ответил, сосредоточившись на происходящем. Он вдруг облизнул губы, и я даже на секунду засомневалась, что это он двигает блюдо, играя с нами в игру «Здрасти, это дух пришел!».

Блюде остановилось, подумало о чем-то несколько длинных минут, не обращая внимания на груз в виде наших пальцев, и опять заскользило, словно ведя наши пальцы следом за собой.

– Салют, – сказал дух и выдал мое полное имя, которым почти никто и никогда меня не называет. – Вы двое первые.

– О чем ты? – удивленно спросил Темные Силы.

– Свадьба, – одним словом сказала блюде.

– Что свадьба? – не понял медиум.

– Первая, – сказала блюде, явно противореча само себе. А после стало бросаться нашими именами. – Анастасия, Виктория, Евгений, Алена.

– А я? – обиженно спросил Даня. Между прочим, в одиночестве всю жизнь он тоже не хотел.

– И ты, – сказал дух, не дожидаясь, пока наш горе-медиум продублирует его. – Ты неправильный юноша.

Неправильный юноша только хмыкнул.

– Ты много лжешь, – сказал дух. – Многие из вас лгут.

– Что это? – нахмурилась я.

– Так я первая или последняя? – спросила Алена с удивлением, странно взглянув на меня.

– И так, и так, милая, – было ей очень странным ответом. – Ты красивая. И желанная. Но помни, что мать говорит.

Алена поджала губы.

– Сильная девочка, – говорило между тем блюдце, явно имея в виду Ранджи. – Перестань бояться. Учись быть собой. Музыкант, играй, – без перехода добавил дух. Музыкант среди нас был только один – Женька. Он поднял брови.

– Что играть?

– Что говорит сердце, – так же таинственно отозвалось блюдце. – Мальчик, – вдруг сказала блюдце, – опасайся тех людей. Мальчик Олег. Скажи «нет».

Ну, Темные Силы дает. Совсем уже того.

– Хорошо, сделаю так, – совершенно серьезно пообещал Темные Силы, сглотив – его острый кадык едва заметно дернулся. Может быть, это все же Алсу? Ей надо как-то приструнить друга или направить по другому пути, вот она и старается, зная, что тот верит в сверхъестественную чепуху?

– Мое, – сказал блюдичный дух. – Из последних.

Обзывать блюдце прекратило, но вместо ответа блюдце самым натуральным образом принялось говорить нам чепуху. И сколько бы мы ни задавали вопросов, у нас выходила бессмыслица.

– Стоять.... Тысячи лет... дхф... страдаем в пути... жкхп... не понимаем... аркд... Спят глаза... Дураки... и я...и я...солнечный свет...живые, я тут... ам-ам... Мы... ндр... бред...шгд8ди....

– Олег, хватит, – не выдержала я.

– В смысле? – перевел он на меня тяжелый взгляд.

– Ну, ты же двигаешь? – напрямую сказала я.

– Не я, – отрезал парень. – Я не играю в такие игры, Настя.

– Алсу, это ты? – спросила я подругу, но та одарила меня таким укоряющим взглядом, что я не нашлась, что сказать, а такое со мной, поверьте, бывает очень редко.

– Это дух, Настенька, – пропел Дан.

Я сощурилась. В это время стало происходить что-то совсем странное. Что-то поменялось в комнате. Стало холоднее. Две свечи погасли, и тут же стало темнее. У меня на спине появились неожиданные мурашки.

Блюдце в который раз поехало к буквам. Медленнее, чем в прошлые разы, но с куда больше силой, буквально заставляя мои пальцы скользить следом за ним.

– Хай, – проговорила черноволосая подруга, не отрывая широко открытых глаз от блюдца. Она, видимо, тоже почувствовала что-то неладное.

– Смайл. Двоеточие и е, – сказала блюдце. Вышла очередная глупость то ли от Олега, то ли от Алсу. А может быть, кто-то из них и сам не осознает, что какими-то микродвижениями двигает блюдце? Может быть, это что-то вроде самообмана?

Может быть, даже я сама?

Эта мысль вдруг успокоила, хотя мурашки теперь полезли со спины на руки и грудь.

* * *

Девочка-подросток появилась в темной комнате самого обычного девятиэтажного дома, освещенной свечами и пропахшей шалфеем, довольно поздно. Над тремя парнями и четырьмя девушками, тесно сидевшими около журнального столика в центре комнаты, на котором лежал спиритический круг, предназначенный для вызова потусторонних сущно-

стей, уже витали двое. Один – в форме благообразного, убеленного сединами почтенного дедушки в старом чистеньком твидовом костюмчике, в шляпе и с тростью. Второй – в форме молодого стройного мужчины лет тридцати пяти с длинными темными волосами, собранными в хвост, за спиной которого виднелся чехол с гитарой. Даже в загробный мир он пришел с музыкой.

Дедушка с интересом и ехидцей отвечал на вопросы смертных, касаясь длинной тростью светло-зеленого блюдечка с нарисованной кривой стрелочкой и таким образом двигая его. Дед не скупился и от души обзывал и дурил ребят, среди которых девочка тут же взглядом зеленых глаз нашла Настю. Обычное развлечение среди таких как они. Поглумиться над теми, кто дышит, но хочет залезть своим грязным носом в тонкий, живущий своей особой жизнью, мир мертвых, – это самое простое, безобидное и часто практикуемое. Некоторые подданные этого мрачного мира делают куда более жуткие вещи, когда слышат призывы, особенно призывы тех, кто имеет силу и власть, но не имеет опыта.

– Привет, – шустро поздоровалась с мужчинами, старым и молодым, подросток, чихнув из-за запаха шалфея. Она очень заинтересовалась блюдцем – единственным материальным предметом, который она сейчас могла двигать, словно она – еще живая.

– Салют, девочка, – медленно повернулся в ее сторону длинноволосый мужчина. Лицо у него было бледное и очень печальное, а глаза – карие и неожиданно теплые. А еще девочке казалось, будто бы она уже где-то видела этого человека в черной футболке и черных джинсах, драных на коленях.

– Здравствуй, малышка, – злобно проскрипел и дедушка, оторвавшись от разговора с живыми, и обвел взглядом водянистых глаз ее фигуру, особо остановившись на голых плечах. Его место тотчас занял второй дух. – Нехорошо ходить в таком виде, девочка. Надо одеваться так, как подобает, а не как попало.

– Как хочу, так и одеваюсь, – дерзко отозвалась девочка, заправляя за ухо короткую темно-русую прядь волос, которые не отрастали уже много лет. Дедушка, увидев ухо с тремя проколами, неодобрительно покачал головой. Топик чуть приподнялся, демонстрируя на животе кусочек цветной татуировки в виде бабочки, наколотой справа от пупка.

– Ужасно неподобающе, – сказал старик, укоризненно качая головой.

– На себя посмотрите, – огрызнулась девочка. Ей и раньше всегда указывали, как и что делать, а она всегда начинала беситься. При этом указывали ей не ее родители, чуткие и понимающие люди, а совершенно посторонние.

– Маленькая дрянь, – прошипел дедушка и вдруг оскалился, показав длинные острые пожелтевшие клыки и синюшный язык. Зрачки его стали узкими и багровыми. Черты лица заострились, вытянулись, а нос неожиданно оказался на щеке.

Дух вдруг оказался около девочки, сгорбившись и тянув к ней скрюченные пальцы, но та вдруг зажмурилась и выставила вперед руки, из кончиков ее пальцев полетели искры и... И дедушка словно врезался в невидимую перегородку. Выругался, поскрежетал по ней когтями и затих.

– Невидимый легион, – прошипел он, принимая обратную форму. От чудовища не осталось и следа. – Под защитой, да, девочка? – спросил он недовольно.

– Под защитой, дедушка, – смело сказала подросток, опуская руки, понимая, что старик не очень-то и безобидный. Но страшно ей не было.

– И что же ты такого сделала, чтобы попасть туда? Как заслужила? – прошептал старик с огромным интересом и неясной надеждой во вновь ставших водянисто-голубыми глазах.

– Вернулась. Была искренна, – по-взрослому отвечала девочка.

– Сама вернулась? – не поверил ее пожилой собеседник. Сейчас он ничуть не напоминал то чудовище, которым был минуту назад.

– Сама, – сдвинула брови к переносице девчонка.

– Ну и дура. Моя очередь! – прикрикнул на длинноволосого мужчину с гитарой дед. – Отдай! Я еще не наигрался.

– Не мои проблемы, – отрезал длинноволосый.

– И я! Я тоже хочу поразвлекаться! – вдруг появился в комнате и четвертый дух – лохматый небритый парень в клетчатой рубашке, которому можно было дать и двадцать и тридцать лет. Он как вихрь влетел в комнату, безумно хохоча. – И я хочу! И я! – он вцепился в тарелку и стал беспорядочно водить ею по кругу.

– Пошел вон, – рявкнул на него старик. – Тупица! Вон! Вон! Кыш!

Парень оставил в покое блюдо и подлетел к деду. Схватив у него трость, он с улюлюканьем умчался прочь, просочившись сквозь стену. Дед, ругаясь и проклиная все на свете, помчался за ним, сыпля проклятьями.

– А можно я тоже? – спросила девчонка, глядя сверху вниз на парней и девушек, рассевшихся вокруг спиритического круга с символом призыва таких, как они, нарисованным посередине.

– Можно, – легко согласился длинноволосый мужчина. – Мой последний ответ.

– А почему вы к ним пришли? – с интересом спросила она.

– Тут играла моя песня. Поэтому я и пришел, – отозвался обладатель гитары, не переставая передвигать рукой блюдо. – Я всегда слышу свои песни.

– А дедушка почему пришел?

– Он жил где-то в этом подъезде много лет назад. А зачем пришла ты?

– Я пришла поговорить с живой, – честно ответила подросток. – Кое-что сказать ей. Кое-что важное.

– Я спою им последнюю песню и скажешь, – пообещал мужчина. Однако сделать этого он не успел. Хохочущий обладатель клетчатой рубашки вновь появился в комнате, с безумным видом размахивая тростью старика.

– Я тоже хочу! И я! И я! – вопил он, отбирая у длинноволосого блюдо. Тот не выпускал его, пытаясь разговаривать с живыми дальше. – Отдай! Я! Скажу им все! Скажу, когда они умрут! Скажу! Я! И я! И я хочу! Хочу!

– Убирайся! – рявкнул на него мужчина. – Прочь!

– Моя трость! – заорал дед, влетая в комнату сквозь потолок. – Отдай мою трость, придурок! Козлина небритая! Трость верни! Верни, говорю!

– Это моя трость! Не отдам! – заверещал воришка. – Моя! Моя! Моя!

– Оба – проваливайте! – почти прорычал длинноволосый, который пытался рассказать о своей последней песне парням и девушкам, внимавшим его словам, как откровению. Ничего не выходило. И хоть связь с миром живых была отличной – магический знак и сила медиума, знающего особые слова, сделали свое дело, но два других духа, один из которых тоже хотел поговорить с живыми, здорово мешали. Поэтому рассерженный мужчина с гитарой за спиной, собрав все свои силы, оттолкнул этих двоих подальше от блюда, поступившись разговором.

– Иди, девочка. На мое место иди, – сказал он подростку, которая с любопытством смотрела на потасовку взрослых духов.

И она пошла.

Как только коснулась пальцами блюда – единственную сейчас возможную связь между двумя мирами, тотчас поздоровалась. Со смайликом, как привыкла. С таким –:Е. Правда, пришлось описывать смайл, но, может быть, будет понятно?

Она хотела сразу же обратиться к Насте, чтобы предупредить, но тут произошло неожиданное. Одна из присутствующих девушек ее опередила и задала вопрос о том, когда встретит любимого человека. Подросток, которой было это совершенно неизвестно – не мно-

гие духи могут сказать, что будет, посмотрела в лицо спрашиваемой, с недоумением посмотрела на нее и... И вдруг вспомнила все.

Это было как холодная волна – воспоминания окончательно вернулись.

Девочка узнала ее.

Красивая, высокая, синеглазая, русоволосая, с косами и в модной одежде. В окружении друзей. Пахнущая дорогими духами. С невидимыми следами поцелуев на губах. И с красивыми длинными аккуратными ногтями с элегантным нежно-лавандовым френчем.

Девочка глянула на свои темно-розовые, облупленные по краям, уже много лет остававшиеся одними и теми же короткие миндалевидные ногти, и сжала зубы.

Ее гневу и обиде не было предела. Сразу же вспомнилось все, что было в прошлом. Все, до мельчайшей детали: от оттенка неба до того, в каком узоре были рассыпаны темно-зеленые стекла разбитой бутылки под ногами.

У нее нет такой силы, чтобы навредить, отомстить, наказать, но он все сейчас скажет. Все скажет! Напомнит.

...Девочка не сразу взяла себя в руки и, мерцая, словно свеча, коих в комнате горело несколько штук, стала говорить дальше – с трудом, несколько бессвязно, но совершенно искренне. Глаза ее покраснели от слез, алые тонкие губы были закусаны, пальцы дрожали.

Девочка слышала зов, на который, повинувшись, должна была уйти прочь, но не могла этого сделать. И как только она собралась сказать Насте самое главное – о Ярославле, в комнате появились вдруг едва заметные то ли огоньки снега, то ли сияющие снежинки, наполнившие собой все пространство, и возник еще один представитель сверхъестественного мира. Не она пришла на его зов, а он сам явился за ней. Облаченный в белые одежды с золотой вышивкой статный мужчина лет сорока, главным украшением широкого круглого лица которого были чистые ясные глаза невероятно голубого, как дно горного хрустального озера, цвета, вздохнул и с сожалением покачал светловолосой головой.

– Нельзя, Дарена, – сказал он со строгостью в тихом глубоком голосе, в котором слышалось и затаенное сострадание. – Пойдем.

– Я должна сказать! Пожалуйста, – в ее голосе была и мольба, и упрямство, и желание сопротивляться и делать по-своему. – Слышите? Пожалуйста!

– Нет.

– Вольга разрешил!

– Сомневаюсь.

– Пожалуйста! Вы не понимаете, что ли? – на глазах подростка показались слезы. Белых искр стало еще чуть больше, и они касались ее лица, как будто бы пытались успокоить девочку.

– Ты знаешь правила, – мужчина посмотрел на нее прямым твердым взглядом, в котором, впрочем, не было жесткости. – Прямо сказать об этом ты не можешь. Они сами должны найти друг друга. Ты можешь только немного помочь им, Дарена.

Однако эти слова не подействовали на девочку-подростка с необычным именем Дарена. Миндалевидные зеленые глаза ее сузились от переполняющих ее эмоций.

– Нет, я должна сказать Насте! Она умная, она поймет! – и дух вновь стала торопливо отвечать живым, касаясь блюдца пальцами. Но, увы, ничего дельного сообщить им так и не смогла.

Мужчина в белом вздохнул, щелкнул пальцами, и в комнате раздался оглушающий писк чьего-то мобильного, испугавшись которого, двое из трех человек, участвующих в вызове духа, вздрогнули и отпустили блюдце.

Связь прервалась. Девочка сжала кулаки. Надо было не злиться, а быстрее сказать обо всем Насте! Что же она наделала!

– Пойдем, тебе здесь не место, – позвал Дарену мужчина. – И более разговаривать с людьми через это, – он кинул брезгливый взгляд на блюдечко, – ты не сможешь.

Мужчина с голубыми глазами коснулся плеча всхлипывающей от своего бессилия девочки, и они исчезли.

Сияющие искры исчезли минуту спустя.

* * *

Наш спиритический сеанс продолжался. И становилось все интереснее и интереснее.

– Задаем вопросы, народ, – сказал Темные Силы. – Не тупим.

– У меня есть вопрос, – сказала Алена.

– Говори, детка.

– Когда я встречу своего любимого? – русоволосая девушка произнесла этот вопрос несколько смущенно, наверное, из-за парней.

– Умеешь любить? – вдруг выдало блюдце как-то зло. Движения его стали рваными и быстрыми. И в комнате вдруг как-то похолодало, и мне сделалось не по себе. Олег внезапно вздрогнул.

– В смысле?

– Ты отобрала его у меня, – нервно, ошибаясь с буквами, сказала блюдце и добавило: – Аленушка.

– Что? – оторопела Алена, уставившись на Алсу. Та пожала плечами:

– Я не при делах, подруга. Оно... само. – И черноволосая девушка не без труда прочитала следующее послание духа:

– На крыше ты любила или играла?

– Ты о чем? – прошептала Алена, отодвигаясь от журнального столика.

– Тимур.

Алена смотрела огромными глазами на блюдце. То ли не понимая, что тот хочет сказать, то ли наоборот.

– Тварь, – вдруг вновь начал обзывать дух. – Если никто не знает, это не значит, что никто не помнит.

Алена выглядела такой растерянной и даже напуганной, что Даниил обнял ее и успокаивающе погладил по голове. Она прижалась к другу.

– Завязывайте с фигней, – велел он, по-братски целуя ее в висок.

– Это не мы! – прошипел Олег. Черты лица его заострились, глаза горели холодным пламенем. А Алсу, кажется, дрожала.

Однако сделать этого мы не могли. В какой-то момент я вдруг поняла, что просто не могу оторвать пальцев от ставшего почти ледяным блюдца. Я никогда не верила ни в духов, ни в привидения, ни в модных астральных существ и всему могла найти логическое объяснение, но сейчас, в этой полутемной комнате, в которой потухло еще две свечи – внезапно, с разъяренным шипением, мне стало так не по себе, что я была на грани – почти верила в мистическую составляющую происходящего.

Воздух, казалось, был наэлектризован, и в какой-то момент я поняла, что больше не чувствую приевшийся запах шалфея, а ноздри мои вдыхают любимый аромат озона. Блюдце тяжело, но очень целеустремленно скользило по буквам.

– Моя ошибка, – читала Алсу голосом, который слегка подрагивал.

– Нет, все, хватит. Алене не по себе, – решительно сказал Женька, глядя на то, как девушка прижимается к Даниилу, не боясь помять свои шикарные косы.

– Погоди, – прошептал Темные Силы, как будто бы не верил в происходящее.

– Я не хотела. Больно. Скучаю. Должна помочь. Виновата, – говорила пересохшими губами Алсу вслух. Мы ничего не понимали. Коллективный страх перед неизвестным опутал нас, словно рыбацкие сети, и не хотел отпускать. Нервозность буквально летала по комнате, искря во все стороны.

– Анастасия, – писал дух тем временем мое имя. Я вздрогнула. Мне показалось, что кто-то положил холодную как лед руку на мое плечо. И тут блюдце стало просто летать.

– У каждого есть своя судьба. У тебя тоже есть.

– Моя судьба? – прошептала я, чувствуя, как моя рука, касающаяся ледяного фарфора, занемела.

– Да. Не потеряй его. Иначе будет плохо, – из-за этих слов мне стало не только страшно, но и дико печально.

– Иначе опять неизвестность и пустота.

– Кто моя судьба? – зачем-то спросила я, потом тысячи раз укоряя себя за то, что раскрыла рот.

– Его имя...

И тут все кончилось. Внезапно истошно заорал мой мобильник. Заорал с таким вкусом и так громко, что я чуть не посерела от ужаса, который принес с собой испуг. Впрочем, испугалась не я одна. Друзья, видимо, струхнули не меньше. Алена почему-то завизжала, Даня заорал, Женька метнулся к выключателю, и мгновенно в комнате стало светло. Ранджи в это время приоткрыла окно – и ослабевший запах озона, сцепившийся в схватке с шалфеем, потихоньку улетучился вон из квартиры.

Я чуть дрожащей рукой схватила лежащий рядом со мной мобильник, чтобы посмотреть, сколько времени, и тотчас пришло сообщение. Его звук еще больше напугал Алену.

«Ну что, королева цирка? Смеешь игнорировать меня? Или ты на представлении?» – беззаботно и нагло писал Ярослав, которого мне мгновенно захотелось удушить. Нашел время, козел!

– Настя! – спокойно сказал Темные Силы. – Я же сказал русским языком – выключи мобильник.

– Я выключила, – возразила я, сведя брови. Что за черт? Я же отлично помню, как выключала этот идиотский звук!

– Хорошо же ты выключила, – явно не поверил он мне.

– Я, по-твоему, вру? – стала закипать я.

– Я видела, как она звук выключала, – спокойно сказала Ранджи. – Видимо, глюк телефона.

– И вообще, – вдруг поняла я, что меня смутило. – У меня никогда не стояло стандартных мелодий на звонке. У меня музыка стоит.

Я с озадаченным видом принялась вертеть телефон в руках. Что за чудеса с ним стали происходить? А после, сцепив зубы, быстро и коротко напечатала царевне Ярославне:

«Исчезните, ваше тупейшество».

Надеюсь, внемлет. И оставит меня в покое.

– Так, Алсу, Настя, – позвал меня и любимую девушку Темные Силы. – Мы должны закончить. Отправить духа обратно. Садитесь к кругу.

– Опять без света? – занервничал Дан. – Аленка, ну что с тобой? Смотрите, до чего вы девчонку довели!

Подруга и впрямь выглядела неважно. Ее слегка трясло, в глазах стояли слезы, и она буквально жалась к Даниилу, как будто бы боялась отпустить его от себя. Тот успокаивающе гладил ее по волосам и плечам, шепча, что все хорошо.

– Со светом, – отозвался устало Олег. – Аленка, ну чего ты испугалась? К нам просто плохой дух пришел, стал ерунду говорить. Они любят это делать. И вообще их несколько было. Все в порядке, подруга. Верить? – он подошел к ней и взял ее руку в свою.

Алена, тихонько всхлипнув, кивнула, постепенно успокаиваясь. Темные Силы, который был на полголовы ниже, улыбнулся ей. Вот же она впечатлительная, а! А мне еще сегодня задуманное надо сделать! И как, спрашивается, я сделаю, если она и так не в себе? Что за день сегодня – то родственничек встретился, то какой-то массовый психоз из-за каких-то там «типадухов» начался.

– Крошка, детка, – позвал нас с Алсу Олег, – за дело.

Мы вновь, но уже при мощном свете электричества, сели с Алсу и Олегом вокруг стола, на котором лежал магический круг, и Темные Силы принялся что-то вновь читать, закрыв ладонями худое вытянутое лицо. Капюшон он снял, убрав волосы назад, и я увидела, что от напряжения на его лбу блестит пот. А может быть, в комнате было еще очень душно.

А еще чуть позднее Ранджи нарисовала вдруг смайл, о котором говорил дух, хотя, конечно, никакого духа не было – все это наши выдумки и коллективный психоз. Но получился этот смайл каким-то зловещим –Е. Как будто бы это была оскаленная пасть.

В результате сделать то, что я хотела, из-за спиритического сеанса не получилось, к тому же и Алена сильно расстроилась, да и остальные, включая меня, были в каком-то легком замешательстве.

Когда все разъехались по домам, если честно, мне было как-то не по себе, и я ушла спать к ворчащему Дане, который, впрочем, тоже был впечатлен.

Сны мне снились тревожные, нехорошие, нервные, как кардиограмма человека с сердечной патологией, но с утренними лучами солнца все страхи растаяли, вернув хорошее настроение и веру в то, что все произошедшее – дело рук приколиста Темных Сил. Или же просто неосознанные движения рук кого-то из нас троих.

Впереди мне предстояло мое первое посещение школы в качестве практиканта по великому и могучему. По русскому языку то есть. А еще – жуткая встреча с невыносимым человеком.

* * *

Ярослав безмятежно сидел в своей комнате на широком белом подоконнике, прижавшись спиной к стене, согнув одну ногу в колене и положив на нее левую руку. Ладонь же правой внутренней стороной покоилась на прохладной пластиковой поверхности подоконника, изредка подрагивая в такт музыке, играющей в наушниках. Глаза молодого человека были закрыты, словно он спал и видел лучшие в своей жизни сны, саундтреком для которых была рок-баллада «Лестница в небо» известной британской группы Led Zeppelin.

В комнате с высокими потолками, где находился Яр, было темно – практически так же темно, как и за окном, за которым падал густой, но почти невесомый снег, беззвучно касающийся холодных стекол. Казалось, легион белых быстрых искр желает – нет, даже жаждет – коснуться этого человека, застывшего в своем умиротворении на подоконнике, словно он – их повелитель или же кумир. Но каждая попытка оказывалась неудачной. Снег не мог коснуться Ярослава, раз за разом натываясь на прозрачную стеклянную границу, не в силах пробить ее и дотянуться до неподвижного молодого человека с закрытыми глазами, похожего сейчас на модную куклу BJD – шарнирную красивую куклу, сделанную из полиуретана. Даже грудь его почти не вздымалась, словно Яр и не дышал вовсе.

Внезапно мелодичное фолковое вступление композиции в наушниках прервалось коротким звуком нового входящего сообщения, и парень резко распахнул светло-зеленые глаза, которые в темноте казались серыми. Схватив планшет, лежащий у него на вытянутой

ноге, чуть выше колена, от которого к ушам тянулись два белоснежных провода, парень, сморщившись, как от неприятного запаха, прочитал послание от все той же ненормальной девицы, которое коротко гласило:

«Исчезните, ваше тупейшество».

– Ваше... что? Тупейшество? Это ты мне? – изогнул он темно-коричневую бровь. – Как ты мне надоела, – проворчал Ярослав. – Одни неприятности от тебя.

Постучав изящными и достаточно длинными пальцами – длиннее, чем сама ладонь, которые очень бы подошли профессиональному музыканту, но, увы, никогда не касались клавиш и струн музыкальных инструментов, юноша потянулся, как молодой кошок после сладкого сна.

Если честно, Яр ждал более развернутого сообщения от сумасшедшей, которая откуда-то узнала номер его мобильного, – отчего-то ему нравилось выводить эту, скорее всего, психически нездоровую личность из себя. Все-таки какое у нее было лицо, когда он с парнями проехал мимо старой тачиллы ее друзей, остановленной ментами. Просто загляденье.

Вспомнив физиономию дурочки, перекошенную гневом и негодованием, Ярослав довольно улыбнулся. Прикольно он все-таки тогда придумал. И, главное, сработало же! А ведь сама виновата, чертова кукла. Не надо было ссорить его с Ваном, отправив цветы и открытку от имени Жени. Как она вообще узнала обо всей этой тупой ситуации, сложившейся между ним, Ваном и Евгенией?

Упрямый Ярослав был уверен, что за всем этим стоит Анастасия, а то, что это всего лишь роковая случайность, в его буйную головушку не приходило.

В наушниках заиграла знакомая до умопомрачения и переслушенная тысячу раз песня «Smells Like Teen Spirit» – одна из самых известных мелодий легендарной группы Nirvana, которую Яр обожал с подросткового возраста, как и ее вокалиста и гитариста Курта Кобейна, покинувшего этот мир еще в далеком 1994 году, но оставившего большой след в истории музыки и в сердцах людей. Если под первую мелодию Яр расслаблялся, всецело отдаваясь музыке, то при первых же аккордах гитары второй его словно ударило током, и он, не в силах оставаться таким же спокойным, в такт музыке замахал головой, шепотом повторяя слова песни, которые отлично знал много лет. Одновременно с этим, испытав какое-то удивительное чувство злого вдохновения, Ярослав достал планшет, включил фотошоп и принялся рисовать женский портрет. С магией живописи этот парень был на короткой ноге, а потому между ним и искусством создания изображений царил полное взаимопонимание, гармония и любовь.

Уверенные штрихи, легкие мазки, скользящие движения левой руки, в которой был зажат черный стилус – компьютерное перо, появляющееся и исчезающее меню выбора цветовой палитры и кистей, касания сенсорного экрана указательным и большим пальцами, чтобы изменить масштаб изображения – и у Ярослава получились наброски для портрета на планшете. Под чуткими руками юного художника он постепенно приобретал все более и более знакомые очертания и цвета.

Слегка склоненное к плечу угловатое симпатичное лицо с высоким лбом и упрямым, чуть вздернутым волевым подбородком. Несколько глубоко посаженные – глубже, чем того требует идеал – графитно-серые глаза удлинненной формы. Широкие скулы, прямой нос, коричневые брови вразлет. Темно-пшеничные волосы со светлыми мелированными прядями.

Вскоре можно было понять, что с экрана планшета на мир смотрит Настя, чуть прищурившись и недобро поджав губы. Ярослав отлично смог передать ее плохое настроение.

– Ведь ты вроде бы ничего, – проговорил он почти ласково, вдруг вспомнив, в какой ступор вогнала его эта девица, когда они только увидели друг друга около клуба «Горячая сковорода». Именно поэтому он и начал хамить, чтобы у Шейка ничего не получилось с ней –

стало вдруг невыносимо думать о том, что и она тоже станет очередной жертвой пикапера. И только потом он понял: такие как она – не жертвы, а самые настоящие охотники. Если честно, такие девушки – умеющие за себя постоять, напористые, упрямые, гордые и смелые Яру нравились. Но конкретно эта кулема бесила. Всем, чем только может раздражать человек: от внешности, особенно от этих серых глаз с вечным царским прищуром, до характера, хотя, конечно, Яр так до конца не понял эту Настю. И надеялся никогда не понять. Потому что понять человека можно, если ты с ним общаешься, а общаться с овечкой в ближайшие много веков в планы Ярослава не входило. Он вообще опасался, что психическое состояние Анастасии заразно, а становиться такой как она ему совершенно не хотелось.

Девушка, смотревшая на художника с экрана планшета, была с ним полностью согласна – она тоже боялась заразиться от Ярослава какой-нибудь дуростью.

– Вроде бы ничего, – повторил парень, чуть склонив голову влево, – но ты мне не нравишься. – С этими словами Ярослав ловко пририсовал Насте знатные боярские усы и жиденькую мушкетерскую бородавку – видимо, недавняя травма все еще беспокоила парня.

Это заставило молодого человека весело похмыкать.

– Ты – неадекватная. – с этими словами Яр, отлично рисующий и отменно разбирающийся в фотошопе, видоизменил нос Насти, сделав его большим и грушевидным. – Дерзкая и истеричная.

Несколько коротких штрихов и смешок – и Настя могла похвастаться пушистой монобровью – вместо двух аккуратных, скептически вздернутых бровей на ее симпатичном лице с упрямо сжатыми губами появилась одна: широкая и длинная, похожая на застывшую ехидную гусеницу.

– И манер у тебя нет. – Теперь парень щедрою рукой подарил девушке россыпь прыщей, а также знатные мешки под глазами, словно она пила без просыху недели три. После у девушки появились уши-лопухи и кривой зуб, наезжающий на нижнюю оттопыренную губу.

– Прелестно, – сказал довольно Яр, любуясь. – На аватарку.

«*Ах ты, скотина*, – сердито прокричало перекошенное и перепорченное изображение Насти с экрана. – *Попадись мне только!*»

Ярославу показалось, что он услышал голос Насти, а потому парень, подозрительно глянув на портрет под кодовым названием «Просто прелесть», вышел из фотошопа, впрочем, не забыв сохранить свое художество в одной из нескольких десятков папок, коими был забараклен его рабочий стол. Особенной аккуратностью и порядком, как натура искусства, он никогда не отличался, а его комната частенько находилась на грани того самого легендарного творческого беспорядка, коим хвастаются многие творческие люди, и бедлама обыкновенного, присущего лентяям и разгильдяям. Правда, сейчас комната Ярослава была убрана – тут не было ни пылинки, все стояло и лежало на своих местах, и даже карандаши стояли в подставке для письменных принадлежностей по росту. А все потому, что на Яра изредка накатывало настроение знатного уборщика, и тогда, по меткому выражению старшего брата Егора, он «играл в чистоплюя». Кстати говоря, на внешний вид правило творческого беспорядка на Ярослава не распространялось – он всегда одевался со вкусом, довольно неброско и стильно, умудряясь даже в простых вещах навряде синих классических джинсов и рубашки в клеточку выглядеть так, как будто бы собрался скуки ради сфотографироваться для журнала мужской моды. При этом чувство вкуса у него было врожденным качеством, как, например, желание и умение рисовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.